Научный журнал
«Эпомен»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 40, май 2020
No. 40, May 2020

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2020

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор
Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Дикаев Салмат Умарович, д-р юрид. наук, профессор
Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор
Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор
Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор
Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор
Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук
Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент
Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики
Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Нешко Екатерина Максимовна
Младшие редакторы: Гудзенко Полина Руслановна, Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor
Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK[1] professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Dikayev Salmat Umarovich, Doctor of Law, professor
Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor
Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor
Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor
Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor
Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor
Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law
Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor
Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor
Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics
Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Neshko Yekaterina Maksimovna
Junior editors: Gudzenko Polina Ruslanovna, Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

[1] Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Содержание

Философские науки

Бакурадзе А. Б.
Свобода как ценность казачества (стр. 10–23)

Джоффри К., Никитин Г. М.
Формирование субкультуры геймеров в информационную эпоху (стр. 24–31)

Джоффри К., Эрик Д.
Концепция философии информации Лучано Флориди (стр. 32–39)

Еникеев А. А.
Герменевтика и аналитическая философия в контекстепрагматики философского текста (стр. 40–58)

Марченкова Е. Е.
Детерминанты социокультурного развития Беларуси польско-литовского периода (стр. 59–73)

Павленко В. В., Свердленко В. С., Суховерхов А. В.
Архитектурные архетипы: от гармонии числа к деконструкции (стр. 74–83)

Песоцкая Е. Н.
Герменевтический анализ феномена субъективности в культурном наследии М. М. Бахтина (аспекты технокультурной сингулярности) (стр. 84–93)

Экономические науки

Варданян Г. В., Погосян Д. А.
Раскрытие сезонных колебаний в сфере туризма по данным Республики Армения (стр. 94–103)

Восканян Г. В.
Анализ продовольственной безопасности в мире и в Армении (стр. 104–112)

Горда А. С.
Глобальные императивы трансформации мировой валютной системы (стр. 113–130)

Горда О. С.
Особенности формирования международного рынка труда в условиях цифровизации (стр. 131–148)

Лесных О. А., Якушева Ю. И., Никитина Т. В.
Оценка влияния кредитного риска на институциональную характеристику банковской системы Российской Федерации (стр. 149–166)

Сорокина А. С., Яроцкая Е. В.
Применение метода корреляционно-регрессионного анализа для оценки влияния социально-экономических факторов на динамику предоставления земельных участков из федеральной собственности под индивидуальное жилищное строительство в Краснодарском крае (стр. 167–179)

Юридические науки

Базулина А. А.
Комплексная проблема формирования правосознания личности (стр. 180–188)

Волченков В. В., Кислый О. А., Лукашин М. В.
К вопросу оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений (стр. 189–200)

Ковальчук М. Д., Тычинин С. В.
К вопросу о несовершенстве правового регулирования несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций в России (стр. 201–207)

Малимонова А. С.
Преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности как объект криминалистического исследования (стр. 208–220)

Марухно В. М., Руденко Е. Ю.
Способность товара быть потребленным как основное свойство товара (стр. 221–228)

Поздняков А. Н.
Международное взаимодействие в борьбе с преступностью в условиях экономических санкций: оперативно-розыскной аспект (стр. 229–247)

Порываева П. С., Прокофьева Е. В.
Вопросы достоверности методики проведения экспертного эксперимента (стр. 248–262)

Хитъ Я. А., Тащиян А. А.
Природа юридической ответственности за использование допинга в спорте (стр. 263–274)

Трифонова К. В., Шумилина А. Б.
Правовое регулирование рекламной деятельности за рубежом (стр. 275–292)

Яковец Е. Н.
Некоторые актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности (стр. 293–313)

Table of Contents

Philosophy

Bakuradze A. B.
Freedom as the Value of the Cossacks (pp. 10–23)

Geoffrey K., Nikitin G. M.
Formation of the Gamer Subculture in the Information Age (pp. 24–31)

Geoffrey K., Eric D.
Luciano Floridi's Concept of Philosophy of Information (pp. 32–39)

Yenikeyev A. A.
Hermeneutics and Analytical Philosophy in the Context of the Pragmatics of a Philosophical Text (pp. 40–58)

Marchenkova Ye. Ye.
The Determinants of Social and Cultural Development of Belarus in the Polish–Lithuanian Period (pp. 59–73)

Pavlenko V. V., Sverdlenko V. S., Sukhoverkhov A. V.
Architectural Archetypes: From the Harmony of Number to Deconstruction (pp. 74–83)

Pesotskaya Ye. N.
A Hermeneutical Analysis of the Phenomenon of Subjectiveness in M. M. Bakhtin's Cultural Heritage (the Aspects of Technical and Cultural Singularity) (pp. 84–93)

Economics

Vardanyan G. V., Poghosyan D. A.
Assessment of Seasonal Fluctuations in the Tourism Sector According to the Data Provided by the Republic of Armenia (pp. 94–103)

Voskanyan G. V.
Analysis of Food Security in the World and in Armenia (pp. 104–112)

Gorda A. S.
Global Imperatives of Transformation of the Global Monetary System (pp. 113–130)

Gorda O. S.
Features of the Formation of the International Labor Market in the Context of Digitalization (pp. 131–148)

Lesnykh O. A., Yakusheva Yu. I., Nikitina T. V.
Valuation of the Impact of Credit Risk on the Institutional Characteristics of the Banking System of the Russian Federation (pp. 149–166)

Sorokina A. S., Yarotskaya Ye. V.
The Use of the Method of Correlation and Regression Analysis to Assess the Impact of Socio-Economic Factors on the Dynamics of the Provision of Land in Federal Property for Private Housing in Krasnodar Krai (pp. 167–179)

Law

Bazulina A. A.
A Complex Problem of the Formation of Legal Awareness (pp. 180–188)

Volchenkov V. V., Kislyy O. A., Lukashin M. V.
On the Issue of Operational Search Support for the Investigation of Crimes (pp. 189–200)

Kovalchuk M. D., Tychinin S. V.
On Imperfections of Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy) of Agricultural Organizations in Russia (pp. 201–207)

Malimonova A. S.
Food Security Crimes as an Object of Forensic Researches (pp. 208–220)

Marukhno V. M., Rudenko Ye. Yu.
The Ability of Goods to Be Consumed as Their Main Property (pp. 221–228)

Pozdnyakov A. N.
International Cooperation in the Fight Against Crime in the Context of Economic Sanctions: the Operational Search Aspect (pp. 229–247)

Poryvayeva P. S., Prokofyeva Ye. V.
Issues of Reliability of the Methods of Conducting an Expert Experiment (pp. 248–262)

Khit Ya. A., Tashchiyan A. A.
The Nature of Legal Liability for the Use of Doping in Sport (pp. 263–274)

Trifonova K. V., Shumilina A. B.
Legal Regulation of Advertising Activities Abroad (pp. 275–292)

Yakovets Ye. N.
Some Topical Theoretical and Practical Problems of Operational Search Activities (pp. 293–313)

УДК/UDC 123.1

Свобода как ценность казачества

Бакурадзе Андрей Бондович
доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории
Российский университет транспорта (МИИТ)
г. Москва, Россия
e-mail: bondovich@mail.ru
SPIN-код: 3340-6957

Аннотация

В статье анализируются основные взгляды на происхождение казачества как социальной общности и обосновывается утверждение о том, что ценность свободы является одной из базовых ценностей бытия казаков. Сделан вывод, что она проявлялась в «казачьей воле» и в уникальной системе казачьего самоуправления, которая была ориентирована как на организацию жизнедеятельности казачьих сообществ, так и удовлетворение разнообразных социальных потребностей каждого казака и казачки. Доказывается, что превращение казачества в служилое сословие российского государства не внесло существенных изменений в уклад жизни казачьих станиц и хуторов, поскольку казаки по-прежнему признавали ценность свободы. При этом она сочеталась в мировоззрении казаков с ценностью общества и государства, что стало основой патриотической ориентации казачества.

Ключевые слова: казачество, казак, ценность, свобода, «казачья воля», самоуправление, уклад жизни.

Freedom as the Value of the Cossacks

Bakuradze Andrey Bondovich
Doctor of Philosophy, professor of the Department of Philosophy, Sociology and History
Russian University of Transport (MIIT)
Moscow, Russia
e-mail: bondovich@mail.ru
SPIN Code: 3340-6957

Abstract

The author analyzes the main views on the origin of the Cossacks as a social community and substantiates the claim that the value of freedom is one of the basic values of life of the Cossacks. It is concluded that it was manifested in the"Cossack will "and in the unique system of Cossack self-government, which was focused both on the organization of the life of the Cossack communities, and the satisfaction of various social needs of each Cossack and Cossack woman. It is proved that the transformation of the Cossacks into the service class of the Russian state did not make significant changes in the way of life of Cossack villages and farms, because the Cossacks still recognized the value of freedom. At the same time, it was combined in the Outlook of the Cossacks with the value of society and the state, which became the basis of the Patriotic orientation of the Cossacks.

Key words: Cossacks, Cossack, value, freedom,"Cossack will self-government, way of life.

Казачество как сложная социальная общность оказывала в течение многих веков значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику нашей страны, в первую очередь это касается расширения территории российского государства. Демонстрируя высокий уровень патриотизма, казаки заселяли окраины России и охраняли ее от внешних врагов. Поэтому очевидно, что в силу складывающейся сегодня в нашей стране политической ситуации возрастает интерес к изучению бытия казачества, его традиций и ценностей.

Анализ различных источников, главным образом по истории казачества, позволяет сделать вывод, что к настоящему времени отсутствуют достоверные знания о том, когда и где конкретно впервые появились казаки как социальная общность [1–3]. Ряд исследователей считают, что казаки произошли от группы народов и народностей, как ныне существующих, так и исчезнувших. К числу первых относятся русские, украинцы, аланы, казахи, киргизы, татары, черкесы, а к числу вторых - скифы, половцы, хазары, бродники, черные клобуки, торки и ряд других, проживавших на территории Причерноморья, Поволжья, Северного Кавказа [4–6]. Развивая эти взгляды, А. А. Гордеев указывал, что русское населе-

ние Золотой Орды, которое поселилось на Дону и в Поволжье, является предками казаков [7].

В противовес этим идеям в советский период доминировала точка зрения, что казачество возникло как общность беглых от крепостной зависимости русских крестьян. Однако в 90-е годы прошлого века эта позиция подверглась достаточно аргументированной критике [8, 9].

Объединяет описанные выше подходы то, что во всех них казачество рассматривается как воинская общность, ориентированная на защиту своих земель от внешней угрозы. Это предопределило онтологические и аксиологические основы такой общности. Поэтому следует согласиться с точкой зрения А. П. Комарова, который утверждает, что на формирование казачества как социального феномена оказали влияние две группы факторов:

— объективные факторы, обусловленные формированием российской государственности;
— субъективные факторы, предопределенные личными качествами и интересами выдающихся личностей (как казачьих атаманов, так и правителей российского государства), а также устремлениями тех или иных социальных групп российского общества [10, с. 26].

Воинская деятельность как основной вид деятельности казаков, а также социально-политические предпосылки формирования и развития казачества как социальной общности предопределили ее духовные и материальные ценности. У казачества формировались специфические социальная структура и культура бытия, которые существенным образом влияли на взаимоотношения казаков с российской государственной властью: ей они всегда были готовы служить, признавая при этом для себя значимость «казачьей воли»и «народоправства», понимаемого как формы правления, при которой власть осуществляется непосредственно народом [11].

«Казачья воля» и «народоправство» могут рассматриваться как проявления ценности свободы. Анализ ее понимания казаками приводит

выводу о том, что свобода понималась ими прежде всего как способность к самостоятельному целеполаганию [12, с. 25]. Такое целеполагание не предполагает опору на принуждение, которое в процессе бытия казачества воспринималось лишь как вынужденная мера в случае военной или иной необходимости. При преимущественно коллективном характере жизнедеятельности самостоятельное целеполагание ориентировало казака на достаточно высокую степень автономности, что позволяло органично сочетать в организации казачьего сообщества коллективистские и индивидуалистические начала.

Признание ценности свободы как системообразующей для казачьей общности предполагало горизонтальное распределение власти в ней и частое применение механизмов координации между казаками. При этом свобода, по своему определению, всегда вынуждает субъекта действовать в ситуации неопределенности, что побуждает его делать тот или иной выбор и нести за него ответственность, проявления чего подробно описаны в различных источниках, посвященных бытию казачества.

Ценность свободы, несмотря на региональные различия, присущие казакам разных российских территорий, во многом определяла общественную организацию, быт, идеологию, этнопсихологический уклад и поведенческие стереотипы казачества, которые существенно отличались от норм, принятых у соседних народов. Свобода стала аксиологической основой уникальной системы казачьего самоуправления, опыт организации которой может быть востребован и в настоящее время. Это признается сегодня на высшем уровне государственного управления Российской Федерации. Так, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества А. А. Серышев, отмечая важность опыта казачьего самоуправления, высказал мнение о том, что «казачество имеет все основания предложить одну из моделей эффективного самоуправления в обществе» [13].

Каждое казачье войско было разделено на станицы, каждая из которых состояла из нескольких казачьих поселений, именовавшихся хуто-

рами. Площадь владения станицы представляла собой станичный юрт, а все казаки, живущие в юрте, входили в станичное общество.

Власть в станице и хуторе осуществлялась станичным и хуторским управлениями. В состав станичного управления входили станичный собор, станичный атаман, станичное правление и станичный суд. Аналогичным было и хуторское управление.

Станичный (хуторской) собор принимал все свои решения коллегиально. Они касались следующих вопросов:

— избрание на руководящие должности в станице и в хуторе;
— распределение земли между казачьими семьями, установление общественных запашек, принятие мер по совершенствованию коневодства и земледелия, выдача ссуд и развитие торговли;
— учреждение и развитие местной системы общественного призрения, школ и ссудо-сберегательных касс;
— определение размеров повинностей и заведование магазинами;
— разрешение жалоб и ходатайств по различным станичным (хуторским) делам.

Непосредственное руководство станицей или хутором осуществлял выборный атаман. Его помощниками были есаулы. Однако власть атамана не была единоличной. Все основные вопросы жизнедеятельности станицы или хутора решались на круге, который представлял собой общий сбор казаков, проводимый на площади, а зимой - в специальной станичной избе. Круг избирал станичное правление и подписных стариков - судей. К обязанностям последних относилось разрешение споров между казаками, наложение штрафов на нарушителей порядка, определение очередности нарядов на службу, созыв казаков в случае угрозы станице, объявление о совершенных казаками преступлениях и вынесение дел для судебного разбирательства, которое осуществлял круг.

Таким образом, можно сделать вывод, что жизнь казачества носила общинный характер, управление которой казаки, признававшие ценность свободы как ведущую ценность своей жизнедеятельности, осуществляли самостоятельно за счет хорошо организованной системы самоуправле-

ния. Другие группы населения России не имели столь развитой системы самоуправления.

Казачье самоуправление учитывало потребность в координации действий казачества при осуществлении военной, экономической, политической, социальной и духовной деятельности, что предопределялось пониманием им свободы как осознанной необходимости, а также предоставляло широкий объем прав членам казачьего сообщества, что создавало предпосылки для их самостоятельного целеполагания. Например, казаки, будучи «вольными людьми», в любой момент могли покинуть свой хутор или свою станицу, отправившись на поиски «добычи» или освоение новых земель. Последнее обстоятельство способствовало, благодаря ориентации казачества на ценность свободы, приращению к нашей стране значительных территорий Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, что превратило Россию в крупнейшее по площади государство мира. Заметим при этом, что подобное, мотивированное ценностью свободы, поведение было невозможным для представителей других сословий Московского государства.

Отмеченная выше ориентация на ценность свободы вызвала интерес идеологов анархизма к казачеству как силе, способной противостоять государству и достичь их идеала общества, основанного на развитой системе самоуправления и отрицании единоличной власти правителя [14, 15]. Так, признавая казаков носителями идеалов анархизма, анархисты-народники стремились активно действовать в территориях компактного проживания казачества [16, с. 163].

Рассматривая управление казачеством со стороны государства, следует отметить, что оно базировалось на аксиологических основаниях, также отличавшихся от оснований управления другими социальными общностями, включенными в социальную структуру России.

С момента появления казачества как социальной общности его взаимоотношения с российской властью носили двойственный характер. В Московском государстве они были организованы исходя из определенной суверенности казачества, которая определяла партнерский характер от-

ношений, поскольку казаки и московская власть противостояли общим противникам и были союзниками. Очевидно, что в такой коалиции Московское государство являлось ведущим партнером, будучи более сильной в ресурсном отношении стороной. Об этом свидетельствуют регулярные поставки казакам московскими властями оружия и боеприпасов, продовольствия и денег, а также товаров, которые казаки не производили. Тем самым государственная власть была для казачества источником ресурсных ценностей [17], к числу которых относились перечисленные выше ресурсы. В свою очередь, и казачество для Московского государства представляло собой ценный ресурс, прежде всего человеческий.

О достаточной степени свободы в отношениях государства и казачества свидетельствует тот факт, что все сношения между Московским государством и казаками осуществлялись через Посольский приказ аналогично сношениям с иностранными государствами. Таким образом фиксировалась политическая независимость казачества от государственной власти.

Однако не всегда интересы Московского государства и казачества совпадали. В таких случаях они переставали быть партнерами и ценными ресурсами друг для друга, о чем свидетельствуют события Смутного времени и антиправительственных выступлений XVII века, наиболее мощным из которых было восстание под руководством С. Разина. Анализ источников показывает, что перманентное недовольство московской власти вызывало бегство многих крепостных крестьян в территории, заселенные казаками, где сбежавшие крестьяне теряли свой статус крепостных.

Недостаточность ресурсов, необходимых для обеспечения самостоятельной жизнедеятельности социальной общности казаков, и потребность в подчинении казачества, которую испытывало Московское государство, привели к принятию казачьими войсками присяги на верность российскому престолу. Это превратило казаков из добровольных союзников в подданных русского царя с потерей ими полной политической власти взамен гарантированного получения необходимых для существова-

ния на границах Московского государства материальных, финансовых, военных и прочих ресурсов. Безусловно, не все представители казачества стремились к приобретению статуса подданных российского престола и потере «казачьей воли», о чем свидетельствует уже упомянутое восстание под предводительством С. Разина. Однако для значительной части казачества обладание указанными выше ресурсами, предполагающее получение гарантированной поддержки от царской власти за службу ей, оказалось более значимым. Таково аксиологическое обоснование постепенного превращения общности казаков в одно из сословий российского общества.

С XVIII века государство регламентировало жизнь казачества, изменяя в нужном для себя направлении традиционную систему казачьего самоуправления, которая превратилась, сохранив многие свои формальные институты, в часть административной системы Российской империи. Данный процесс начался в период правления Петра I, который упразднил выборность войсковых атаманов и ввел институт назначаемых императором наказных атаманов [18]. Вместе с тем следует признать, что аналогичного наказным атаманам «промежуточного» звена между государственной властью и казачеством другие социальные группы населения России не имели, что выделяло казаков из общей массы подданных империи и свидетельствовало об определенном признании властью значимости для них ценности свободы.

После разгрома войск Е. Пугачева и ликвидации Запорожской Сечи казаки лишились последних остатков своей «вольницы», а в 1798 г. на основании указа императора Павла I все казачьи офицерские чины были приравнены к общеармейским с получением их обладателями дворянских прав [19]. Таким образом, власть обеспечила верхушку казачества дополнительными ресурсами, которые давали принадлежность к дворянскому сословию, взамен на дальнейший отказ казаков от «вольностей», культивируемых ценностью свободы.

Утеряв политическую свободу на уровне своей общности в целом, казаки все же сохранили свое уникальное самоуправление и остались

верны ценности свободы на бытовом уровне, что проявилось в их укладе жизни. Прежде всего это касалось семейного уклада, в котором сочеталась патриархальность со свободой мышления и проявления активности [20, с. 74]. Однако условием проявления таких свобод была ориентация на благо общества: российского государства, казачьего сообщества, семьи. В результате такого сочетания казалось бы несочетаемых ценностных оснований казачья семья превратилась в уникальное социокультурное образование, аналогов которому нет и не было в мировой практике.

Так, в казачьей семье женщина находилась на фактически равном положении с мужчиной. Это положение определялось ее ролью хранительницы дома и предоставляло ей значительную свободу в действиях, связанных с ведением хозяйства, воспитанием детей, взаимодействием с окружающими. Обладание женщиной навыками самостоятельности было особенно важно во время походов, когда значительная часть мужчин покидала свои станицы и хутора. Безусловно, свобода женщины ограничивалась определенными христианскими и казачьими традициями, в чем проявлялось патриархальное начало жизни казачьего общества, однако она предоставляла существенный простор для самоактуализации женщины, ее самовыражения в типично женских социальных ролях.

Дети в казачьей семье рано становились равноправными участниками жизнедеятельности. Так, примерно с двенадцати лет казачонку разрешалось посещать круг и иные значимые для казаков мероприятия, что давало ему возможность изучить и принять принципы жизни казачьей общины, почувствовать свою значимость для нее. По личной готовности молодого казака включали в состав охотников и допускали до участия в военных сборах, при этом отношения неравенства между ним и опытными казаками не допускались. Достаточно рано к хозяйственным делам приучали и девочек-казачек, предоставляя им достаточно большой простор для проявления личной инициативы в разнообразных делах.

Таким образом, уклад казачьей семьи способствовал укоренению ценности свободы в сознании казачества, что во много определяло специ-

фику мировоззрения казаков. Вместе с тем ценность свободы для казака тесно переплеталась с ценностью общества: российского государства и общинной организации казачества. Как отмечал один из лидеров казачьей эмиграции первой половины XX века В. Г. Улитин: «Воля-вольная для казака - самый надежный источник мужества <...> Воля - это не узкосоциальная свобода Запада, а достоинство, независимость и, самое главное, ответственность: не анархия, а железная дисциплина верности воле своего народа» [21]. Это означает, что свобода понималась казаками не только как самостоятельность, но и как ответственность, долг перед обществом. Поэтому Б. Кременской сформулировал суть казачьей идеи следующим образом: «Отстаивание своих прав и высокое понимание своего гражданского и воинского долга - выполнение не наученного, а добровольного долга, самообязательная воинская доблесть, признание равенства между собой и государственный инстинкт» [22, с. 9–10].

Сочетание ориентации на ценности свободы и общества, порядок в котором устанавливает верховная власть, предоставляющая одновременно с этим и свободу казакам, укоренилось в сознании многих поколений казачества. Этим объясняется феномен поддержки казаками московских царей, российских императоров, советской и современной российской властей. В своей ориентации на свободу казачество никогда не отделяло себя от российского государства, а патриотизм всегда являлся одной из ключевых характеристик мировоззрения казаков. Это позволяет рассматривать его наличие как фактор, способствующий укреплению российской государственности [23–25].

Происходящий в настоящее время процесс возрождения российского казачества в своей аксиологической основе также предполагает сочетание ценностей свободы и ответственности казаков за состояние российского общества. Поэтому логично, что данный процесс активно стимулируется государством. Отражая установку на культивирование ценностей свободы и государственности, В. П. Водолацкий отмечает: «Только объединив наши усилия с органами государственной власти, мы можем рассчитывать на серьезный успех в деле возрождения былой славы рос-

сийского казачества, врастания его в государственную систему России» [26].

Таким образом, ценность свободы, будучи одной из базовых ценностей казачества, исторически проявлялась в «казачьей воле» и в уникальной системе казачьего самоуправления, ориентированной как на организацию жизнедеятельности казачьих сообществ, так и удовлетворение разнообразных социальных потребностей каждого казака и казачки. Превращение казачества в служилое сословие российского государства не изменило уклада жизни казачества, которое по-прежнему признавало ценность свободы. При этом она сочеталась в мировоззрении казаков с признанием ценности общества и государства, что явилось основой патриотической ориентации казачества.

Список литературы

1. Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси: Вместо введения в русскую историю М.: Академический проект, 2015. 522 с.

2. Савельев Е. П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Историческое исследование в трех частях. Новочеркасск, 1915. 540 с.

3. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, 1991. 320 с.

4. Абд-ар-Раззак Самарканди. Места восхода двух счастливых звезд и места слияния двух морей. // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Собр. и перев. Тизенгаузен В. Г.; обраб. Ромаскевич А. А., Волин С. Л. М.-Л.: Академия наук СССР, 1941. 489 с.

5. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1998. 234 с.

6. Савельев Е. П. Древняя история казачества. М.: Издательство Вече, 2007. 448 с.

7. Гордеев А. А. История казачества. М.: Вече, 2007. 640 с.

8. Алмазов Б. А. Мы казачьего рода. СПб: RME Group Oy, 2012. 608 с.

9. Мухин А., Прибыловский В. Казачье движение в России и странах ближнего зарубежья (1988–1994). М., ЦИМО, 1994. 232 с.

10. Комаров А. П. Ценности казачества и их влияние на социальные процессы в России: социально-философский анализ: Дисс. ... канд. фил. наук. М., 2018. 153 с.

11. Слобожанинов М. Народоправство и трудовое начало в исторических формах трудовых артелей. М.: Белые альвы, 2013. С. 246.

12. Бакурадзе А. Б. Ценности-цели и ценности-средства управленческой деятельности // Вестник Московского областного университета. Серия «Философия». 2015. № 1. С. 20–29.

13. Новая стратегия по казачеству будет направлена на его развитие и консолидацию. URL: https://tass.ru/obschestvo/7210589 (дата обращения: 05.01.2020).

14. Нечаев С. Г. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Ред. Е. Л. Рудницкая. М.: Археографический центр, 1997. С. 244–248.

15. Письмо М. А. Бакунина к С. Г. Нечаеву // Бакунин М. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 527–569.

16. Смирнова В. К. Казачество и анархизм // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2012. № 2. С. 162–167.

17. Бакурадзе А. Б. Ресурсные ценности управления // Образование и наука. 2013. № 9. С. 43–55.

18. Казачьи Войска / Под ред. В. К. Шенк. Составил В. Х. Казин // Справочная книга Императорской «Главной Квартиры» Хроники гвардейских казачьих частей по 1-е апреля 1912 года. Репринтное издание 1912 г. СПб., 2017. С. 112–121.

19. Казаки // Военная энциклопедия/ Под. ред. В. Ф. Новицкого. СПб.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911-1915. Т. 11 [Инкерман - Кальмар-зунд]. СПб., 1913. 326 с.

20. Комаров А. П. Базовые ценности российского казачества // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2017. № 4. С. 72-80.

21. Улитин В. Г. Казачество в славном прошлом России. URL: http://xxl3.ru/kadeti/kazaki.htm (дата обращения: 27.12.2019).

22. Кременской Б. Опыт обоснования казачьей идеи // Родимый край. 1964. № 54. С. 3–11.

23. Глуховский В. И. Государственная политика РФ в отношении российского казачества в течение 20-ти лет: итоги // Агентство политических новостей. URL: http://www.apn.ru/publications/article28808.htm (дата обращения 11.06.2019).

24. Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона. М.: Центр стратегических исследований религии и политики современного мира, 2017. 95 с.

25. Лазарев С. Е. Советская власть и казачество: трансформации взаимоотношений (конец 1920-х - начало 1930-х годов) // Гражданин и право. 2016. № 11. С. 19–27.

26. Водолацкий В. П. Тезисы доклада атамана Всевеликого Войска Донского на XV отчетно-выборном Круге Войскового казачьего общества «Всевеликое Войско

Донское» 14.11.2009. URL: http://forum.fstanitsa.ru/viewtopic.php?f=39&t=666 (дата обращения: 15.01.2020).

References

1. Ilovaiskiy, D. I. Researches on Early Russia (Instead of an Introduction to Russian History). Moscow: Akademicheskiy proekt, 2015. 522 p.

2. Savelyev, Ye. P. History of the Cossacks from Ancient Times to the End of the 18th Century: A Historical Study in Three Parts. Novocherkassk, 1915. 540 p.

3. Khudyakov, M. G. Essays on the History of the Khanate of Kazan. Moscow: INSAN, The Council for the Preservation and Development of Cultures of Small Peoples, 1991. 320 p.

4. Abd-al-Razzaq Samarkandi. The Rising of the Two Stars of Fortune and the Confluence of the Two Seas // Collection of the Materials Related to the History of the Golden Horde / Collected and translated by V. .G. Tizengauzen; editet by A. A. Romaskevich, S. L. Volin. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1941. 489 p.

5. Mininkov N.A. Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671). Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 1998. 234 p.

6. Savelyev, Ye. P. Ancient History of the Cossacks. Moscow: Veche, 2007. 448 p.

7. Gordeyev, A. A. History of the Cossacks. Moscow: Veche, 2007. 640 p.

8. Almazov, B. A. We Are a Cossack family. St. Petersburg: RME Group Oy, 2012. 608 p.

9. Mukhin, A., Pribylovskiy, V. The Cossack Movement in Russia and Neighboring Countries (1988–1994). Moscow: TsIMO, 1994. 232 p.

10. Komarov, A. P. The Values of the Cossacks and Their Influence on Social Processes in Russia: A Socio-Philosophical Analysis. Moscow, 2018. 153 p.

11. Slobozhaninov, M. Democracy and the Labour Principle in the Historical Forms of Labour Artels. Moscow: Belyye alvy, 2013. P. 246.

12. Bakuradze, A. Goal Values and Fund Values in Management // Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Philosophy. 2015. No. 1. Pp. 20–29.

13. The New Strategy for the Cossacks Will Be Aimed at Its Development and Consolidation // TASS. URL: https://tass.ru/obschestvo/7210589 (access date: January 5, 2020).

14. Nechayev, S. G. Catechism of the Revolutionary // Revolutionary Radicalism in Russia: the 19th Century / Ye. L. Rudnitskaya (ed.). Moscow: Arkheographicheskiy tsentr, 1997. Pp. 244–248.

15. Letter of M. A. Bakunin to S. G. Nechayev // Bakunin, M. Philosophy. Sociology. Politics. Moscow: Pravda, 1989. Pp. 527–569.

16. Smirnova, V. K. Cossacks and Anarchism // Bulletin of Chekhov Taganrog Institute. 2012. No. 2. Pp. 162–167.

17. Bakuradze, A. B. Management Resource Values // The Education and Science Journal. 2013. No. 9. Pp. 43–55.

18. Cossack Troops // Edited by V. K. Shenk, compiled By V. Kh. Kazin // Reference Book of the Imperial Headquarters Chronicle of the Guards Cossack Units up to April 1, 1912. Reprint edition. St. Petersburg, 2017. Pp. 112–121.

19. Cossacks // Military Encyclopedia / Editeb by V. F. Novitskiy. Vol. 11. St. Petersburg: I. D. Sytin's Partnership Printing House, 1913. 326 p.

20. Komarov, A. P. Russian Cossacks' Core Values // Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy. 2017. No. 4. Pp. 72–80.

21. Ulitin, V. G. Cossacks in the Glorious Past of Russia // URL: http://xxl3.ru/kadeti/kazaki.htm (access date: December 27, 2019).

22. Kremenskoy, B. Experience of Substantiation of the Cossack Idea // Rodimyy kray. 1964. No. 54. Pp. 3–11.

23. Glukhovskiy, V. I. State Policy of the Russian Federation in Relation to the Russian Cossacks for 20 Years: Results // Agentstvo politicheskikh novostey. URL: http://www.apn.ru/publications/article28808.htm (access date: June 11, 2019).

24. The Cossacks of the North Caucasus as a Factor of Stability in the Region. Moscow: Centre for Strategic Studies of Religion and Politics of the Modern World. 2017. 95 p.

25. Lazarev, S. Ye. Soviet Rule and the Cossacks: Transformations of Relations (late 1920s-early 1930s) // Grazhdanin i pravo. 2016. No. 11. Pp. 19–27.

26. Vodolatskiy, V. P. Abstracts of the Report of the Ataman of the Great Don Army at the 15th Reporting and Elective Circle of the Military Cossack Society the Great Don Army, November 14, 2009 // URL: http://forum.fstanitsa.ru/viewtopic.php?f=39 &t=666 (access date: January 15, 2020).

УДК/UDC 101.83

Формирование субкультуры геймеров в информационную эпоху

Джоффри Клемпнер
главный редактор журналов Philosophy Pathways и Philosophy for Business,
руководитель научно-исследовательских работ
Международное общество философов (International Society for Philosophers)
Великобритания
e-mail: gef2020@countermail.com, 20343@protonmail.com

Никитин Григорий Михайлович
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кубанский государственный аграрный университет
г. Краснодар, Россия
e-mail: p20347@mail.ru

Аннотация

Гейминг — это специфический феномен информационной эпохи, который сочетает в себе врожденное человеческое стремление к соревнованию и соперничеству с современными возможностями информационных технологий. Геймеры не только являются участниками игры, они становятся частью виртуальной реальности путем отождествления себя со своими аватарами, игровыми изображениями, тем самым представляя собой один из «продуктов» электронной культуры, под которой подразумевается совокупность результатов творчества и актов коммуникации людей в контексте внедрения инноваций в сфере IT. Эта совокупность характеризуется созданием единого информационного пространства, виртуальной формой самовыражения, дистанционными технологиям и либерализацией контента.

Ключевые слова: субкультура, геймер, аватар, игровые изображения, информационные технологии, электронная культура, коммуникации, инновации в сфере IT, информационное пространство, контент.

Formation of the Gamer Subculture in the Information Age

Geoffrey Klempner
Chief Editor of Philosophy Pathways and Philosophy for Business, Director of Studies
International Society for Philosophers (UK)
e-mail: gef2020@countermail.com

Nikitin Grigoriy Mikhaylovich
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: p20347@mail.ru

Abstract

Gaming is a peculiar phenomenon of the information age, which combines the intrinsic human desire for competition and rivalry with the modern capabilities of information technology. Gamers are not only participants in the game, they become part of virtual reality through identity with their avatars, game images, representing one of the "products" of electronic culture, by which we mean the totality of the results of creativity and communication of people in the context of introducing IT innovations, characterized by creating a single information space, virtual form of expression, distance technology, content liberalization.

Key words: subculture, gamer, avatar, game images, information technology, electronic culture, communication, IT innovation, information space, content.

Introduction. Gamers are both subjects of electronic culture, and at the same time its product, since their enthusiasm and form of communication are generated by information technology.

The number of gamers in modern society is growing steadily, as evidenced by statistics and analytical forecasts.

The gamers include, firstly, people who are fond of computer games along with other activities and entertainment that do not entail damage to the social functions assigned to them; secondly, people experiencing an

increased craving for computer games, entailing a certain shift in perception of reality, but not passing into the rank of mental pathology; thirdly, people with a pathological addiction to computer games, causing social and communicative personality dysfunctions.

The Information Age and Gaming Subcultures. Among the works devoted to the analysis of the gaming subculture, one can distinguish the works of such researchers: Kent L. Steven [1], dealing with the history of computer games; C. Kerdellant and G. Grésillon [2], considering computer games as an effective means of game psychotherapy.

In Russia is engaged in the study of gaming and the phenomenon of computer games O. A. Stepantseva [3], considering the features of the subculture of computer players; M. B. Ignatyev [4], analyzing the relationship between virtual computer games and acting; I. V. Burlakov [5], M. S. Ivanov [6], G. M. Nikitin [7].

The subculture of gamers was born recently, in the 80s and 90s of the 20th century. With the advent of computer games, and later the Internet, young people began to actively communicate on the Web, and the game turned into a means of global communication and entertainment.

Despite the fact that the modern gamer for the most part does not even suspect the meaning of the concept of "postmodernism", this wave in the culture of the last century generated a general orientation of a person to strengthen his microsocium as opposed to macrosocial, shaped the culture of the subject and the dominance of his interests, proclaimed the primacy of visual relation to semantic.

Despite its initial isolation from the world, today, gaming is an important component of social stratification. In turn, gamers are not a single entity; among them are various social subgroups that have significant differences.

True gamer, "real gamers", the largest group of users of gaming devices, ready to spend all their free time in virtual games [1].

At the same time, a "real gamer"does not seek to monitor all the events taking place in the gaming industry; as a rule, he prefers some type or a certain game that can be betrayed for years.

Their enthusiasm borders on fanaticism, fixing of consciousness on one object, aggressiveness towards everything that impedes its realization.

Hardcore gamers, or e-sportsmen, strive to play all their free and regular time.

They prefer online, long games, but, unlike the “enthusiastic”, they are always focused on the maximum result. The “hardcore” occupy the first places of game servers, becoming for many gamers the heights of excellence.

Gamers also have age-related features associated with the prevailing types of games at one age or another. You can talk about the specifics of a group of female gamers who more often prefer quests, simulations, and browser games.

Those playing on different continents have their own peculiarities: if for Russia gaming is more sport and entertainment, for Asia it is work and entertainment, for Europe it is entertainment and training.

Obviously, the subculture of gamers is a commercial product of a consumer society, on the one hand, and a product of the information age, on the other.

The growth in sales of gaming devices and profits from the creation of games and consoles are an economic factor in the development of this subculture, the number of which is growing due to advertising of its products.

There is a massive age-old passion for virtual games, part of the general process of virtualization of culture, the transformation of its objects and phenomena into digital simulacra and analogues.

The decisive role for the worldview of the individual is played by the value system; therefore the axiological analysis of the phenomenon of gaming is of particular relevance.

For many gamers, virtual reality gaming is more interesting and preferable than the real world. For those who are more connected with the

business world, absorbed in work, communication, virtual relaxation is the preferred form of leaving reality, full of problems and troubles [4].

The virtual world makes it possible to feel yourself in a new reality, where the rules of the game are known, everything is controlled by the subject himself, and there is always an opportunity to start all over again.

Virtual opportunities are realized in new aspects, playing not an objective, but an instrumental role. But the virtual gaming world can also remove a person from reality, destroying his actual being.

Game socialization and communication is another important value for a gamer.

Many gamers today prefer online games that enable communication in a global, intercontinental space. This is an unprecedented social phenomenon that unites fans of computer games of different countries, ages, sex into a single "fandom".

This gives great freedom, but at the same time leads to the loss of the possibility of full communication, with the exception of the transfer of information and emotions. Virtual space is often the preferred world, becoming not only a temporary habitat, but also a way to deal with the present, which leads to alienation from the family, real communication with friends, colleagues, which in extreme forms leads to communicative dysfunction.

Freedom is the highest value of a person in the modern world, including the gamer. The freedom to choose the trajectories of the game, the character, partners, the game itself, its beginning and end, all this gives a sense of choice of their fate and life situations that are subject to the control of the subject. In virtual gaming reality, a person through his character becomes the owner of many opportunities (limited by the scope of the game itself) that give a feeling of freedom from time, space, and the conditions of one's real life.

This kind of freedom can be described as "freedom from reality", which is achievable in the consciousness and feelings of the player, but not in the physical world. The gamer is free from the borders of states, estates, religions, social taboos, politics, and morality [6].

He is the creator and participant in an alternative reality, where the world is built to please the desires of the subject, and this freedom is largely the value dominant of the game. This freedom has the greatest moral risks, as it forms the stereotype of "breaking borders".

The freedom of the game world lies in the choice of oneself, transformation into its opposite (gender, age), and regardless of the norms and laws that exist in reality (in the game you can earn points by killing passers-by on the streets), and choosing the level of difficulty even cruelty.

However, these freedoms are within the framework of a virtual reality designed by an anonymous programmer, a way out of which is not possible, as well as the experience of these feelings without the very presence in the game.

An economically advanced society has a cultural code of pleasure.

This was characteristic of the history of mankind at different stages of its development: during the late Roman Empire, the late Middle Ages and the Renaissance, in the modern era of consumption and overconsumption (it should be noted that such periods come at a turning point in the history of history, since the spirit of most members of society is weakened, despite the material prosperity achieved by technology).

A modern gamer, a person in the era of consumption of various benefits of the information world, also seeks to obtain hedonistic benefits.

Strong emotions from victory, discharge from the intense process of going through a difficult stage, aesthetic pleasure from the visual images of the game universe, finally, just a feeling of pleasant "doing nothing", "killing time" in the game, all this attracts the player in many ways and is an important value of his worldview.

A person, spending all his free time playing the game, experiences a certain degree of pleasure similar to narcotic.

Internet addiction is manifested in the development of the modern person's desire for a constant presence on the Web, interaction with virtual partners, virtual gambling, as a result of neglecting one's own health, real social connections, weakening cognitive, creative activity, strengthening

passively perceiving and not processing information form of perception of reality [5].

In China, South Korea, and Taiwan, Internet addiction is recognized as a diagnosis by medicine, and Internet abuse is perceived as a nationwide crisis.

Leadership, competition, rivalry are also an integral part of the game, which is valuable to the player. Network games, online games by the number of players in recent years are clearly ahead of offline, story-based computer games, providing opportunities for team battles and competitions for the status of the best.

Leadership, the growth of the player's credibility, his high achievements and indicators in completed missions are the result that millions of players are focused on, sparing neither time, nor effort, nor money for this.

For a modern gamer, various artifacts obtained in the game, including those bought for real or in-game money, are a way to increase their authority among players. For some "things" players give more than a million rubles to reach top positions in the game rankings.

Games can develop the speed and flexibility of thinking, hone professional qualities. Thanks to computer game simulations, people train the necessary skills, learning games contribute to a more efficient process of mastering the new, logical games develop attention, strengthen memory, and expand the amount of memorized.

However, there are negative aspects; they are usually called in the first place. This is an increase in aggressiveness, an indifferent perception of violence, compulsiveness, a loss of a sense of time, reality, responsibility, an increase in the risks of dependence formation.

Conclusion. In the worldview of the gamer there is a phenomenal split of worlds: on the one hand, he estimates the real world around him as still necessary, but not so interesting and significant for himself.

On the other hand, a virtual world that captures his attention to the extreme, in which the gamer has a longer time (mentally or actually being at the game), which, in essence, is only a semblance of reality.

Thus, he lives in two unreal spaces: one with a lost value (that is, significance and meaning), the other is virtual in nature.

Therefore, the gamer is a player in each of these worlds; his condition is quasi-real, focused on his own feelings, passion and pleasure from the game process, which gives rise to the phenomenon of a virtual person imaginatively living in an imaginary world.

References

1. Kent, S. L. The Ultimate History of Video Games: From Pong to Pokémon—The Story Behind the Craze That Touched Our Lives and Changed the World / S. L. Kent. New York: Three Rivers Press, 2001. 624 p.

2. Kerdellant, C., Grésillon, G. Processor Children: How the Internet and Video Games Shape Tomorrow's Adults / Translated from French by A. Lushchanov. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2006. 272 p.

3. Stepantseva, O. A. Subculture of Gamers in the Context of the Information Society / O. A. Stepantseva. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions: St. Petersburg, 2007. 153 p.

4. Ignatyev, M. B., Nikitin, A. A., Nikitin, A. V. et al. Architecture of Virtual Worlds / M. B. Ignatyev, A. A. Nikitin, A. V. Nikitin, N. N. Reshetnikova. St. Petersburg: Politekhnika, 2005. 104 p.

5. Burlakov, I. V. Homo Gamer. Psychology of Computer Games / I. V. Burlakov. Moscow: Klass, 2000. 148 p.

6. Ivanov, M. S. Psychology of Personal Self-Realization in Computer Gaming / M. S. Ivanov. Tomsk: TSU Publishing House, 2008. 116 p.

7. Nikitin, G. M. The Phenomenological Model of Social Reality in Non-Classical Social Philosophy / G. M. Nikitin // Discussion, 2012. No. 1. Pp. 20–26.

УДК/UDC 101.83

Концепция философии информации Лучано Флориди

Джоффри Клемпнер
главный редактор журналов Philosophy Pathways и Philosophy for Business,
руководитель научно-исследовательских работ
Международное общество философов (International Society for Philosophers)
Великобритания
e-mail: gef2020@countermail.com

Эрик Дежарден
научный сотрудник
Лондонский университет
Лондон, Великобритания
e-mail: klgffr@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается концепция философии информации, разработанная в 1990-х годах итальянским философом Лучано Флориди. В 2011 его работа «Философия информации» была опубликована издательством Oxford University Press. В данной работе Л. Флориди сформулировал 18 проблем философии информации. Решение этих вопросов особенно важно для развития нового направления науки — философии информации. Согласно Л. Флориди, современное общество характеризуется, с одной стороны, наличием людей, а с другой — искусственными образованиями и вещами или объектами материального мира. Технологизация в развитых обществах затрагивает все больше и больше различных сфер, касающихся человека: сферу коммуникации, производства и потребления товаров, жизни, искусства, здоровья.

Ключевые слова: информация, философия информации, эвристика, философские проблемы компьютерной науки, реонтологизация, реинжениринг.

Luciano Floridi's Concept of Philosophy of Information

Geoffrey Klempner
Chief Editor of Philosophy Pathways and Philosophy for Business, Director of Studies
International Society for Philosophers (UK)
e-mail: gef2020@countermail.com, 20343@protonmail.com

Eric DeJardin
postdoctoral researcher
University of London
London, United Kingdom
e-mail: klgffr@gmail.com

Abstract

The article explores the concept of philosophy of information, developed in the 1990s by the Italian philosopher Luciano Floridi. L. Floridi's Philosophy of Information was published by Oxford University Press. In his work, L. Floridi formulated 18 problems of the philosophy of information. The solution of these issues is especially important for the development of a new branch of science called philosophy of information. By L. Floridi, modern society is characterized, on the one hand, by the presence of human beings, and on the other, by any artificial formations and things or objects of this material world. Technologization in developed societies affects more and more different areas that affect the human being: the sphere of communication, production and consumption of goods, life, art, health.

Key words: information, philosophy of information, heuristics, philosophical problems of computer science, reontologization, reengineering.

Introduction. This article can be preceded by such rhetorical questions: "Is it possible to consider information in philosophy?", "What is information?", "Is information a philosophical category, such as good and evil, essence, existence etc.?"

Luciano Floridi, analyzing the development of philosophical science, comes to the conclusion that many philosophical concepts and theories have already lost their "pristine" relevance and "stagnate" the development of

modern mankind. From his point of view, it is philosophy that can and must constantly be "renewed", reborn "from the ashes like a phoenix bird," that is, it constantly corresponds to the spirit of the times [1].

Luciano Floridi draws attention to the work of T. W. Bynum, J. G. Moore, which studies the question of heuristic understanding of philosophical issues, problems, methods, categories in modern society.

It is safe to say that the current "information revolution" is a prerequisite for (cause of) changes in philosophical concepts, theories, or systems.

These changes were predicted by N. Wiener, T. W. Bynum, J. G. Moore, A. Turing, D. Gilbert, who claimed in their works about a new rethinking of philosophy under the influence of information technology.

Luciano Floridi singled out 5 problems in the philosophy of information, without the solution of which, he believes, the further development of humanity and modern society is practically impossible [2].

The main problems of the philosophy of information. Problem one: "What is information?" It is difficult to compare the concept of information, for example, with such an important philosophical concept as being. Philosophers argue how it is even possible to draw any analogies between such a fundamental philosophical concept as being and such a simple, at first glance, concept as information. Information is most often perceived as some kind of "news", "bulletin", and it is unlikely that philosophers are trying to reveal some deep meaning of this concept.

Problem two: "What is the dynamics of information?" How information changes over time, what happens to a person with his awareness of being, if a certain amount of information helps or hinders him. Recently, even such a question has arisen: "Does a modern person need such a flow of information, sometimes completely heterogeneous and meaningless?" [2]

Problem three: "Is a large unified theory of information possible?" Is there really a transition in the category of opportunity to the category of information, or, what is quite real in modern post-industrial society, information gives an opportunity for the implementation of reality. Reality is

no longer perceived only in a certain biological plane (body), but in a virtual plane (artificial intelligence, mind).

Problem four: "How can data make sense?" It is a particularly important question and a problem concerning philosophical problems proving that not all information "is meaningless." A person should be able to choose information, "screen out" the unnecessary and choose only the right specifically for him. But information in the modern world is a necessary part of it, without which the further development of mankind is practically impossible [3].

Problem five: "How can meaningful data gain true meaning?" Questions of the meaning of life, of truth have long worried and continue to disturb the souls of philosophers. Meaning is the most important, innermost, something without which the life of an individual concrete person is impossible. Many people ask themselves the question: "What is the meaning of my life?" Sometimes quite trivially and simply: "Why do I need this meaning?" A person is often inclined to believe that he spends too much of his precious time (unforgivably long time) to understand a certain "meaning", and, as many say, "just live", do what you love, pursue a career, make money etc. Behind these seemingly simple human aspirations lies more, we can say, deeper meaning of human actions. Even by making money, acquiring material resources or objects of the surrounding world, a person involuntarily comprehends his activity, otherwise, "for what", "for whom", "why" he makes this money.

Problem six: "Can information explain the truth?" Philosophers believe that information does not always have true meaning, therefore it is necessary to perceive any information that a person receives in the world around him. Therefore, in what way, information can explain the truth when information is completely heterogeneous and sometimes meaningless. But L. Floridi claims that even in the countless stream of modern information, a person can find an explanation for true things. From the point of view of the fundamental category of being, no matter what information comes to a modern man about being, the truth of this fundamental concept will always remain unshakable.

But the information itself can fully explain the truth, but, as L. Floridi writes, not all information is able to explain the truth of being.

Problem seven: "Can information explicate meaning?" The question is quite important and timely: is it possible for information to explain any things, objects, or information is only a "summary of events"? [2]

Problem eight: "Can cognition (or its forms) be fully or satisfactorily analyzed in terms (forms) of information processing at a certain level of abstraction?" L. Floridi connects this problem with the emergence of so-called reasonable information. He is trying to show that sooner or later information begins to acquire a cognitive (cognitive) character.

Problem nine: "Can the natural mind (its forms) be fully and satisfactorily analyzed in terms of information processing (its forms) at a certain level of abstraction?" This problem is often called the problem of reengineering, i. e. the modification of all living things and the recreation of living things.

Problem ten: "Can the natural mind be embodied not biologically?" This problem was first expressed by Turing in his writings, pointing out that not only the human, animal mind, i. e. the mind created by nature, is characterized by rationality. The question is also quite serious, in which philosophers reflect on the new "artificial intelligence" and its capabilities for the future of all mankind.

Problem eleven: "Can the information approach solve the problem of the relationship of mind and bodies, spiritual and material?" The problem of the interaction of spirit and matter is the most famous problem and the eternal question of many philosophers. People either choose material values or fight for spiritual blessings, but each of us always has a certain choice between "good" or "evil", between "love" or "hate", between "cruelty" and "mercy" etc. Will the information be able to answer the eternal questions of the universe, answer the eternal questions of "good" and "evil" etc.?

Problem twelve: "How can I verify the information?" An unusual question of L. Floridi explaining the essence of information with various descriptors. Indeed, is it possible in the modern world, in such a rapidly

changing variety of events of our being, to understand the essence of the "informative" discourse and to understand correctly in accordance with the culture, history, mentality, traditions of a particular nation?

Problem thirteen: "Should epistemology be based on information theory?" The question is quite appropriate and correct, showing how the two scientific branches, epistemology and information theory, relate. Epistemology is a theory of knowledge that studies the essential issues of cognition of the world, man, society [3].

Problem fourteen: "Is it possible to reduce science to information modelling?" Science, as we are always asserted, must have accuracy, clarity, structurality, but whatever principles, methods or techniques determine the essence of the scientific worldview, science is practically impossible without an anthropological factor, i. e. without the person himself. Namely, a person (a scientist, a researcher, an inquisitive) makes some scientific discoveries, creates new scientific theories. Therefore, L. Floridi is convinced that it is most likely impossible to imagine the development of science simply as a kind of "information modelling".

Problem fifteen: "What is the ontological status of information?" Does information have the fundamental characteristics of beingness?

Problem sixteen: "How can information be naturalized?" A very important question, is it possible to consider information as the reality of our surrounding being? Maybe information is only a part of virtual being?

Problem seventeen: "Can nature be informatized?" How do we understand the surrounding nature, how that which is constantly evolving, moving, overcoming certain contradictions, or is the nature surrounding us an object of "informatization"? [1]

Problem eighteen: "Does computer ethics have a philosophical foundation?" The problems of ethical consequences in human life are especially important and relevant topics of scientific discussions today.

An "information man" is even more likely than before to be subject to zombies, programming, flashmob coding, and he believes that he acts and lives solely in his interests [4].

The modern man seeks to control reality, to be a consumer of the maximum of benefits, to independently build his life, to be independent up to having a complete autonomy from society. Modern researchers, e .g. E. Goffman, believe that this is facilitated by both the factor in the development of a consumer society and the development of the media.

The most important trend of modern culture is its fusion with information technology, the transition of many forms of real activity into virtual, leading to significant changes for society and man.

Digital analogues of cultural objects (museums, books, games) have already become familiar, as well as electronic services, shopping, and media.

A person lives and acts in two worlds: real and virtual, but the latter comes more and more actively and inevitably.

Virtualization of such spheres of human life, as communication and information search, virtualized the sphere of education, services, leisure, creativity, art.

The microcosm of the "information man" is not only his thoughts, feelings, experiences, but also his manifestation in the information space, where the modern person finds himself on the global scale of Internet communication [5].

Interactivity, which is one of the attributes of electronic culture, makes it possible for a person to participate in creating his own information universe, his own virtual world (a personal site, a profile), as well as make his own adjustments to a single global information environment.

Conclusion. We have listed and tried to characterize the 18 problems that L. Floridi identifies, analyzing modern society as a kind of "reontologized event formation", which is characterized, on the one hand, by the presence of human beings, and on the other, by any artificial formations and things or objects of this material world.

Indeed, there is a completely unusual idea of human beings as "information entities" that interact with other "information entities" or "information entities" through information and communication technologies. There are projects of smart homes and the so-called smart items that are

able to take into account the preferences of their owners (people) and put these preferences into practice [3].

Entry into the information age has led to a qualitatively new environment in which the modern process of anthropogenesis, the formation and development of man, his physicality, consciousness, life world, relations with society and the Other Person takes place.

This is a matter of concern to experts in the field of anthropology, as well as a wide range of representatives of innovative science, designed to transform the human world with the help of information, bio-, nano-, and other high technologies [5].

Technologization in developed societies affects more and more different areas that affect the human being: the sphere of communication, production and consumption of goods, life, art, health.

List of references

1. Floridi, L. The Philosophy of Information: Ten Years Later / L. Floridi // Metaphilosophy / ed. by A. T. Marsoobian. Vol. 41. No. 3. April 2010. Pp. 420–442. URL: http://www.philosophyofinformation.net/publications/pdf/tpoi10yl.pdf.

2. Floridi, L. Open Problems in the Philosophy of Information / L. Floridi // Metaphilosophy / ed. by A. T. Marsoobian. Vol. 35. No. 4. July 2004. Pp. 554–582. URL: http://www.philosophyofinformation.net/publications/pdf/oppi.pdf.

3. Khlebnikov, G. V. Philosophy of Information and Philosophical Problems of Informatics / G. V. Khlebnikov // Metaphysics, 2013. No. 4 (10). Pp. 36–48.

4. Nikitin, G. M. The Phenomenological Model of Social Reality in Non-Classical Social Philosophy / G. M. Nikitin // Discussion, 2012. No. 1. Pp. 20–26.

5. Luginina, A. G., Nikitin G. M. Network Threats and Dangers of the Internet / A. G. Luginina, G. M. Nikitin // Humanitarian and Socio-Economic Sciences, 2018. No. 3 (100). Pp. 39–42.

УДК/UDC 101.1; 130.2

Герменевтика и аналитическая философия в контекстепрагматики философского текста

Еникеев Анатолий Анатольевич
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
Краснодар, Россия
e-mail: rizoma69@yandex.ru
SPIN-код: 3969-6556

Аннотация

Работа посвящена определению роли герменевтики и аналитической философии языка в решении проблемы прагматики философского текста. Прагматика философского текста понимается как часть современных исследовательских трендов в области гуманитарной культуры. Герменевтика и аналитическая философия, наряду с постмодернизмом, являются наиболее востребованными «дискурсивными практиками» в области философии текста. В работе рассматриваются и анализируются три основных ракурса взаимодействия данных дискурсивных практик: 1) институциональный характер современной философии текста; 2) коммуникативные стратегии развития гуманитарного дискурса современности; 3) сдвиг «эпистемологической парадигмы» современных исследований в области философии культуры. Проводится сравнительный анализ западных и отечественных концепций прагматики философского текста. Делается вывод, что прагматика философского текста, в качестве актуальной проблемы современных исследований, является выражением «лингвистического поворота» в философии XX века и отвечает требованиям современной постмодернистской культуры.

Ключевые слова: философия языка, прагматика текста, герменевтика, аналитическая философия, постмодернизм.

Hermeneutics and Analytical Philosophy in the Context of the Pragmatics of a Philosophical Text

Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: rizoma69@yandex.ru
SPIN Code: 3969-6556

Abstract

The paper covers the determining of the role of hermeneutics and analytical philosophy of language in solving the problem of pragmatics of a philosophical text. The pragmatics of the philosophical text is understood as part of modern research trends in the field of humanitarian culture. Hermeneutics and analytical philosophy, along with postmodernism, are the most popular "discursive practices" in the field of text philosophy. The paper considers and analyzes three main perspectives of interaction between these discursive practices: (1) the institutional nature of the modern philosophy of text; (2) communicative strategies for the development of contemporary humanitarian discourse; (3) a shift in the "epistemological paradigm" of modern research in the field of cultural philosophy. A comparative analysis of Western and Russian concepts of pragmatics of the philosophical text is carried out. It is concluded that the pragmatics of the philosophical text, as an actual problem of modern research, is an expression of the "linguistic turning-point" in the philosophy of the 20th century and meets the requirements of modern postmodern culture.

Key words: philosophy of a language, pragmatics of a text, hermeneutics, analytical philosophy, postmodernism.

Введение (постановка проблемы). Культурная парадигма XX-XXI века выдержала ряд преобразований, обусловленных потребностью решения проблемы «легитимации и институционализации философского дискурса». В специальной научной литературе этот процесс получил название «лингвистический поворот» и его главной характеристикой стала обновленная методологическая программа философии языка

и текста [1 — 3]. Данная программа реализовывалась несколькими философскими и гуманитарными институциями. Наибольший вклад, нам представляется, был внесен «формальной школой» в России, «венским логико-философским кружком» в Австрии, развитием феноменологической и герменевтической традиции в Германии, «структурализмом» во Франции, деятельностью «пражского лингвистического кружка» в Чехии, аналитической философией в Великобритании и США [4]. Общим результатом явилось мощное обновление «философского словаря» и расширение методологии гуманитарных исследований, что позитивно сказалось на развитии философского дискурса XX и XXI века, которому оказались не страшны «разрушительные интеллектуальные инвестиции» со стороны постструктурализма и постмодернизма [3, 5].

Своеобразным результатом подобного «сдвига» культурной парадигмы в философии XX века через призму герменевтики и аналитической философии (явление, которое и получило название «лингвистический поворот») стало повышенное внимание со стороны гуманитариев к проблеме «прагматики философского текста». Одними авторами прагматика текста связывается с решением постмодернистской проблемы «чтения» и «письма» в контексте многообразия жанров философского дискурса [4 — 7], другие говорят о «коммуникативной природе» философского дискурса [8, 9], третьи связывают прагматику текста с эпистемологическими проблемами современной аналитической философии [10 — 12]. Вполне очевидно, что недостаточно изученными в этом контексте остаются вопросы взаимодействия герменевтики и аналитической философии в перспективе развития философии языка, а также оценка их роли в процессах формирования современной прагматики философского текста. Изучению этой проблемы посвящено представленное исследование.

Цель и задачи исследования. Целью представленной работы является описание логики и динамики взаимодействия аналитического и герменевтического дискурса в контексте развития философии языка и формирования прагматики философского текста. Проблема коммуника-

ции герменевтического и аналитического дискурса в контексте развития гуманитарной парадигмы XX века обычно изучается в трех связанных между собой аспектах.

(1) Институциональный аспект взаимодействия континентальной и англосаксонской философских традиций [12, 13].

(2) Коммуникативный аспект философского дискурса в контексте проблемы понимания и интерпретации текста.

(3) Логика развития аналитической философии в контексте «сдвига эпистемологической парадигмы» в современном гуманитарном дискурсе [3, 11].

Кроме этого, открытым остается вопрос о перспективах развития отечественного философского дискурса, определение роли философии в современных коммуникативных процессах современности. Обозначенные вопросы и аспекты могут рассматриваться в качестве задач нашего исследования.

Методология исследования. В качестве методологических установок нашего исследования следует обозначить две основные парадигмы: герменевтическую и аналитическую. Герменевтическая парадигма исследования прагматики философского текста связана с переосмыслением роли и значения категории «текст» в пространстве философского знания. Понимание и интерпретация здесь трактуются не столько как процедуры субъективной реализации сознания, сколько как фактические константы (эпистемологические дескрипторы) самого текста. В этом смысле философский текст вступает в интертекстуальную коммуникацию с другим текстом, сознание автора или читателя здесь выступает не более чем посредником в развитии данной среды [4, 8]. Вторая методологическая парадигма связана с развитием аналитических процедур понимания философского текста. Здесь реализуется не только критическая функция философского дискурса, стремящегося показать «слабые места» современных гуманитарных практик [7, 14], но также определяется перспективность исследований в области прагматики философского текста применительно к российскому гуманитарному дискурсу [15 — 17].

Исследовательские вопросы.

(1) Институциональная роль герменевтики в современном гуманитарном познании.

В. Куренной, изучая логику развития немецких университетов, дает исчерпывающую характеристику ситуации, которая сложилась на рубеже XIX-XX веков в гуманитарных науках относительно. Во-первых, немецкая университетская образовательная среда должна была учитывать влияние Просвещения, в качестве мощного фундирующего принципа, который со времен И. Канта активно вмешивается в «спор факультетов». Во-вторых, немаловажным оказывается фактор под общим названием «университет Гумбольдта», понимаемый в данном случае как совмещение преподавания и исследования, что по мысли В. Куренного является важнейшим институциональным фактором. «Принцип исследования является, по сути, институциональной нормой, воплощающей эпистемологические стандарты антисистемного, открытого образа научного знания» [13, с. 13]. И, в-третьих, динамика происходящих в гуманитарной культуре определялась своеобразным «разрывом коммуникативного пространства» (терминология В. Куренного), преодоление которого, посредством функции понимания, является прерогативной зарождающейся тогда герменевтики.

Разрыв коммуникативного пространства немецкой академической среды, по мысли В. Куренного, возник под влиянием двух факторов: необходимости изменений «эпистемологических стандартов знания» и «сциентизации» гуманитарной науки (или совокупности «наук о духе», как их трактовали неокантианцы). Данные процессы, естественным образом, касались и философии, особенно философии культуры. «Тенденцию к сциентизации гуманитарного и, шире, философского познания в XIX в. следует, на мой взгляд, рассматривать как попытку выхода из ситуации разрыва коммуникативного пространства, в которую институционализированная философия была поставлена в результате расцвета множества конфликтующих систем в рамках немецкой классической философии. . . » [13, с. 8]. К этим двум факторам следует добавить третий –

зарождение «психологизма» (и проблема его преодоления в философии культуры) в качестве универсальной междисциплинарной парадигмы решения ряда важных для гуманитарных наук того времени вопросов.

Таким образом, «коммуникативная нормализация философского дискурса» и создание новой «эпистемологической модели» познания культурной реальности привели к двум обстоятельствам, без которых культурная парадигма XX и XXI вв. была бы немыслима. Во-первых, это решение проблемы преемственности философского знания. «Проблема преемственности в развитии философского знания и его интерсубъективная значимость является с этого момента той осью, вокруг которой осуществляется кристаллизация основных философских инноваций вплоть до логического позитивизма» [13, с. 12]. И, во-вторых, это решение проблемы «открытости» философского знания, которая выражалась в выходе за пределы замкнутых академических философских систем в область широких социальных и культурных практик.

Все это стало возможным благодаря «понимающей функции» философии и решению проблемы «герменевтического круга». «Однако та же категориальная пара части и целого, использованная в модели герменевтического круга, имела более перспективное будущее. Вместо загадочной несводимости целого к частям возникает чисто эпистемологическая процедура перманентного понимательного движения от частей к целому и обратно. Будучи методологически проработано, это движение обретает форму бесконечной исследовательской задачи» [13, с. 13], говорит об этом В. Куренной. Таким образом, методологический арсенал философии обогатился «открытыми» социальными и культурными технологиями производства социально-значимого знания, которые в полной мере проявились в XXI веке, обеспечив привлекательную коммуникативную ситуацию для философии в пространстве культурных практик современности [9, 11, 14].

В целом мнение В. Куренного является обоснованным и убедительным в вопросах интерпретации «эпистемологической ситуации» в гуманитарных науках XX-XXI вв.Он довольно точно определил ту роль, ко-

торую на рубеже XIX-XX вв. сыграла герменевтическая методология в решении целого ряда важнейших для XX века языковых проблем, включая проблему прагматики текста и его места в гуманитарной культуре современности. Также следует добавить, что языковая и текстуальная проблематика, в том числе в рамках развития герменевтики, очень часто оказывается той универсальной (и, что немаловажно, ценностно нейтральной и понятийно корректной) областью исследований, которая позволяет сохранять «чистоту» научного дискурса и в то же время способствовать развитию самых разнообразных форм философского дискурса, способствуя их актуализации в пространстве культуре.

(2) Проблема легитимности философского дискурса в герменевтике.

Г. -Г. Гадамер, говоря о необходимости «легитимации» философского дискурса при решении вопроса истинности наших суждений, указывает на то обстоятельство, что именно проблема понимания позволяет нам использовать «герменевтический феномен» в качестве такого легитимирующего для философии начала. «Актуальность герменевтического феномена основывается, с моей точки зрения, на том, что лишь углубление в феномен понимания может привести к подобной легитимации» [18, с. 39]. Заметим также, что Г. Гадамер, говоря о «феномене понимания» в широком феноменологическом и герменевтическом контексте, прокладывает мостик к теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, предвосхищая его опыт обоснования легитимирующей функции философии [См. 7].

Сам же Г. Гадамер уверен, что герменевтическая проблематика при своем возникновении в процессе «методологического обновления» гуманитарных наук второй половины XIX в. претендовала на решение проблем широкого спектра человеческого опыта. «Понимание и истолкование текстов является не только научной задачей, но очевидным образом относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом» [18, с. 38]. Важно в этом утверждении то обстоятельство, что Г. Гадамер говорит о понимании и интерпретации прежде всего текста, предвосхищая

установку структурализма и постструктурализма на текстуальную репрезентацию любого возможного человеческого опыта. В этом смысле можно утверждать, что прагматика философского текста, как проблема гуманитарных исследований, возникла не в аналитической философии XX века, а в герменевтике на рубеже XIX-XX вв.

Также для Г. Гадамера важным является прагматичное на первый взгляд признание языка в качестве подлинной среды герменевтического опыта. В этой связи герменевтический опыт – это опыт понимания, который происходит в языке и благодаря языку, тем самым реализуя прагматические установки социальной коммуникации индивидов. На первый план здесь выходит чисто прагматическая проблема текста, посредством которого осуществляется подобный «опыт понимания», также актуализируется пространство диалога между текстом и его интерпретатором или между двумя собеседниками, стремящимися понять друг друга в процессе культурной коммуникации. Г. Гадамер проводит широкие аналогии между текстом и языком, между текстом и переводом, между двумя языками, в конце концов, между жизненными и культурными мирами двух разговаривающих людей. Такой широкий контекст герменевтической проблематики позволяет проводить параллели между языком, речью, текстом, смыслом, жизненным миром, общим делом, которые замыкаются в своеобразном «герменевтическом круге» культуры.

Обобщая взгляды Г. Гадамера, можно представить себе картину, в которой язык как среда общения и любого возможного взаимодействия оказывается первичным по отношению к возникающему диалогу. В свою очередь диалог, будучи производным от различных жизненных условий, в которых оказались собеседники, создает общее смысловое и прагматическое пространство понимания. Собеседники понимают друг друга не непосредственно (хотя возможность онтологического предпонимания, вслед за М. Хайдеггером, Г. Гадамер также допускает), но посредством текста своей беседы (речи), в этой же плоскости находится диалог между читателем и текстом, который является, по сути, диалогом между двумя людьми, разделенными во времени.

Г. Гадамер для описания данной ситуации вводит специальное понятие «герменевтический разговор». «Таким образом, можно с полным правом говорить о герменевтическом разговоре. Из этого следует, однако, что герменевтический разговор, как и настоящий разговор, должен выработать некий общий язык и что это вырабатывание общего языка в столь же малой мере, как и при устной беседе, является подготовкой какого-то инструмента, служащего целям взаимопонимания, но совпадает с самим процессом понимания и взаимопонимания. Текст дает языковое выражение некоему делу, но то, что ему это удается, – заслуга интерпретатора. Участвуют обе стороны» [18, с. 451]. Так понимаемый «герменевтический разговор» предвосхищает дискуссии о сущности коммуникативных процессов в современном информационном обществе, когда преодолевается инструментальная составляющая языка и утверждается, вслед за М. Маклюэном, что «средство коммуникации есть сообщение» [9, с. 9].

Легитимность философского дискурса остается важной и не до конца решенной проблемой современной философии культуры. Здесь можно наметить три основных тенденции развития философского дискурса. Первая связывается с развитием в духе постмодернизма всего множества стратегий порождения и интерпретации философского текста [7, 19]. Вторая тенденция говорит о легитимности философского дискурса в контексте коммуникативного и прагматического «сдвига» культурной парадигмы современности[8, 9, 16]. Третья связывает философский текст с общей логикой развития герменевтической, аналитической и других гуманитарных практик работы с «текстом культуры», тем самым реализуя еще не исчерпанный методологический потенциал этих философских направлений [1, 4, 17].

(3) Аналитическая и герменевтическая традиция в диалоге о языке.

Иной стратегией развития философии языка и текста является аналитическая философия, особенно в той ее версии, которую развивал Л. Витгенштейн и его последователи. Л. Витгенштейн, используя собственную герменевтику, видел в языке некую «тайну», требующую

своей расшифровки (интерпретации) и понимания [20]. Некоторые исследователи вполне справедливо указывают на связь идей позднего Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера. «Методологическая тайна (герменевтической) феноменологии М. Хайдеггера основана на замеченной также и Л. Витгенштейном тайне языка, согласно которой мы, в сущности, не можем говорить о его внутренней форме, а, в конечном счете, можем лишь выявлять эту форму, повторяя его набросок и путем вслушивания пуская в ход имманентную ему «энергейю». Поэтому не случайно феноменология М. Хайдеггера до определенной степени приближается к терапевтически-языковой философии позднего Витгенштейна. . . » [21, с. 58].

Витгенштейн, развивая принципы собственной «лингвистической философии», своеобразно интерпретировал основные положения герменевтики. Во-первых, Л. Витгенштейн отличным от герменевтики образом использовал процедуру «понимания». Для Л. Витгенштейна понимание всегда связано с конкретным языковым выражением (текстом), точнее с особенностями его использования в повседневности. По сути дела, речь идет о прагматической семантике, когда смысл текста становится понятным в том случае, если интенция данного текста (его побуждающее действие) достигает своей цели. В этом случае вся герменевтическая проблематика текста может быть сведена к условиям «правильного употребления» языка. Это позиция раннего Л. Витгенштейна, которая нашла воплощение посредством «Логико-философского трактата» в принципах логического атомизма Б. Рассела, но не устраивала самого мыслителя в поздний период его творчества [22].

Во-вторых, как говорил«поздний» Л. Витгенштейн, язык используется нами в качестве своеобразного посредника в богатом разнообразии человеческой деятельности, но используется всегда «контекстуально», то есть то или иное языковое выражение всегда привязано к условиям его прагматического употребления. В этом смысле понять высказывание (как текст) можно только зная сопутствующий ему контекст, и наоборот (здесь также можно увидеть своеобразную трактовку «герме-

невтического круга»). Это обстоятельство привело к появлению важного для философии позднего Л. Витгенштейна концепта «языковых игр» как вида философской деятельности по «прояснению мыслей». Более того, все разнообразие человеческой деятельности можно свести к проблеме «языковых игр», поскольку язык всегда опосредует процесс коммуникации между людьми. Герменевтический анализ окружающего мира в этой связи возможен лишь посредством анализа и понимания условий осуществления той или иной «языковой игры».

В-третьих, краеугольным камнем философии языка Л. Витгенштейна стали его «предложения верования», которые выходили за рамки логического анализа языковых выражений и требовали введения понятия «жизненный мир», что в очередной раз возвращало Л. Витгенштейна (например, когда он пытался понять идеи Ф. М. Достоевского или Л. Н. Толстого) к «философии жизни» XIX в. Выход был найден Л. Витгенштейном через введение в обиход так называемой «трансцендентально-мистической формы языка» [21, с. 73]. Именно это понятие встраивается в один ряд с «жизненным миром» Э. Гуссерля, «бытием-в-мире» М. Хайдеггера и вообще герменевтической традицией XX в. В этом смысле позднему Л. Витгенштейну пришлось пожертвовать своими ранними претензиями и попытками средствами логического анализа языка достичь «абсолютной ясности и прозрачности» [20, с. 3] любых языковых выражений, особенно в области философии.

И все-таки важным «герменевтическим» вкладом теории Л. Витгенштейна является то обстоятельство, что он подчеркивал деятельный (сугубо «прагматичный») характер самой философии, она является процедурой прояснения и понимания текста, а не просто созданием новых предложений. «Цель философии – логическое прояснение мыслей. Философия не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений. Результат философии не «философское предложение», а достигнутая ясность предложений. Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми» [20, с. 24]. Такая языковая установка Л. Витгенштейна потребо-

вала определенного времени и интеллектуальных усилий для включения в актуальные практики гуманитарной культуры современности.

(4) Современные дискуссии о прагматике философского текста.

Заслуживает внимания взгляд на проблему со стороны К. -О. Апеля, который наметил следующие перспективы развития герменевтики Л. Витгенштейна. «Если описание языковых игр как единств языкового употребления, жизненной формы и освоения мира должно позаимствовать функцию герменевтического понимания смысловых интенций, то именно типу языковой игры, соотнесенной с другими языковыми играми, предстоит стать ключевой проблемой для герменевтики, исходящей от Витгенштейна» [21, с. 93]. К. Апель перечисляет тот широкий гуманитарный контекст, который появляется при использовании герменевтического метода в контексте развития идей Л. Витгенштейна. «О герменевтических языковых играх в духе Л. Витгенштейна можно говорить, например, в случае рассказа о пережитой или передаваемой традицией историей, перевода в рамках единого диалога, истолкования древнего текста... С другой стороны, к ней следует причислять следующие виды деятельности, где находит свое применение герменевтическое понимание: проповедь, лекция, школьное занятие, судебная речь, театральная или концертная постановка, выставка произведений изобразительного искусства...» [21, с. 94]. Вполне очевидно, что опыт понимания языковых игр Л. Витгентшейном сближает его позицию со взглядами Г.- Г. Гадамера, поскольку и в том и в другом случае требуется «опосредованность традицией» (культурным контекстом), в том числе традицией «работы» с философским текстом.

Некоторые современные отечественные аналитики также уверены в перспективности концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна, как для развития философии языка и текста, так и в качестве рабочей методологии социокультурного познания. Среди представителей «поздней» герменевтики (К.- О. Апель, Ю. Хабермас) сложилось устойчивое мнение, что витгенштейновская концепция «языковых игр» не может быть использована при интерпретации исторических текстов, древних руко-

писей, для понимания культурных феноменов далекого прошлого, для усвоения смысловых элементов чужой цивилизации. В качестве аргументов приводятся суждения о том, что «языковые игры» Л. Витгенштейна представляют собой замкнутые, автономные, «монадические» системы коммуникации, никак не связанные друг с другом. В результате проблематичной, по сути неразрешимой оказывается ситуация трансляции, переводимости, взаимоперехода различных языковых игр, то, что для герменевтики является первоочередной задачей. Однако несмотря на то, что Л. Витгенштейн мало рассуждает в своих текстах о возможности посредничества между «языковыми играми», тем не менее работа, проделанная исследователями и комментаторами творчества австрийского мыслителя, помогла реконструировать некоторые мысли, высказанные им по данной проблеме, и сформировать «витгенштейновскую методологию социокультурного познания» [23].

Можно согласиться с мнением Н. В. Медведева, высоко оценивающим вклад Л. Витгенштейна в современный философский дискурс. «Следует подчеркнуть, что в настоящее время эпистемология позднего Витгенштейна вызывает все больший интерес у специалистов различных областей знания. Техника «языковых игр» находит применение при анализе проблем, связанных с современными программами искусственного интеллекта, при разработке методологии социокультурного познания. Витгенштейновский метод стал одним из важных источников обоснования теории научных революций Т. Куна, концепции неявного знания М. Полани, представляющих историческое направление современной англо-американской науки (постпозитивизма). К этому следует также добавить, что американский исследователь Э. Тисельтон показал возможность практического использования концепции «языковых игр» в экзегетике библейских текстов» [23, с. 162].

Американский исследователь, представитель современного прагматизма Р. Рорти рассматривает процесс эволюции гуманитарного дискурса современности в контексте сдвига философии языка от эпистемологической функции к герменевтической. Этот сдвиг является эпохальным

для современной культуры, поскольку меняет ландшафт нашего мышления и особенности понимания ситуации, в которой мы оказались. «Я полагаю, что взгляд, согласно которому эпистемология или некоторая наследующая ей дисциплина необходима для культуры, смешивает две роли, которые мог бы играть философ. Первая – это роль информированного дилетанта, полиграмматика, сократического посредника между различными дискурсами. В его, так сказать, салоне у герменевтических мыслителей выведываются их самодостаточные практики. Разногласия между дисциплинами и дискурсами сглаживаются или превосходятся в ходе разговора. Вторая – это роль надзирателя, который знает общие основания для всего, – роль философа-царя Платона, который знает о том, что на самом деле делают остальные, независимо от того, знают они об этом или нет, потому что он знает все об окончательном контексте (Формы, Ум, Язык), в рамках которого они делают это. Первая роль сродни герменевтике, а вторая – эпистемологии» [14, с. 235].

В этой связи Р. Рорти пересматривает функцию «герменевтического разговора», как его трактовал Г. Гадамер. Герменевтический разговор необходим не для того, чтобы найти те общие культурные «контексты», которые позволят совместить высказывания участников разговора, слить их тексты в общий культурный контекст. Герменевтический разговор, по мысли Р. Рорти, необходим для сохранения разногласий в качестве плодотворного основания развития коммуникативной культуры. Этим он принципиально отличается от эпистемологической функции философии языка, озабоченной поиском рациональных прагматичных оснований человеческого взаимодействия. «Герменевтика рассматривает отношения между различными дискурсами как отношения между частями проблемы в возможном разговоре, разговоре, который не предполагает дисциплинарной матрицы, объединяющей участников разговора, но где надежда на соглашение не теряется, пока идет разговор. Эпистемология рассматривает надежду на согласие как знак существования общего основания, которое, будучи наверняка неизвестным для говорящих, объединяет их в общей для всех рациональности» [14, с. 235].

В этой связи прагматика философского текста получает в аналитической традиции «расширительное понимание» через распространение методов герменевтики (герменевтического круга, герменевтического разговора, понимания и интерпретации в культурном диалоге) на широкий контекст культурных «сдвигов современности». Это могут быть «эпистемологические сдвиги» [10, 13, 14] или «коммуникативные тенденции» развития современной гуманитарной культуры [7, 8, 10, 15], но так или иначе они исходят из того «лингвистического поворота» в современной философии [1 — 4], последствия которого требуют дальнейшего осмысления и исследования.

Заключение (выводы). Акцентировав внимание на процесс сближения герменевтики и аналитической философии в вопросе о прагматике философского текста, можно сделать следующие выводы. Принципиальным для современного философского дискурса (в том числе российского) является решение вопроса об институциональном статусе и эпистемологических притязаниях гуманитарных и культурных практик современности. Герменевтика долгое время (начиная с конца XIX века) являлась лидирующей методологической установкой в вопросе о философии языка и текста, впоследствии ее дополнил прагматический подход к тексту со стороны аналитической философии языка и философской лингвистики. Однако у аналитической философии оставались и свои нерешенные вопросы о природе сознания, специфике деятельности и статусе повседневного языка, которые решались с переменным успехом как в реалистических, так и натуралистических направлениях [См. 5, 22].

«Лингвистический поворот» в философии XX века оказался важным этапом развития как аналитической философии языка, так и современной философии текста. Это обстоятельство позволило аналитической традиции достойно встретить «вызовы» постмодерна, здесь можно согласиться с А. Грязновым, считавшим, что «постмодернизм взбодрил аналитическую философию» [5, с. 363]. В современном российском философском дискурсе данная проблема решается за счет развития коммуникативных стратегий понимания и истолкования текстов культуры [11,

16]. И все же, несмотря на имеющийся на западе опыт толкования проблем философского текста, как в прагматизме [14], так в герменевтике [18] или коммуникативном дискурсе [8], в России продолжаются дискуссии о характере и специфике прагматических стратегий понимания философского текста [17], что является важным показателем позитивных сдвигов отечественного гуманитарного дискурса.

Список литературы

1. Еникеев А. А. От герменевтики к философии текста: логика развития лингвистической философии XX в. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 3. С. 9-12.

2. Васильев В. А. Лингвистический поворот в философии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (768). С. 172-181.

3. Матвейчев О. А. «Лингвистический поворот» в философии XX века и проблема инфраструктуры философского текста // Современные гуманитарные исследования. 2016. № 3 (70). С. 56-76.

4. Еникеев А. А. Феноменология языка и герменевтика в пространстве гуманитарных наук XX в. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 2. С. 17-21.

5. Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. –М.: Высшая школа, 2006. 375 с.

6. Еникеев А. А. Проблема чтения и письма в контексте поэтики и прагматики философского текста // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 122. С. 867-887.

7. Многообразие жанров философского дискурса. Коллективная монография: учеб. пособие / Е. Ю. Базаров, И. С. Бельский, А. А. Еникеев и др. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 276 с.

8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001. 380 с.

9. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. –М.: Кучково поле, 2014. 464 с.

10. Касавин И. Т. Проблема текста: между эпистемологией и лингвистикой // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 8. № 2. С. 34-57.

11. Касавин И. Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 46-57.

12. Рорти Р. Аналитическая и трансформативная философия // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 5-19.

13. Куренной В. Функции понимания в философии и методологии гуманитарных наук (На материале немецкой философии XIX – начала XX вв.) // Логос. Философско-литературный журнал. 2007. № 5 (62). С. 3-20.

14. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 320 с.

15. Куренной В. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // Логос. Философско-литературный журнал. 2004. № 3-4 (43). С. 3-29.

16. Миронов В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. № 2.
С. 27-43.

17. Прагматика философского текста: материалы Всероссийской научной конференции XV Таврические философские чтения «Анахарсис» / под ред.:Зарапин О. В., Рыскельдиева Л. Т., Шапиро О. А., и др. –Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2019.
246 с.

18. Гадамер Х. -Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. 704 с.

19. Философия: учебник / М. И. Данилова, Л. С. Ембулаева, В. В. Плотников и др.; отв. за выпуск М. И. Данилова. – Краснодар: Новация, 2017. 410 с.

20. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. 612 с.

21. Апель К. -О. Трансформация философии. – М.: Логос, 2001.
344 с.

22. Никоненко С. В. Аналитическая философия: основные концепции. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 546 с.

23. Медведев Н. В. Философия Людвига Витгенштейна и проблемы понимания других культур. –Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 382 с.

References

1. Enikeev, A. A. From Hermeneutics to the Philosophy of the Text: the Logic of the Development of Linguistic Philosophy of the 20th Century. // Society: Philosophy, History, Culture. 2018. No. 3 (47). Pp. 9–12.

2. Vasiliev, V. A. The Linguistic Turning-Point in Philosophy // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2017. No. 1 (768). Pp. 172–181.

3. Matveychev, O. A. The Linguistic Turning-Point in the Philosophy of the 20th Century and the Problem of the Infrastructure of the Philosophical Text // Modern Humanitarian Studies. 2016. No. 3 (70). Pp. 56–76.

4. Enikeev, A. A. Phenomenology of Language and Hermeneutics in the Humanities of the 20th Century // Society: Philosophy, History, Culture. 2018. No. 2. Pp. 17–21.

5. Gryaznov, A. F. Analytical Philosophy. Moscow: Vysshaya shkola, 2006. 375 p.

6. Enikeev, A. A. The Problem of Reading and Writing in the Context of Poetics and Pragmatics of a Philosophical Text // Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University. 2016. No. 122. Pp. 867–887.

7. The Variety of Genres of Philosophical Discourse / Ye. Yu. Bazarov, I. S. Belskiy, A. A. Yenikeyev et al. Yekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2001. 276 p.

8. Habermas, J. Moral Consciousness and Communicative Action. St. Petersburg: Nauka, 2001. 380 p.

9. McLuhan, M. Understanding the Media: Human External Extensions. Moscow: Kuchkovo pole, 2014. 464 p.

10. Kasavin, I. T. The Problem of the Text: Between Epistemology and Linguistics // Epistemology & Philosophy of Science. 2006. Vol. 8. No. 2. Pp. 34–57.

11. Kasavin, I. T. Knowledge and Communication: to Modern Discussions in Analytical Philosophy // Problems of Philosophy. 2013. No. 6. Pp. 46–57.

12. Rorty, R. Analytical and Transformative Philosophy // Philosophy Journal. 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 5–19.

13. Kurennoy, V. Functions of Understanding in Philosophy and Methodology of the Humanities (Based on the German Philosophy of the 19th and Early 20th Centuries) // Logos. 2007. No 5. (62). Pp. 3–20.

14. Rorty, R. Philosophy and the Mirror of Nature. Novosibirsk: Novosibirsk University Publishing House, 1997. 320 p.

15. Kurennoy, V. Notes on Some Problems of Modern Russian History of Philosophy // Logos. 2004. No. 3/4 (43). Pp. 3–29.

16. Mironov, V. V. Communication Space as a Factor in the Transformation of Modern Culture and Philosophy // Problems of Philosophy. 2006. No. 2. Pp. 27–43.

17. Pragmatics of a Philosophical Text: Materials of Anacharsis, XV Taurian Philosophical Readings, the All-Russian Scientific Conference / Edited by O. V. Zarapin, L. T. Ryskeldieva, O. A. Shapiro et al. Simferopol: Crimean Federal University, 2019. 246 p.

18. Gadamer, H.-G. Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics. Moscow: Progress, 1988. 704 p.

19. Danilova, M. I., Yembulaeva, L. S., Plotnikov, V. V. et al. Philosophy: A Textbook. Krasnodar: Novatsiya, 2017. 409 p.

20. Wittgenstein, L. Philosophical Works: Part I. Moscow: Gnosis, 1994. 612 p.

21. Apel K.-O. Towards a Transformation of Philosophy. Moscow: Logos, 2001. 344 p.

22. Nikonenko, S. V. Analytical Philosophy: Basic Concepts. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 2007. 546 p.

23. Medvedev, N. V. The Philosophy of Ludwig Wittgenstein and the Problems of Understanding Other Cultures. Tambov: Derzhavin Tambov State University Publishing House, 2009. 382 p.

УДК/UDC 316.3

Детерминанты социокультурного развития Беларуси польско-литовского периода

Марченкова Екатерина Евгеньевна
кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный университет информатики и электроники
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: k_marchenkova11@mail.ru
SPIN-код: 2552-9504

Аннотация

Статья посвящена выявлению комплекса основных факторов, определяемых как культурные традиции белорусского общества, в контексте их влияния на базовые параметры экономической динамики. В связи с этим в истории Беларуси выделяются несколько периодов ее развития. В статье рассматриваются социокультурные особенности развития белорусского общества во время существования Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Особое внимание уделяется специфике культурно-религиозной жизнедеятельности и политико-правовым характеристикам. Рассмотренные факторы оказали большое влияние на формирование национальной психологии белорусов и во многом определяют закономерности развития ее экономических институтов. Проведенный анализ свидетельствует об анклавном сочетании цивилизационных характеристик западноевропейского и восточнославянского (российского) типов. Принципиальными чертами белорусской социокультурной среды считаются ослабленность религиозных традиций и доминирование принципов корпоративности.

Ключевые слова: социальное развитие, социокультурная среда, национальная психология, социальная модернизация, экономическое развитие, культурная традиция.

The Determinants of Social and Cultural Development of Belarus in the Polish–Lithuanian Period

Marchenkova Yekaterina Yevgenyevna
Candidate of Philosophy, assistant professor
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: k_marchenkova11@mail.ru
SPIN Code: 2552-9504

Abstract

The article identifies a complex of basic factors defined as the cultural traditions of the Belarusian society in the context of their influence on the basic parameters of economic dynamics. In this regard, several periods are distinguished in the history of Belarus. The article represents the sociocultural characteristics of the development of the Belarusian society during the periods of the existence of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish–Lithuanian Commonwealth. Particular attention is paid to the specifics of cultural and religious life and political characteristics. These factors had a great influence on the formation of the national psychology of Belarusians and determined the patterns of development of its economic institutions. The analysis shows an enclave combination of civilizational characteristics of the West European and East Slavic (Russian) types. The principal features of the Belarusian sociocultural environment are the weakening of religious traditions and the dominance of corporate principles.

Key words: social development, sociocultural background, national psychology, social modernization, economic development, cultural tradition.

В научном сообществе давно обсуждается вопрос о том, что цивилизационные характеристики различных стран характеризуются многофакторностью и многоплановостью. Экономическая и социальная динамика разных государств обусловлена целым комплексом параметров, важнейшим из которых является специфика социокультурного фона или особенностей национальной психологии.

При исследовании социокультурных факторов, характеризующих особенности их воздействия на современное экономическое развитие белорусского общества, обычно выделяются три основных исторических периода:

1) досоциалистический (после образования Великого княжества Литовского до революции 1917 г.);
2) социалистический (после революции 1917 г. до структурной перестройки 1987 г.);
3) постсоциалистический (с 1987 г. до настоящего времени).

В рамках первого периода можно условно обозначить ряд следующих исторических этапов, оказавших существенное влияние на динамику культурных традиций Беларуси:

1) литовско-белорусский период: после образования Великого княжества Литовского до заключения Кревской унии (сер. XIII - конец XIV вв.);
2) польский период: после Кревской унии до разделов Речи Посполитой (конец XIV- конец XVIII вв.);
3) русский период: после включения Беларуси в состав Российской империи (конец XVIII - начало XX вв.).

В данной статье будут рассмотрены особенности организации экономической, политико-правовой и религиозной жизнедеятельности Беларуси в рамках литовско-белорусского и польского периодов. Эти характеристики определили в дальнейшем специфику социокультурного фона белорусского общества, а также направленность формирования и развития его культурных традиций.

Для анализа особенностей воздействия факторов внешней среды на функционирование экономической системы в историческом контексте наиболее принципиальными представляются следующие важные аспекты:

1) специфика и статус религии в общественной жизни на каждом из вышеперечисленных этапов;

2) социально-политические традиции, связанные с возможностью формирования демократических институтов, и особенности нормативно-правовой регламентации хозяйственных процессов.

С этой точки зрения наиболее характерной чертой литовско-белорусского периода явилось преобладание православия и восточнославянских (российских) политико-правовых традиций. Так, принципиальной особенностью социально-политической организации Великого княжества Литовского (ВКЛ) XIII–XIV вв. была практически неограниченная власть Великого князя, что, в свою очередь, находит свое отражение в ограничении права частной собственности. Самым распространенным средством борьбы против «непокорных» было лишение их имущества (в пользу Великого князя) и высылка в отдаленные окрестности государства. Впоследствии земли могли отдаваться в пользование «вольному люду», который взамен обязан был участвовать в военных походах, следить за исправностью дорог, нести государственную службу и т. д. Примечательно, что такая практика была характерна и для Московского государства XV в. (право наследственного владения при Иване IV [1]). Отличительной особенностью государственного устройства ВКЛ являлась политика лояльного отношения к местным князьям, что послужило предпосылкой для формирования традиции локального самоуправления.

Заключение Кревской унии в 1386 г. [2] положило начало постепенному расширению влияния Польши на государственно-политическую и культурно-религиозную жизнь княжества. Прежде всего это проявилось в изменении статуса православной церкви и распространении католицизма как вероисповедания руководящих кругов государства. Это должно было обеспечить поддержку внешнеполитических отношений княжества со стороны Польши и всего католического мира. В 1387 г. «король польский, Великий князь Литовский и преемник Руси» Ягайло издал привилей, который гарантировал литовским феодалам неограниченные права владения и распоряжения своими вотчинами в случае принятия ими католической веры, а также освобождение от ряда государственных по-

винностей. На православную знать эти привилегии не распространялись, кроме этого, она лишалась права избрания Великого князя.

С точки зрения государственного устройства Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское в XV–XVI вв. состояло из удельных княжеств, областей, находящихся в федеративных отношениях с центральной властью (Полоцкая, Витебская, Смоленская, Жемайтская земли), а также территорий, имеющих особый автономный статус (Киевская, Волынская и Подольская провинции до конца XV в.). Власть Великого князя фактически была ограничена, с одной стороны, местными привилегиями отдельных территорий, с другой - крупными феодалами. В отличие от политической организации Московского государства, в котором практически не существовало устойчивых механизмов влияния общества на систему властных структур, здесь установилась традиция ограничения великокняжеской власти со стороны «паны-рады» и сейма, значение и роль которых со временем возрастали. Так, к компетенции рады относились вопросы дипломатических отношений, обороны, финансов, государственных расходов, распределения собственности и т. д. С начала XVI в. значительно были расширены законодательные полномочия сейма, который стал представительным учреждением и выполнял необходимую для демократии функцию общественного контроля за деятельностью субъектов исполнительной власти.

Эффективность действия данного механизма подтверждается двумя главными обстоятельствами. Первое - это низкая степень централизации государственной власти, сохранение свободы внутреннего локального управления, т. е. относительной политической независимости удельных княжеств. Второе - это экономические предпосылки диверсификации властных полномочий, которые обеспечивались организацией отношений собственности. В XV–XVI вв. происходил быстрый рост частного землевладения в основном за счет пожалований имений Великим князем из его домена. Перераспределение государственной собственности осуществлялось двояким способом:

1) предоставлением права временного владения одному или нескольким поколениям;
2) «на вечность»:с правом или без права продажи.

Со временем (к концу XV в.) значительно сократился удельный вес временных пожалований и увеличилось количество частных наследственных землевладений. Впервой четверти XVI в. на государственных землях проживало около 1/3 населения ВКЛ.

Политические права национальной аристократии определялись формированием в ее структуре двух основных сословий. С одной стороны, господствующее положение принадлежало «панам», за которыми при условии принятия католичества признавалось право на неприкосновенность и свободное распоряжение наследственными владениями. Таким образом, обеспечивалось полное право частной собственности в традиционных для римского права терминах: пользование, владение, распоряжение. Данное обстоятельство демонстрирует значительное сходство с политико-правовыми традициями Англии XV–XVI вв., земельная аристократия которой представляла собой активный компонент поддержки правительства, сохраняя при этом относительную независимость от государственной организации. Представительное участие в управлении способствовало постепенному образованию партийной системы, при которой общество могло влиять на политический процесс и выбор в исполнительную власть предпочитаемых лидеров.

С другой стороны, значительную группу в феодальном сословии ВКЛ составляла «шляхта», права собственности которой ограничивались сохранением прерогативы государства на распоряжение землей. Основной обязанностью шляхты являлась военная и государственная служба, что существенно сближает ее с дворянским сословием Московского государства. Здесь отсутствие достаточной экономической базы, обеспечивающей возможности действительного влияния аристократии на исполнительную власть, определило утверждение приоритета силовых методов разрешения возникающих социальных проблем. Возникший в середине XVI в. Земский собор, хотя и являлся представительным органом,

не обладал достаточными полномочиями, ограничивающими произвол власти. Кроме того, попытки решения проблемы выработки правовых норм, регулирующих пределы самовластия монарха, в лучшем случае имели ситуативный характер и чаще всего были связаны с периодами династических кризисов. Поэтому перспектива развития демократических отношений здесь была сильно ограничена.

Основное отличие политико-правового статуса феодального сословия ВКЛ и Московского государства заключалось в постоянном расширении политических прав мелкой шляхты, в результате которого к концу XVI в. исполнительная власть Речи Посполитой фактически приобрела формальный характер. Углубление данной тенденции также во многом подтверждалось слабостью судебной системы. В Московском государстве, напротив, рестриктивная политика в организации отношений собственности (постепенный переход от вотчинной системы землевладения к поместной) способствовала укреплению неограниченных полномочий монарха, т. е. утверждению политической традиции приоритета власти и государства над обществом.

Важнейшей особенностью социального устройства Московского государства являлась корпоративная организация общественной жизнедеятельности. Именно данный критерий самобытности признается большинством исследователей в качестве определяющего проблемный и частичный характер российской модернизации. Главной корпоративной ячейкой считается крестьянская община, специфика организации которой оказала существенное влияние на формирование определенного типа ментальности: коллективизма, связи с землей как источником жизни, близости к природе, уравнительных принципов социальной справедливости [3, с. 171].

В контексте белорусских традиций польского периода принцип корпоративности был преимущественно характерен для организации ремесленного хозяйства и торговли. Важной особенностью ремесленного производства являлся так называемый цеховой строй, который во многом соответствовал западноевропейским (в основном немецким) нормам его

регламентации. Представители каждого ремесла, как правило, объединялись в особое товарищество (цеховое братство), которое имело выборную администрацию, определенные прерогативы профессионального суда, великокняжеские привилегии и т. д. Цехи принимали ремесленников одного вероисповедания по одной или нескольким смежным специальностям, защищали их от конкуренции со стороны «портачей». Вместе с тем в отличие от немецкого цехового строя, организация ремесленного хозяйства Речи Посполитой характеризовалась усиленной тенденцией к монополизации производства. В частности, это проявлялось в том, что лишь отдельные цеховые статуты ограничивали количество подмастерьев (челядников) и учеников у мастера, а также устанавливали изначальный объем заказов и запрещали работу на скупщиков.

Развитие ремесленного производства сопровождалось расширением внутренних и внешних торговых связей. В XV–XVI вв. началось формирование купеческих гильдий, которые, как и цеховые братства, стремились к удержанию монопольных позиций в пределах своего города и его периферии. Возрастанию роли и масштабов ремесла и торговли в значительной мере благоприятствовало выгодное географическое положение ВКЛ и Речи Посполитой, которое способствовало быстрому выходу на внешние рынки. Вместе с тем корпоративная организация ремесленного производства и торговли существенно ограничивала развитие конкурентных отношений и усиливала монополистические тенденции в экономике.

Существенным отличием социального устроения ВКЛ и Речи Посполитой от Московского государства являлось то, что принцип корпоративности здесь не получил большого распространения на самой низшей ступени общественной стратификации. В первую очередь это связано с развитием фольварочного хозяйства. Как отмечает В. П. Панютич, до середины XIX в. (до реформы 1861 г.) в Беларуси поземельные функции крестьянской общины были выражены достаточно слабо. В дореформенный период «на помещичьих землях Виленской, Гродненской, западных и центральных уездов Минской губернии существовала

только подворная форма крестьянского землепользования. В Витебской, Могилевской губерниях и Юго-восточных уездах Минской губернии крестьянские наделы находились частью в общинном, частью в подворном пользовании» [4, с. 70].

Основной сельскохозяйственной производственной ячейкой являлось хозяйство крестьянина (дым), типичной формой организации которого была семья в составе родителей и детей. Специфической семейно-общинной «корпорацией» выступало дворище, которое состояло из нескольких дымов и характеризовалось коллективным ведением хозяйства, пользованием инвентарем и уравнительным распределением продукции. Тем не менее в отличие от общины, дворище не представляло собой самостоятельной налогооблагаемой единицы, что определяло тенденцию к индивидуализации крестьянского землепользования.

Между тем совершенствование феодальной системы хозяйствования на территории Беларуси происходило не в направлении дальнейшей дифференциации и формирования парцелльного хозяйства (как в большинстве стран Западной Европы), а в соответствии с восточнославянскими (российскими) традициями. Так, значительное повышение производительности сельскохозяйственного труда было достигнуто, в частности, благодаря переходу к барщинной системе и введению ряда законов, согласно которым крестьяне фактически утрачивали право распоряжения надельной землей.

Важным фактором, определившим специфику и содержание белорусских традиций, явилась организация церковно-религиозных отношений. Как известно, основной социокультурной предпосылкой авангардной модернизации выступило распространение и утверждение идей Реформации, результатом чего стало отделение единой церкви от множества центров государственной власти. Для церковно-религиозного уклада восточного (православного) христианства было характерно влияние византийской традиции, согласно которой церковь утверждала божественную санкцию монаршей власти. Кроме этого, в России независимые друг от друга автокефальные патриаршества «конкурировали» меж-

ду собой, что существенно ограничивало реальную возможность церкви противостоять политическим структурам. Основанием российской государственности (как и византийской) выступали конфессиональный и династический принципы (в противоположность национальному и правовому), в силу которых русские осознавали себя не столько гражданской, сколько православной нацией, единой в своей вере и служении Богу.

В Беларуси XV–XVIII вв. православная церковь подвергалась репрессивному воздействию со стороны государства. В середине XVI в. здесь начали активно распространяться идеи Реформации, в том числе кальвинизм. Его социальную опору представляли феодальная знать, средняя и мелкая шляхта, а также некоторые слои мещанского сословия. Основной причиной особой привлекательности протестантизма для этих социальных групп, вероятно, выступало стремление к формированию автономного статуса церкви по отношению к мирской жизни. Однако идеология западноевропейской Реформации в ВКЛ не получила широкого распространения. Одной из причин этого являлась неразвитость капиталистических отношений, высокий удельный вес крестьянства в составе православного населения (по различным источникам - около 90%). Вторым важным фактором, ограничившим реформаторское движение на территории Беларуси, стало усиление позиции ортодоксального католицизма после заключения Люблинской унии 1569 г. [5] Привилегированный политико-социальный статус римско-католической церкви, поддерживаемый соответствующими мерами государственной политики, способствовал постепенному ослаблению авторитета протестантизма и православия среди наиболее обеспеченных слоев населения. Это обусловливало значительное ухудшение экономического положения некатолических конфессий, что существенно ограничивало эффективность их идеологической работы.

Определенное значение для последующего развития культурных традиций Беларуси имело заключение Брестской церковной унии [6]. На эволюцию униатства оказывали влияние три основных фактора: позиция Рима, правительственная политика Речи Посполитой

и национально-религиозное самосознание верующих. Поэтому униатская церковь в Беларуси сформировалась как своеобразный гибрид культурно-религиозных византийских, восточнославянских и местных традиций, западноевропейских новаций, западнославянских (польских) заимствований XVII–XVIII вв. и русских нововведений XIX в. В упрощенном изложении условия унии предполагали подчинение Ватикану и принятие католической догматики с сохранением православной обрядности. Однако вопреки официальным установкам, ориентированным на постепенную трансформацию церковных традиций, в Беларуси началось насильственное насаждение униатства и католичества. В Речи Посполитой постепенно утверждалась религиозная нетерпимость, что способствовало созданию условий для патроната России над православными епархиями. После Брестского собора на территории Беларуси фактически существовали три христианские церкви: римско-католическая, униатская (греко-католическая), находившиеся под покровительством властей, и православная, дискриминация которой со стороны государства все более усиливалась. К концу XVIII в., перед разделами Речи Посполитой, 75% населения территории Беларуси были униатами, 6,5% - православными, 18% - католиками и 0,5% - кальвинистами.

Анализ церковно-культурной ситуации на территории Беларуси в польский период позволяет сделать вывод о том, что содержание конкретной религиозной традиции не может рассматриваться как предпосылка экономической модернизации. Необходимо констатировать, что в Беларуси сложилась тенденция к постоянному противостоянию двух мощнейших христианских течений - католицизма и православия. Однако предпринятая попытка поиска компромиссного решения (формирование униатской церкви) вряд ли может быть признана успешной, поскольку в большей мере она отвечала интересам правящих верхов Речи Посполитой, стремившихся к унификации религиозно-конфессиональных отношений на основании католицизма. Результатом этого стало углубление церковного раскола как внутри самого униатства, так и в масштабах всего общества.

Исследование хозяйственного, политико-правового и религиозно-культурного развития Беларуси в указанный период позволяет сделать ряд принципиальных обобщений, определяющих возможность влияния факторов самобытности на современную экономическую жизнедеятельность:

1. Экономические традиции на территории Беларуси польского периода характеризовались, во-первых, постепенным перераспределением прав собственности, при котором значительно сокращалась доля госсектора и возрастал удельный вес частных владений. Это являлось важнейшей предпосылкой для образования экономически независимого от государства социального слоя, который обеспечивал эффективность работы представительного органа власти и ограничивал монополию верховного субъекта. Вместе с тем крестьянство (самое многочисленное сословие) не обладало полным правом собственности на землю (точнее не пользовалось правом распоряжения), что оказывало крайне сдерживающее влияние на развитие капиталистических отношений. Личная зависимость крестьянского слоя от реальных собственников земли (шляхты или государства) демонстрирует сближение экономических традиций ВКЛ, Речи Посполитой и России. Во-вторых, прослеживалась тенденция к формированию монополизированного рынка путем образования корпоративных структур, сдерживающих развитие конкуренции. Такая традиция, в частности, проявлялась при организации торговли и ремесленного производства. Принцип корпоративности не был характерен лишь для деятельности первичной сельскохозяйственной единицы, что выражалось в доминировании подворной формы крестьянского землепользования. Наибольшее распространение крестьянская община получила на восточных территориях Беларуси, где отмечался высокий удельный вес государственной собственности. На западе и в центре преобладало частное землевладение, интересам кото-

рого соответствовала индивидуализация сельскохозяйственного производства. Это позволяло собственникам самостоятельно устанавливать и изменять размеры рентных платежей, вводить дополнительные виды повинностей и т. д.

2. Политико-правовые традиции Беларуси в рассматриваемый период характеризовались относительным соответствием предпосылкам для формирования демократических институтов. В отличие от гипертрофированно завышенной роли исполнительной власти в Московском государстве, здесь сложилась достаточно действенная (для того времени) система ограничения и контроля за деятельностью верховного субъекта управления. В значительной мере этому благоприятствовала традиция децентрализации государственной власти, сохранение относительной свободы местного самоуправления. Согласно мнению большинства исследователей, наиболее слабой являлась организация судебной ветви власти, деятельность которой была значительно формализована. В данном контексте прослеживалось ее существенное отличие от правовых традиций западноевропейских стран, наиболее рельефно представленных опытом Англии, и выражалось определенное сходство с российской политико-правовой системой. В первую очередь это проявлялось в отсутствии эффективного механизма согласования интересов различных социальных групп, что непосредственно отражалось и на организации экономической жизнедеятельности (например, оформление прав собственности).
3. В церковно-религиозной сфере наблюдался глубокий межконфессиональный раскол, связанный с противостоянием католицизма и православия. Такая ситуация способствовала еще большему размежеванию интересов, ценностей и моральных норм различных слоев населения и обострению социокультурных противоречий. Наиболее образованные и экономически состоятельные представители высшего и среднего сословий отда-

вали свои предпочтения прозападным ортодоксальным религиозным традициям. Данная тенденция в значительной степени была обусловлена соответствующими мерами государственной политики, которая поддерживала приоритет католицизма путем предоставления политических и экономических преимуществ его сторонникам (например, возможность участия в представительных органах власти, льготное налогообложение, беспошлинная торговля). В этих условиях, с одной стороны, существенно ограничивались возможности распространения идей западноевропейской Реформации (важнейшей предпосылки индустриальной модернизации), с другой стороны, наметилась тенденция к постоянному уменьшению числа сторонников православного вероисповедания, которое сохраняло свои позиции преимущественно на низших ступенях социальной стратификации. Насильственный характер попыток унификации церковного уклада на территории Беларуси при широком использовании экономических и политических стимулов позволяет сделать вывод о том, что содержание существовавших религиозных течений вряд ли может быть признано в качестве принципиального фактора модернизации. Вместе с тем постоянное изменение приоритетов в церковно-культурной сфере позволяет сформулировать предположение, что подобный динамизм религиозных традиций создает значительный резерв для модификации социокультурного фона под воздействием необходимых экономических и политико-правовых инноваций.

Анализ сложившихся в польский период на территории Беларуси особенностей организации экономической, политико-правовой и культурно-религиозной жизнедеятельности свидетельствует об анклавном сочетании цивилизационных характеристик западноевропейского и восточнославянского (российского) типов. Последующие исторические этапы, связанные с доминированием российской государственности, обу-

словливали еще большее сближение параметров белорусской самобытности с восточнославянскими традициями.

Список литературы

1. Поляк А. Г. Судебник 1550 года // Комментарии в кн.: Памятники русского права. Выпуск четвертый / Под. ред. Л. В. Черепнина. М., 1956.

2. Davies, N. God's Playground: A History of Poland: The Origins to 1795. Vol. 1 (Revised ed.). Oxford University Press. 2005. 488 p.

3. Семенникова, Л. И. Цивилизации в истории человечества. Брянск: Курсив, 1998. 340 с.

4. Панютич В. П. Социально-экономическое развитие белоруской деревни в 1861–1900 гг. Минск: Навука і тэхніка, 1990. 373 с.

5. Петриков П. Т. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е — начало 2000-х годов). Минск: Белорусская наука, 2007. С. 92.

6. Дмитриев М. В. Между Римом и Царьградом: Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М.: Издательство МГУ, 2003.

References

1. Polyak, A. G. Sudebnik of 1550 // Commentaries in: The Monuments of Russian Law. Issue No. 4 / Edited by L. V. Cherepnin. Moscow, 1956.

2. Davies, N. God's Playground: A History of Poland: The Origins to 1795. Vol. 1 (Revised ed.). Oxford University Press. 2005. 488 p.

3. Semennikova, L. I. Civilizations in the History of Mankind. Bryansk: Kursiv, 1998. 340 p.

4. Panyutich, V. P. Social and Economic Development of the Belarusian Village in 1861–1900. Minsk: Navuka i technika, 1990. 373 p.

5. Petrikov, P. T. Essays on the Newest Historiography of Belarus (1990s—early 2000s). Minsk: Belarusian Science, 2007. P. 92.

6. Dmitriyev, M. V. Between Rome and Constantinople: The Genesis of the Union of Brest in 1595–96. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2003.

УДК/UDC 130.2 + 72.01

Архитектурные архетипы: от гармонии числа к деконструкции

Павленко Валерия Владиславовна
студентка архитектурно-строительного факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: pavlenko_lera@bk.ru

Свердленко Владлен Сергеевич
студент архитектурно-строительного факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: dr.vladikbork98@yandex.ru

Суховерхов Антон Владимирович
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: ksau2009@gmail.com
SPIN-код: 1389-3935
ResearcherID: P-7859-2014

Аннотация

Статья посвящена выявлению социально-философских оснований историко-мировоззренческих архетипов в строительном дизайне и направлена на концептуальное обобщение различных архитектурных стилей. В работе показано развитие архитектуры в соответствии с исторически возникающим индивидуальным общественным мировоззрением, духом времени, а также определяющее влияние философских взглядов разных эпох на теоретическое и эстетическое содержание искусства и архитектуры. Утверждается, что разнообразие архитектурных форм разных эпох может вписаться в три основных концептуальных стиля, которые могут быть описаны как: 1) архитектура числовой гармонии, 2) бионическая архитектура, 3) архитектура деконструкционизма. Приводятся аргументы в пользу того, что все остальные стили можно рассматривать как разные мировоззренческие (парадигматические) варианты этих трех определяющих стилей.

Ключевые слова: золотое сечение, бионическая архитектура, деконструктивизм, архитектурные стили, философия архитектуры.

Architectural Archetypes: From the Harmony of Number to Deconstruction

Pavlenko Valeriya Vladislavovna
student of the Faculty of Architecture and Civil Engineering
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: pavlenko_lera@bk.ru

Sverdlenko Vladlen Sergeyevich
student of the Faculty of Architecture and Civil Engineering
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: dr.vladikbork98@yandex.ru

Sukhoverkhov Anton Vladimirovich
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: ksau2009@gmail.com
SPIN Code: 1389-3935
ResearcherID: P-7859-2014

Abstract

The article touches upon the identification of socio-philosophical foundations of historic and paradigmatic archetypes in the design of buildings and is aimed at the conceptual generalization of various architectural styles. The work shows the development of architecture in accordance with the historically emerging individual and social worldviews, spirit of the times. It also shows the critical influence of philosophical views of different eras on theoretical and aesthetic content of art and architecture. It is stated that the diversity of architectural forms of different eras can fit into three main conceptual styles, which can be described as: (1) architecture of numerical harmony; (2) bionic architecture; and (3) architecture of deconstructionism. It is argued that all other styles can be considered as different conceptual (paradigmatic) variants of these three defining styles.

Key words: golden ratio, bionic architecture, deconstructivism, architectural styles, philosophy of architecture.

Introduction. The architecture has always been the "face" of *a particular country*, just as the Egyptian pyramids symbolize Egypt, the Taj Mahal symbolizes India, the Eiffel Tower symbolizes France etc. These and other works of art have always reflected the worldview of the epoch, carried the values and ideals of the people, embodied the ideals of beauty and the technological achievements of the peoples who created them. *Each epoch* also has its own architectural style and "tokens", which represent that era. At the same time, we can see that the architectural styles or concepts underlying them can be often repeated. An evident example is a repetition of the ancient style of art and architecture in the works of Renaissance and Enlightenment's architects [1]. The task of the study is to identify in various architectural forms, represented by different eras, repetitive building "archetypes", both visual and conceptual (ideological). In our opinion, in a variety of architectural concepts and styles, three main paradigms can be identified, which we named as (1) the architecture of numerical harmony, (2) the bionic architecture, and (3) the architecture of deconstructivism. Let us consider each of these styles and their underlying worldview in more details.

The architecture of numerical harmony. Architectural styles that are based on the idea of beauty as proportion and symmetry and which affirm the need to embody this harmony in buildings, can be designated as the architecture of numerical harmony. In this style, beauty is primarily an objective beauty that does not depend on our consciousness; therefore, the architects of antiquity tried to reflect in architecture not their own idea of beauty but divine or cosmic harmony, they were passionate to show the heavenly order in earthly creations. Pythagoreans were one of the first who started to speak about the meaning of numbers in the universe, although it is known that they learned some knowledge in architecture, mathematics and astronomy from the ancient Egyptians, whose architects' works were closely intertwined with knowledge in astronomy [2, 3].

According to Pythagoras and Plato, beauty is objective and exists independently of our consciousness and since it is objective, it must necessarily become the object of mathematical research. The followers of the Pythagorean school believed that the properties and relationships inherent in harmony are expressible in numbers and the elements of numbers are the elements of everything that exists and that the whole sky is harmony and number [4, p. 1159]. All this led to the idea of a "golden section", as the proportions of beauty, although it was described in detail much later, only in 300 BC in the Elements written by Euclid [5, p. 78].

The principle of the golden section itself has a well-defined mathematical character: a smaller segment refers to a larger one, like a larger segment to everything else. This proportional dependence began to be reproduced again and again literally in every creature, whether it be paintings or the majestic temples of antiquity. In architecture, buildings with a symmetrical arrangement of columns, pilasters and other architectural elements come to the fore. The plans of buildings and their facades have become more proportional and harmonious. According to the nineteenth-century French architect Viollet-le-Duc, a form that cannot be explained will never be beautiful.

Mathematical accuracy was present in urban planning. The construction of the theory of the city was described in the treatise *Ten Books on Architecture* by Mark Vitruvius, a famous engineer and architect [6]. In the work dedicated to the emperor Augustus, Vitruvius combined the experience of architecture and urban planning of Greece and Rome. He considered the choice of a favourable area for the founding of the city, the location of the main city squares and streets, the typology of buildings. From an aesthetic point of view, Vitruvius noted the importance of adhering to architectural orders, reasonable planning, adherence to the uniformity of rhythm and structure, symmetry and proportionality, compliance of form with the purpose and distribution of available resources [7].

Despite the fact that Vitruvius himself did not leave the graphic image of the ideal city, many Renaissance architects created the schemes of cities,

where ideas from the treatise were reflected. Renaissance masters embodied the same ideas that already sounded in ancient culture and philosophy: the ideas of humanism, the harmony of nature and man. People again turned to the teachings of Plato and the Neo-Platonists about the ideal state, the ideal city, and the ideal beauty. In Rome, we can find the proportions corresponding to the golden section in San Pietro in Montorio, the Arch of Septimius Severus and the Cathedral of St. Peter.

The ideas of the Italian Renaissance spread across other European countries. The culture of the French Renaissance developed during the completion of the unification of the kingdom. Gradually, Paris turned into a political and cultural centre, it became a model for the most remote towns. From the end of the 15th century, famous Italian masters began to arrive in France and that deeply affected the architectural appearance of the country. Later, the ideas of Italian and French craftsmen influenced the architectural decoration of Russian cities, especially St. Petersburg.

Other styles (e. g. constructivism and modernism) can also be attributed to the architecture of numerical harmony because they are based on the ideals of symmetry, proportion and harmony. This stylistic archetype can be considered as the most popular in the history of European architecture. This style became so widespread not only for its beauty but also for its convenience. In the design and production of buildings, straight and symmetric elements are easier to assemble. From the practical reasons, it is also easier to choose or make furniture for a rectangular room and more convenient to search for a room in a house (or a building in a city) with the rectangular layout of the space. This style, in general, represents a rationalistic philosophy that is based on formal reasoning, a metaphysical and numerical understanding of the nature of beauty and universe. In opposition to the architecture of numerical harmony, intended to overcome nature in favour of culture and civilization created by human hands, the next style and its underlying worldview suggests returning back to nature, naturalness and organicity.

Bionic architecture. Bionic architecture is based on a worldview that asserts the unity of man, nature, and technology. It reflects the philosophy of organic architecture that, in its modern version, is formulated by L. Sullivan and his follower F. L. Wright. This modern paradigm echoes the ideas of Feng Shui, the philosophy of Taoism, Zen Buddhism, J.-J. Rousseau and other thinkers [8 — 10].

This architectural style proposes to abandon strict geometric forms/lines and to form the maximum similarity of building structures (both the main design and structure of elements) with nature. Bionic architecture tends to be located inside the landscape, paying great attention to its surrounding nature so that plants, trees, or, perhaps, a waterfall not only aesthetically fit into the concept of the building, but also form part of the structures. Rudolf Steiner argued that ". . . The spiritual aspect of creating bionic forms is connected with an attempt to realize the destiny of man. In accordance with this, the architecture is interpreted as a 'place' where the meaning of human existence is revealed . . ." [11, p. 5]

Technocratic attitude towards nature and the tasteless ecology of the visual environment became the subject of intense discussion in the early 1960s. In parallel with the idea of a new science –ecology, was born and a whole range of areas of environmental design based on ecological worldview. An example of this is the futuristic design of the English group *Archigram*, works by Japanese metabolists, ekistics of C. Doxiadis (Greece), arcology of P. Soleri (USA), and several others [12].

Antonio Gaudí was the most famous architect who introduced the forms of nature to the design of buildings and most clearly in the architectural structures; he created "nature frozen in stone". At the same time, nature had become not only the main source of inspiration for its architectural, artistic and design fantasies, but also a practical task of their technical construction. For example, Casa Mila—a residential building and architectural monument created by A. Gaudí—embodies such concept. The facade of the building resembles rocks, washed by sea waves. Forged elements of balconies look like seaweed. Wavy lines, passing one into another, and the play of light

and shade create the illusion of constant movement. Because Gaudí was a deeply religious man, all his works contain a certain religious symbolism. For instance, in the upper eaves of the building there are carved rosebuds with inscriptions from the prayer Ave Maria in Latin. After construction of this building, the native citizens of Barcelona thought that the facade of the building seemed too heavy, "bigger than life". For that reason, they nicknamed it Pedrera, which means "quarry". However, today, all the guests of the city are eager to see this unique work of the bionic architect [13, 14].

Due to the technological complexity of construction and originality of this style, the bionic archetype of architecture is less popular than the previous one. Nevertheless, the history and development of architecture show that this style and worldview periodically reappear. For example, in such countries as Japan and China, we can see the architecture of different ages based on this philosophy and aesthetic tradition.

The architecture of deconstructivism. Deconstructivism can be considered both as a particular architectural style and as a general worldview. Deconstructivism as a particular branch in modern architecture is based on the general theory of "deconstruction" of the French philosopher Jacques Derrida [15, p. 190–191]. According to his definition, deconstructivism is not a style, but a method, a special approach of architects to the fundamentals in the understanding of architecture as an art form. This is not the literal destruction of constructed buildings but the conscious creation of a conflict between the usual and unusual understanding of the language, the meaning and the visible forms. There are few distinctive features that characterize deconstructivism as a special architectural style and aesthetics: (1) asymmetric forms of the object; (2) lack of proportionality; (3) combination of seemingly incompatible materials; (4) the absence of a fixed coordinate system in the design; (5) non-standard transfer of the semantic component of the object. Individually, all these features may look absurd, but in the composition of the building, they create a quaint harmony, aggressiveness, and defiance. The mixture of architectural styles and views, deconstruction of symmetry and natural harmony is one of the main features

that set deconstructivism apart from the previous styles of architecture. In popularizing deconstruction, its founders had a difficult task: to introduce a new style of architecture that would destroy the usual, centuries-old foundations of architecture, but at the same time create something new that can replace outdated principles by proposing a new way of thinking and organizing living space. That is why the architecture of deconstruction was positioned itself as a "challenge" to the outside world. In this regard, "aggression" in its solutions is a way to defy the centuries-old foundations of architecture and provided the society with a new reality, new worldview [16, 17].

Origin of this style can be explained by the social need of people of those times for changes, therefore the expressive transition from canonized constructivism to uncontrollable chaos of deconstruction made it possible to destroy usual understanding of space and time, giving people freedom of creativity. Psychoanalyst Sigmund Freud stressed that the irrationalism of architectural forms of deconstructivists manifests human need to express chaotic intentions oppressed by formalized, orderly life, but people cannot afford fully express their strong emotions, therefore deconstructive aesthetics of decay and distortion serves as a certain compensation for suppression created by civilization for our instincts [16].

Despite its bold decisions in the design, deconstructivism had succeeded. It allowed the architecture to get rid of canons and clichés and helped in interpreting and expressing the needs of society, symbolizing the significance and need for the implementation of human thoughts and emotions in architecture. It is important to emphasise that the deconstructivism of the 20th and 21st centuries can be considered as an integral stage in the world history of architecture, which formed its own style that is completely different from the traditional architecture and previous archetypes.

Conclusion. The time and progress of society do not stand still, people change, beau ideals are interpreted and reinterpreted, values acquire new meanings. Architecture always expresses in its creations a certain worldview

of an epoch, society, or person. Hence, architects of different times and nations do not just create material objects for a utilitarian purpose. In their works, they convey their concept of beauty, offer a new way of life, try to show in the mundane things the divine manifestations or bring people closer to nature and naturalness. Therefore, significant works of architecture always show us the "interior" and achievements of their time. Despite the diversity of epochs and architectural styles that represent them, man remains man. In this regard, we think that by studying history and philosophy of architecture some typical or repetitive paradigms, needs, ideals, and "emotions" can be identified. In our opinion, the proposed classification of architectural styles based on three archetypes (architecture of numerical harmony, bionic architecture, and architecture of deconstructionism) presents the main and repeated motives in the history of the architecture and in the development of society.

References

1. Gladkova, I. V., Sukhoverkhov, A. V. Specifics of the Renaissance Theory of Beauty and Architectural Design / I. V. Gladkova, A. V. Sukhoverkhov // Economics and Society Under Modernization: Materials of the IV Scientific-Practical Conference. Krasnodar, 2019. Pp. 75–79.

2. Magli, G. Architecture, Astronomy and Sacred Landscape in Ancient Egypt / G. Magli. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 284 p.

3. Waziry, A. Probability Hypothesis and Evidence of Astronomical Observatories in Ancient Egypt / A. Waziry // Journal of Social Sciences and Humanities. 2016. Vol. 2. No. 2. Pp. 31–50.

4. Complete Works of Aristotle: The Revised Oxford Translation / Edited by J. Barnes. Vol. 2. Princeton: Princeton University Press, 2014. 1248 p.

5. Livio, M. The Golden Ratio: The Story of Phi, the World's Most Astonishing Number / M. Livio. New York: Broadway Books, 2008. 294 p.

6. Vitruvius: Ten Books on Architecture / Edited by I. .D. Rowland, T. N., Howe. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 352 p.

7. Westfall, C. W. Why the Orders Belong in Studio / C. W. Westfall // Journal of Architectural Education. 2008. Vol. 61. No. 4. Pp. 95–107.

8. Griffin, J. On the Origin of Beauty: Ecophilosophy in the Light of Traditional Wisdom / J. Griffin. World Wisdom, Inc., 2011. 304 p.

9. Lezyer, V. A., Reshchikova, S. P. Philosophical Ideas in Architecture and Design / V. A. Lezyer, S. P. Reshchikova. Chelyabinsk: South Ural State University, 2014. 142 p.

10. Wan-Ting, C., Shang-Chia, C. Discussion on Theories of Bionic Design / C. Wan-Ting, C. Shang-Chia. International Association of Societies of Design Research. Pp. 3635–3643.

11. Lebedev, Yu. S., Rabinovich, V. I., Polozhay, Ye. D. et al. Architectural Bionics / Yu. S. Lebedev, V. I. Rabinovich, Ye. D. Polozhay et al. Moscow: Stroyizdat, 1990. 269 p.

12. Kuznetsova, G. N. The Principles of the Interaction of Structural Shaping and Visual Ecology in Environmental Design / G. N. Kuznetsova. Moscow: Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts, 2011. 184 p.

13. Crippa, M. A. Antoni Gaudí, 1852–1926: From Nature to Architecture. Taschen, 2003. 96 p.

14. Ana, V. Antonio Gaudí, arhitectură şi repere identitare / V. Ana // Buletinul Universitatii Petrol-Gaze din Ploieşti. Seria Filologie. 2008. Vol. 2A. Pp. 1–6.

15. Danilova, M. I., Yembulaeva, L. S., Plotnikov, V. V. et al. Philosophy: A Textbook / M. I. Danilova, L. S. Yembulaeva, V. V. Plotnikov et al. Krasnodar: Novatsiya, 2017. 409 p.

16. Ilyin I. P., Makhov A. Ye. Postmodernism: From Its Source to the End of the Century: The Evolution of a Scientific Myth / I. P. Ilyin, A. Ye. Makhov. Moscow: Intrada, 1998. 255 p.

17. Hoteit, A. Deconstructivism: Translation From Philosophy to Architecture / A. Hoteit // Canadian Social Science 2015. Vol. 11. No. 7. Pp. 117–129.

УДК/UDC 7.01

Герменевтический анализ феномена субъективности в культурном наследии М. М. Бахтина (аспекты технокультурной сингулярности)

Песоцкая Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания
Историко-социологический институт Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва
г. Саранск, Россия
e-mail: cerera-office@mail.ru

Аннотация

Анализируется инструментальное значение наследия М. М. Бахтина для философской мысли и современной культуры в целом. С этой целью показана актуальность выявления основания познания и собственно герменевтический потенциал с помощью философской методологии как всеобщей. Последняя открывает горизонты глубинного прочтения человека, пребывание которого в мире максимально приблизилось к состоянию технокультурной сингулярности, символизирующей особый момент в ускоряющемся развитии, в котором прогнозируется максимальное усложнение техносферы, антропологические вызовы и антропосоциальные и технологические кризисы. В данной ситуации притекает метапроектирование человека, посредством которого раскрываются и исследуются возможности человеческого бытия в современной технокультуре. Сфера человеческой субъективности определяется как поле одновременного проявления смыслов, ценностей и артикуляции объективного как в их ценностном, так и процессуальном аспектах.

Ключевые слова: человек, культура, технокультура, техносфера, бытие, экзистенция, познание, герменевтика, текст, смысл, методология, субъективность, традиция, язык, знак.

A Hermeneutical Analysis of the Phenomenon of Subjectiveness in M. M. Bakhtin's Cultural Heritage (the Aspects of Technical and Cultural Singularity)

Pesotskaya Yelena Nikolayevna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy, professor of the Russian Academy of Natural Sciences
Ogarev Mordovia State University, Historical and Sociological Institute
Saransk, Russia
e-mail: cerera-office@mail.ru

Abstract

The article analyses the instrumental significance of M. M. Bakhtin's legacy for philosophical thought and modern culture in general. For this purpose, the relevance of identifying the basis of knowledge and the hermeneutic potential itself through philosophical methodology as a universal one is shown. The latter opens the horizons of deep reading of a person whose stay in the world has come as close as possible to the state of technical and cultural singularity, symbolizing a special moment in the accelerating development, in which the maximum complexity of the technical sphere, anthropological challenges, and anthropological, social, and technological crises are predicted. In this situation, the meta-design of a man, through which the possibilities of human being in modern technical culture are revealed and explored, is introduced. The sphere of human subjectivity is defined as the field of simultaneous expression of meanings, values, and articulation of the objective in both their value and procedural aspects.

Key words: man, culture, technical culture, technical sphere, being, existence, cognition, hermeneutics, text, meaning, methodology, subjectiveness, tradition, language, sign.

The lack of a different reading of existing ideas about man and his being in the present is constantly filled by an appeal to the creativity of philosophers, whose contribution can be called anthropological in its essence. M. M. Bakhtin's legacy is self-valued in human meta-design, through which the possibilities of human being in modern technical culture are revealed and explored. Here, the sphere of human subjectivity is defined as the field

of simultaneous manifestation of meanings, values, and articulation of the objective in the process of their variability.

The development of modern project philosophy by individual authors studying the ontological bases of human integrity [1] and the imprint of technical and cultural influence on its features contributes to the identification of value and sense formations in the human project and the range of possibilities of its self-change through communication. The anthropological view formed by Bakhtin on the problem of the cultural being of a person is of instrumental importance for ontological designing in general, due to the development of the thought of the social entrenchability of subjectivity. This makes Bakhtin's concept original and distinguishes it from Western anthropological researches. The philosopher's methodological instrumentation remains relevant, as it contains universal characteristics for the analysis of human philosophical systems in the context of modern intercultural dialogue.

Here, hermeneutics are woven into the living fabric of social life as a link between the subject and history. In literature, the importance of hermeneutics is enormous, primarily in connection with the meta-interpretation of literary monuments. The hermeneutic concept of the text is not only the manuscripts, but also the event itself, those objects that lend themselves to understanding regarding the era and genre, the movement of knowledge in the direction of analysis of the states of a person. The basis of the synthesis of hermeneutics and phenomenology in Bakhtin is the traditional formula "understanding is understanding of meaning", where the meaning is something external. This is the perfect being to which hermeneutic interest is directed. In phenomenology, the picture is formed regarding the concept of "understanding", which ultimately predetermines the methodological unity of phenomenology with hermeneutics on the principle of complementarity of knowledge.

Thus, the structure of the understanding cognitive act assumes the cognizing mind of the subject and the object of the understanding activity, denoted as a text in a broad sense. The text, as a sign and symbolic

information system and the construction of the language genesis, in Bakhtin's "first philosophy" belongs equally to both personality and culture in whole. The central moment here is the value significance of a thought-judgment and the assessment of the significance of judgment as an integral link in the act. The next transformation of judgment into a responsible act becomes a perfect theory in which phenomenological and hermeneutic facets are present.

With the transformation of hermeneutics into a philosophical discipline, its central problem becomes the problem of understanding the being meanings. Its categories—understanding, interpretation, hermeneutic circle, and others—become philosophical categories, the text appears to be not a net of meanings that should be deciphered by referring to certain out-of-text realities, but a moment, a phase of achievement of understanding. As a semiotic form of works and activities of the human spirit, the text arises in the process of communication, and, as a system of communicative and cognitive elements, reflects the gnosiological characteristic of the acts of a personality itself. The authors adhere to the psycholinguistic concept which interprets the text as a communicative and cognitive unit or as an outward-facing marked mental formation. The hermeneutics of the 20th century raises the question of the vital, the genesis meanings that make the "life" of the text, the possibility of both addressing it and understanding it by other people.

The terminology and typology of the fictional characters, the genre of a "phenomenological description" of co-being in the works of the thinker can be called a language on its own, opposing semiotics as a single and only methodology, seeking to embrace all the humanitarian spheres through the concept of "sign systems". Ontologization of language problems in hermeneutics takes place through the phenomenon of subjectivity or, to be precise, through understanding as a form of life of the subject.

The research of the phenomenon of subjectivity in Bakhtin's legacy [2] through the hermeneutic bases of this subject's life activity is directly related to the idea of the event plane of human being, but through co-being in the aspect of its implementation. Ethical studies of ontology (ethics of responsibility, of an action) [3] conducted to analyse such an eventuality

are related to a certain sequence of incarnations, which implicitly includes a certain order and sequence, alternation of rhythmics of introduction of a personality to the prehistory of the social order.

The concept of rhythm in Bakhtin's works gives an internal meaning to the acquisition and experience of a personality and is defined as "the value regulation of the internal entity" [4, p. 103]. Rhythm is the way of relationship and interaction.

With its order, rhythmicity, consistency that Bakhtin writes about, being disposes a person to thinking and makes it possible. The possibility of a subject's being manifests itself through the modality of the social time and social space [5, p. 5]. The research into the possibility of being from the perspective of phenomenology is drawn to the foundations of the living structure of the human essence and means the openness of Dasien as an existential quality and meaning.

The language of Bakhtin's phenomenological description demonstrates the moments of openness inherent in human. The change of its subjectivity or the transformation of its own Self (I) essence is the stage of ontological designing. A personality structures the everyday life through a combination of differences that establish a system of sociocultural coordinates of people's co-existence. Such distinctions mean the forms of a person's choice of life style.

The genesis of the communicative models obtained in the social sciences and humanities shows constant variability of the basis, principles, and mechanisms of communication, starting from the period of the Middle Ages. In the time frame from this period to our time, a symbolic model of media reality has been formed [6, p. 331]. Understanding the human person through a dialogue changes the context of being, forms a person's vision of himself from within, because only other people see him in integrity. Society influences a personality through dialogue communication. In contemporary history, the dialogue fully reflects the peculiarities of communication of "presence" and the principles of social perception of time and space in the context of a symbolic model of media reality, in turn changing the typology of the subject. M. M.

Bakhtin identified different variants of a dialogue, such as 1) microdialog, an internal human dialogue correlated to the other voices; 2) hidden polemics when a word feels a somebody else's word nearby talking about the same subject, and this feeling determines its structure; 3) a great dialogue—as a landmark one, which ensures the unity of the society and the world [7, pp. 146–150]. The problem of dialogue is social and relevant in connection with the current crisis of being and consciousness of the individual in modern culture, with the absence of true dialogue relations and the closure of the consciousness of a modern man. For this reason, the concept of dialogue constitutes the content of the hermeneutic foundation of culture. The cultural dialogue is a reflection of the social and anthropological measuring of a personality as a subject of communication. The development of dialogue in the context of scientific and technological progress is polyphonic: previously, only few people gathered in the same place participated in a dialogue, but with the advent of the Internet, millions of people can participate in a dialogue at the same time. A dialogue is possible both between two individuals and between groups, collectives, classes, peoples, and cultures. Thus, the simultaneous involvement of the individual in many systems of interaction and collective unities as "cumulative groups" [8, p. 74] becomes a functional integrity and a subject of broad social and philosophical research.

Modern humanist cognition actively researches a variety of methodological approaches and methods, the purpose of which is to justify the due possibility of human being and co-being and to express them in a symbolic form. The latter relates to the onto-designing function of the subject's language and communication.

Thus, the objective reality is reflected through the text and speech, which "express and show" some "codes" inextricably connected with the national and historical and mental complex thinking of the people [9, pp. 6–7]. The methodological potential of the concept of "code" has been studied by J. Lotman. He presented the code as a "basic existing information in the transfer—reception process" [10, p. 237] which promotes better understanding. M. M. Bakhtin developed his own concept of language and

understanding in a socio-philosophical context [4; 5; 11; 12]. The problem of philosophical understanding of the subject is realized by him in the concept of "I/Other", where the dialogue between one's own Self and I/Other is represented ("otherness of one's own Self"). Its essence is that man knows himself adequately only when I meets the consciousness of the other. Bakhtin's "other" is an opening being, involving a conscious understanding of one's own uniqueness and subjectivity in dialogue communication. Only with the help of the other the formation and self-realization of one's own self occurs. This bilateral influence lies in the mutual disclosure of the "two unique cultural phenomena" [4, pp. 50–53]. The "other" can be a specific person, society, era, culture. The uniqueness of the legacy of the Bakhtin's concepts of dialogue is that a person not only gains the possibility of self-realization through dialogue, but also gets involved in the spiritual world of the other.

Man's self-development of his own humanity and sociality with its structural elements, which are relationships, mentality, and behavior, is the result of moral actions. Human development as coevolutionary by the nature of a spiritual and social being is inherently a process of moral ascendancy. The social characteristic of a personality is invariably spirituality—the regulator of the internal life of a man and the life of the society at the same time. The shift in research interest towards the study of spirituality in the context of the individuality of a human personality at the beginning of the 21th century in the works of Russian authors V. P. Okeanskiy, S. I. Nekrasov and others takes its cue from the works of M. M. Bakhtin who deeply and comprehensively showed the uniqueness of a human personality manifested through an act. As early as the 1980s, in the philosophical sciences there was a wide reflection on the phenomenon of human subjectivity in the direction of ontologization of the understanding of consciousness, which involves the study of the irrational in the sphere of value behavior of a human person and the manifestation of its identity through behavior. In the context of the rationalization of human behavior in modern society, the model of explanation of actions is inherently given by moral norms as constants, and thoughts about the due form the

ability to assess the essence. In the legacy of post-non-classical science and philosophy, an access to the hermeneutic methods that reveal the author's meaning of conceptual constructions of human pictures of the world, as a rule, is opened up by the anthropological orientation. It contains the grounds of the social results of designing the material and spiritual activity of a person, his activities, as well as processing and distribution of the historical reality in the form of social information; reflexive behavior and actions resulting from dialoguing, statements, and texts.

Bakhtin introduces the bidirectional concept of a "statement" [4, pp. 258–297] as an elementary unit of dialogue, which acts as a complete sense complex from the addressee and suggests a reaction to it from the addressee (listener). The speaker himself is aiming at active and response understanding, waiting for a response, consent, sympathy, expression, execution.

As a result, Bakhtin successfully synthesizes the "academic" philosophical tradition, with its objectivity and systemicity, with the "non-academic" one, which connects thought and practice, philosophy and being—"the world of culture" and "the world of life" [12, p. 8]. The humanitarian approach to designing the existence of these beings, the axis of which is the subject, forms the image of an understanding person, "capable of obtaining new knowledge and deciphering cultural codes embedded in the texts of daily activities and permeating its entire social and cultural context" [13, p. 535]. Technologically, such designing results from the postulate of the full rights of the "understanding person" as a design subject, he is a co-author of the text of the project. The humanitarian paradigm of designing the being of a man changes our ideas about the image of man (the "understanding person"), the image of the world, and the symbolic content of the project activity itself. By means of the language, anthropological and hermeneutic methodologies reveal textual and contextual meanings of a person's being. Along with the sign environment and ideas, responsibility, as an intangible element and component of the humanitarian methodology and technology of

designing the existence of a modern man, is connected by Bakhtin with social values and norms.

In our view, existence is the relevant being basis of the subject in a unique form and the meta-openness to any possibilities. The authenticity of the meaning of existential communication and the existence of the subject is revealed in being through the Other for oneself. The subject, discovering himself in the Other and the Other in himself, becomes himself only in the consequence of communication, "To live is to participate in a dialogue; to ask, to listen, to reply, to agree etc. In this dialogue a man participates with all himself and all his life: eyes, lips, hands, soul, spirit, his whole body, actions" [4, p. 118]. In the modern personal ontological structure, where a free human choice is present, the discovery of one's own Self through the Other is not enough to understand the phenomenon of subjectivity. Man, as a dialogue personality, exists in the space of a dialogue both in the existential and the transcendent space at the same time. The latter brings him closer to the things lying outside his own culture.

So, in the existential and dialogue tradition, the subject's existence is understood through co-being, i. e. a dialogue or existential communication, and through transcendence as meta-cultural. Depending on the linguistic rules of the language system used and its capabilities, the concept and model of the social reality are built as a result.

The discovery of oneself in the Other is supplemented in a dialogue by meeting the Other, which is rooted in the world culture (the universal) [13, p. 95] and represents all the anthropological boundaries and horizons.

The identification of the grounds of knowledge and the hermeneutic potential itself with the help of philosophical methodology as a universal one, in the present, opens the horizons of deep reading of the person whose stay in the world is as close as possible to the state of technical and cultural singularity, symbolizing a special moment in accelerating technological development, where the maximum complexity of the technical sphere [1, p. 8] where anthropological challenges and anthropological cultural and technological crises are predicted. For this reason, the instrumental

significance of M. M. Bakhtin's legacy for philosophical thought and modern culture in general is an emergence of reality in the possibility of the existence of a subject based on contacts with the consciousness of the Other people through the language and communication. In this series, we understand the procedural side of the design self-changes of a person as a movement of human nature to the truth, which in social and humanitarian cognition is investigated by means of the hermeneutic method of interpretation of the life experience of the subject and M. M. Bakhtin's concept of the dialogue.

References

1. Pesotskaya, Ye. N. Biomedical Rationality: Contours of Transdisciplinarity / Ye. N. Pesotskaya, V. I. Inchina; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ogarev Mordovia State University. Saransk, 2020. 178 p.

2. Pesotskaya, E. N. Hermeneutic Aspects of the Study of the Philosophy of the Act in the Works of M. M. Bakhtin // M. M. Bakhtin in the Modern World. Saransk: Publishing House of Mordovia State University, 2016. 404 p. Pp. 117–121.

3. Bakhtin, M. M. The Philosophy of the Act // The Philosophy and Sociology of Science and Engineeting. Moscow: Nauka, 1986. 463 p.

4. Bakhtin, M. M. The Aesthetics of the Verbal Works / M. M. Bakhtin. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 p.

5. Bakhtin, M. M. Literary Critical Articles / M. M. Bakhtin. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. 543 p.

6. Kuznetsova, E. .I. Evolution of Media-Cultural Communication Forms in the Modernist Era: a Social and Philosophical Aspect // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. No. 1. 2009. Pp. 331–337.

7. Bakhtin, M. M. The Problem of Dostoevskiy's Poetics / M. M. Bakhtin. 4th ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1979. 318 p.

8. Pesotskaya, Ye. N. The Evolution of the Methodology of Social Analysis of Man in the History of Science (an Anthropophilosophical Aspect) / Ye. N. Pesotskaya. Saransk: Publishing House of Mordovia State University, 2015. 112 p.

9. Danilevskiy, L. Ya. Russia and Europe. Views on the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the German-Roman World / L. Ya. Danilevskiy; composed by A. A. Galaktionova. St. Petersburg: Glagol, 1995. 552 p.

10. Lotman, J. Lectures on Structural Aesthetics // J. Lotman and the Tartu–Moscow Semiotic School. Moscow: Gnozis, 1994. Pp. 10–253.

УДК/UDC 338.48

Раскрытие сезонных колебаний в сфере туризма по данным Республики Армения

Варданян Гоар Вазгеновна
кандидат экономических наук, профессор
Национальный аграрный университет Армении
г. Ереван, Армения
e-mail: vardgohar@yandex.ru

Погосян Диана Артуровна
соискатель
Государственный университет им. В. Я. Брюсова
г. Ереван, Армения
e-mail: diana.poghosyan22@gmail.com

Аннотация

Цель данного исследования - определение сезонных колебаний в сфере туризма в Республике Армения (РА) на основе квартальных данных за последние 4 года. Простейшими методами определения сезонной компоненты являются метод скользящей средней и построение аддитивной или мультипликативной модели временного ряда. Динамика въезжающих в РА и выезжающих из РА обусловлена сезонностью. Самый высокий показатель был зафиксирован в третьем квартале. Исследования показали, что если исключить сезонную компоненту, то в результате совместного влияния основной тенденции развития и остальных не включенных в модель факторов в каждом квартале число приезжающих возросло бы на 10055 человек, а число выезжающих - на 9598 человек.

Ключевые слова: туризм, сезонные колебания, аддитивная модель, прибывшие, выбывшие.

Assessment of Seasonal Fluctuations in the Tourism Sector According to the Data Provided by the Republic of Armenia

Vardanyan Gohar Vazgenovna
Candidate of Economics, professor
Armenian National Agrarian University
Yerevan, Republic of Armenia
e-mail: vardgohar@yandex.ru

Poghosyan Diana Arturovna
applicant
Brusov State University
Yerevan, Republic of Armenia
e-mail: Diana.poghosyan22@gmail.com

Abstract

The aim of the current study is to identify the seasonal fluctuations in the field of tourism in Armenia based on quarterly data for the last 4 years. The simplest methods for determining seasonal components are the use of the moving average method and the design of an additive or multiplicative model of a time series. The dynamics of people entering and leaving Armenia is determined by seasonality. Throughout all these years the highest indicator was recorded in the third quarter. The analysis showed that if we exclude the seasonal component, the number of visitors would increase by 10,055, and that of travelers would increase by 9,598 in each quarter due to the effect of main development tendency and other factors.

Key words: tourism, seasonal fluctuations, additive model, arrivals, departures.

Туризм является одним из факторов, характеризующим благосостояние каждой страны. Благосостояние представляется как целостная система, предлагающая людям все возможности для знакомства с населением, историей, культурой, обычаями и духовными ценностями данной страны во время поездки.

Туризм имеет как экономическое, так и социальное значение. В современных условиях туризм отличается разнообразием форм и видов. В этом контексте следует отметить, что в Армении в течение последних трех десятилетий стремительно развивается агротуризм. В настоящее время это одна из важнейших составляющих современной туристической индустрии, поскольку она обладает рядом преимуществ. Благодаря низкой стоимости агротуризм доступен практически всем слоям населения. Также, как правило, это семейный туризм. Кроме того, агротуризм дает возможность участвовать в сельскохозяйственной деятельности, знакомиться с сельской жизнью, не требует больших инвестиций, так как основным инвестором является богатый слой сельского населения. А инвестиции в развитие сельского хозяйства способствуют развитию социальной инфраструктуры и культуры в деревне, а также активизации сельской жизни.

По мнению специалистов, в будущем агротуризм должен стать одним из ведущих секторов экономики Армении [1, 2]. Согласно данным аналитиков, 34,1% туристов посещают природные достопримечательности, 30,6% отправляются в приключенческие поездки, 30,2%-в культурные поездки, а 8,8%-по следам наследия. Согласно методологии Всемирной туристической организации ООН (ВТО) [3], туристом считается любое лицо, которое с целью отдыха, а также с деловыми, религиозными или прочими целями путешествует за пределами его основного места проживания в течение периода не меньше 24 часов и не превышающего одного года непрерывно. Причем главной целью его поездки является путешествие, а не занятие трудовой деятельностью, когда расходы, связанные с поездкой, покрываются за счет финансовых средств, полученных в посещаемом месте за трудовую деятельность [4]. То есть, главная цель туриста - путешествовать, а не заниматься трудовой деятельностью, и в этом случае путевые платежи производятся за счет финансовых средств, полученных от трудовой деятельности по месту основного проживания [3].

Туризм является одним из приоритетных секторов экономики Армении. Динамика численности туристов в Армении в последние годы растет. В этом контексте считаем необходимым наличие достоверной статистической информации, которая повысит эффективность исследований в этой области. Исходя из требований тщательного и точного анализа, необходимо исследовать туристические посещения по кварталам года.

Одним из основных препятствий на пути развития туризма в Армении является сезонность, выступающая как важнейшая специфическая проблема. Отдых на озере Севан, в санаторно-оздоровительных городах Джермук, Арзни, Дилижан, Агавнадзор, Цахкадзор, Агверан, Анкаван, Степанаван и т. п., которые являются основными в структуре доходной корзины туристического сектора республики, зависит от времени года.

Под сезонностью, или сезонными колебаниями, понимают более или менее устойчивую закономерность внутригодовой динамики социально-экономических явлений. Сезонностью называют устойчивую закономерность динамики внутригодовых и постоянно повторяющихся колебаний спроса и предложения. В целом сезонность -довольно сложное явление. Часто появление на рынке туристского продукта обусловливает пик сезонных колебаний и цен, особенно в летний период времени. Ему соответствует и сезонный подъем спроса [5].

Цель настоящей работы -показать влияние сезонности на численность прибывающих и выбывающих туристов и наметить пути смягчения сезонных колебаний, чтобы в зависимости от климатических условий и географического положения сделать Армению привлекательной во все месяцы года.

Выявлять сезонных колебаний в сфере туризма Армении предлагается на основе квартальных данных прибывших и выбывших за последние четыре года. Известно, что простейшими методами выявления сезонной компоненты являются использование метода скользящей средней и построение аддитивной или мультипликативной модели временного ряда.

Аддитивная модель выражается следующим уравнением: Y = T + S + E. Согласно аддитивной модели каждый уровень временного ряда может быть представлен как сумма трендовой (T), сезонной (S) и случайной (E) компонентов.

Мультипликативная модель выражается уравнением: Y = T * S * E. Согласно ей каждый уровень временного ряда может быть представлен как произведение трендовой (T), сезонной (S) и случайной (E) компонентов.

Выбор одной из двух моделей основан на анализе структуры сезонных колебаний. Если амплитуда колебаний стабильна, то строится аддитивная модель временного ряда, в которой значения сезонной составляющей для разных типов циклов принимаются как стабильные. А если амплитуда сезонных колебаний увеличивается или уменьшается, строится мультипликативная модель временного ряда, согласно которой уровни ряда зависят от сезонной составляющей.

Обе модели строятся для каждого уровня ряда с расчетом значений T, S и E. В первую очередь методом скользящей средней сглаживается исходный ряд, затем рассчитываются значения сезонной составляющей S. После чего из исходных уровней ряда исключается сезонная компонента, осуществляется аналитическое выравнивание и рассчитываются абсолютные или относительные ошибки.

Если полученные значения ошибок не содержат автокорреляцию, то ими можно заменять уровни исходного ряда, а временной ряд ошибок E можно использовать для анализа взаимосвязи исходного ряда и других временных рядов.

В таблицах 1 и 2 представлены данные, характеризующие динамику численности прибывших в Республику Армению (далее -РА) и выбывших из РА за период 2015–2018гг. по кварталам, и выявлена сезонная компонента [4].

Данные, приведенные в таблице 1, свидетельствуют о том, что за последние четыре года в РА было зарегистрировано беспрецедентное увеличение численности прибывших. Если в 2015 году прибыло 1 192119

человек, тов 2018 году количество прибывших составило 1 651 782 человека, или увеличилось в 1,39 раза (или составляло 138,56%). Это обусловлено тем, что после Бархатной революции в мае 2018 года Армения стала более привлекательной для туристов со всего мира, а также для армян диаспоры, которые хотели своими глазами увидеть преобразования в родной стране. И эта тенденция продолжала расти. Примечательно выявление сезонной компоненты (график 1).

Динамика численности прибывших в РА и выявление сезонной компоненты по квартальным данным 2015–2018гг.

Кварталы	Прибыли туристы, человек	S	T+E	T	T+S	E=Y-(T+S)
2015Q1	232 583	-50096,2	282 679	274482	224385,8	456 969
2015Q2	256 917	-56234,6	313 152	284537	228302,4	485 219
2015Q3	446 047	156319,5	289 728	294592	450911,5	896 959
2015Q4	256 572	-49988,8	306 561	304647	254658,2	511 230
2016Q1	252 506	-50096,2	302 602	314702	264605,8	517 112
2016Q2	248 612	-56234,6	304 847	324757	268522,4	517 134
2016Q3	467 892	156319,5	311 573	334812	491131,5	959 024
2016Q4	290 647	-49988,8	340 636	344867	294878,2	585 525
2017Q1	298 533	-50096,2	348 629	354922	304825,8	603 359
2017Q2	323 847	-56234,6	380 082	364977	308742,4	632 589
2017Q3	550 022	156319,5	393 703	375032	531351,5	1 081 374
2017Q4	322 377	-49988,8	372 366	385087	335098,2	657 475
2018Q1	346 458	-50096,2	396 554	395142	345045,8	691 504
2018Q2	339 521	-56234,6	395 756	405197	348962,4	688 483
2018Q3	589 230	156319,5	432 911	415252	571571,5	1 160 802
2018Q4	376 573	-49988,8	426 562	425307	375318,2	751 891

Таблица 1

Выявление тенденции развития и сезонной компоненты прибывших в РА

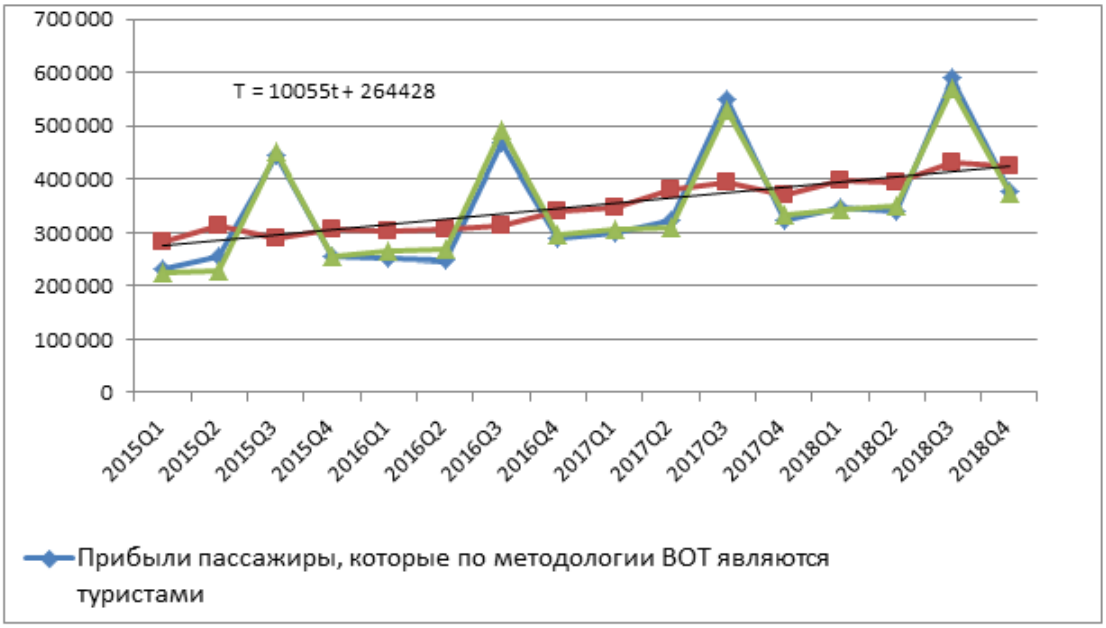

График 1

Динамика численности выбывших из РА и выявление сезонной компоненты по квартальным данным 2015–2018гг.

Кварталы	Выбыли туристы, человек	S	T+E	T	T+S	E=Y-(T+S)
2015Q1	214757	-77254,3	292 011	275179,7	197925,4	412 682
2015Q2	250326	-68440	318 766	284777,4	216337,4	466 663
2015Q3	412122	121835,4	290 287	294375,1	416210,5	828 333
2015Q4	310164	23858,92	286 305	303972,8	327831,7	637 996
2016Q1	227587	-77254,3	304 841	313570,5	236316,2	463 903
2016Q2	243194	-68440	311 634	323168,2	254728,2	497 922
2016Q3	432848	121835,4	311 013	332765,9	454601,3	887 449
2016Q4	359058	23858,92	335 199	342363,6	366222,5	725 281
2017Q1	266324	-77254,3	343 578	351961,3	274707	541 031
2017Q2	304076	-68440	372 516	361559	293119	597 195
2017Q3	505652	121835,4	383 817	371156,7	492992,1	998 644
2017Q4	405703	23858,92	381 844	380754,4	404613,3	810 316
2018Q1	300832	-77254,3	378 086	390352,1	313097,8	613 930
2018Q2	310111	-68440	378 551	399949,8	331509,8	641 621
2018Q3	537598	121835,4	415 763	409547,5	531382,9	1 068 981
2018Q4	474250	23858,92	450 391	419145,2	443004,1	917 254

Таблица 2

Выявление тенденции развития и сезонной компоненты выбывших из РА

График 2

Согласно таблице 2 и графику 2 численность выбывших из Армении также увеличилась. По сравнению с общей численностью выбывших в 2015 году (1 187369 человек), в 2018 году их численность составила 1 622791 человек, или увеличилась в 1,37 раза (или составила 136,67%).

Как показали результаты анализа, динамика численности и прибывших в РА, и выбывших из РА обусловлена сезонностью. Самые высокие показатели за все эти годы были зарегистрированы в третьем квартале. Все это объясняется тем, что климат Армении гораздо привлекательнее в июле–сентябре, когда происходит сбор урожая: в эти месяцы в основном организуются различные фестивали, среди которых винный фестиваль(в том числе фестиваль вина Арени), фестивали по сельскохозяйственным продуктам, фестиваль армянской кухни и т. п. В этом же периоде в Армении отмечаются праздники Эребуни-Ереван и День независимости. Согласно анализу, если бы не учитывался компонент сезонности, то в результате совместного влияния основной тенденции развития и других факторов, не включенных в модель, численность прибывших в

каждом квартале увеличилась бы на 10055 человек, а численность выбывших - на 9 598 человек.

Чтобы привлечь туристов поздней осенью и зимой, можно организовать их отдых в курортах Цахкадзор и Дилижан. Развитию туристического комплекса регионов РА препятствует недостаточный уровень развития транспортной инфраструктуры, средств размещения туристов и объектов притяжения туристов (достопримечательностей). Комплексная и сбалансированная поддержка инфраструктурного каркаса туристического комплекса является обязательным фактором дальнейшей работы объектов туризма и повышения их привлекательности для потенциальных потребителей туристических услуг [6]. Туристическая отрасль оказывает косвенное воздействие на развитие бизнес-среды посредством организации конференций, семинаров, форумов и т. д. Эта особенность позволяет нивелировать сезонность, свойственную туристской индустрии.

Постановлением Правительства Республики Армения от 1 июня 2018 года № 581-А предусмотрены комплексные меры по развитию туризма в Армении, поскольку оно считается одним из приоритетных направлений экономики. Из этих мероприятий считаем важными отметить следующие:

— проведение дорожно-восстановительных работ для расширения доступа к туристическим достопримечательностям и памятникам (в Гарни, Татев, в районе исторического центра Кумайри), пополнение туристических информационных центров;
— подготовку демаркационных схем для дорожных знаков общего пользования в целях повышения доступности мест и транспортных маршрутов для туристов;
— в сотрудничестве с местными туристическими организациями представление Армении на различных международных туристических выставках с целью повышения осведомленности о туризме в стране.

Список литературы

1. Саргсян М. Г. Основные направления развития индустрии гостеприимства в Армении // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 8 (46). С. 166–174.

2. Петросян С. А. Стратегия привлечения иностранных инвестиций в развитие экономики Республики Армения: автореферат дис. ... доктора экономических наук / Гос. ун-т упр.. Москва, 2015. 22 с.

3. International Recommendations for Tourism Statistics 2008: Compilation Guide // UN WTO, Madrid, November 2010. 145 p. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_83rev1e.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

4. Социально-экономическое положение Республики Армения в январе–декабре 2018 года // Статистический комитет Республики Армения. URL: https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2115 (дата обращения: 01.04.2020).

5. Калинина О. А. Влияние фактора сезонности на ассортимент туристского агентства // Вестник РМАТ. 2011. № 3. С. 80–85.

6. Шевыров П. В. Оценка и прогноз влияния туризма на социально-экономическое развитие регионов // Вестник Института экономики РАН. 2008. № 1. С. 239–247.

References

1. Sargsyan, M. G. The Main Directions of the Development of the Hospitality Industry in Armenia // Services in Russia and Abroad. 2013. No. 8 (46). Pp. 166–174.

2. Petrosyan S. A. The Strategy of Attracting of Foreign Investments in the Development of the Economy of the Republic of Armenia. Moscow: The State University of Management, 2015. 22 p.

3. International Recommendations for Tourism Statistics 2008: Compilation Guide // UN WTO, Madrid, November 2010. 145 p. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_83rev1e.pdf (access date: April 1, 2020).

4. Socio-Economic Situation of RA, January–December 2018 // Statistical Committee of the Republic of Armenia. URL: https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2115 (access date: April 1, 2020).

5. Kalinina, O. A. The Influence of Seasonality on the Range of Tourist Agencies // Vestnik RIAT. 2011. No. 3. Pp. 80–85.

6. Shevyrov, P. .V. The Assessment and Forecast of the Impact of Tourism on the Socio-Economic Development of the Regions // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2008. No. 1. Pp. 239–247.

УДК/UDC 338

Анализ продовольственной безопасности в мире и в Армении

Восканян Гоар Вазгеновна
кандидат экономических наук, ассистент
Национальный аграрный университет Армении
г. Ереван, Армения
e-mail: vos.gohar@mail.ru

Аннотация

Продовольственная безопасность — это ситуация, когда все люди во все времена имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному, безопасному и питательному продукту питания, который отвечает их диетическим потребностям и предпочтениям в еде для активной и здоровой жизни. Проблема продовольственной безопасности присутствует почти во всех странах мира, и эта проблема углубляется с ростом населения мира. Продовольственная безопасность сегодня рассматривается как глобальная проблема, устранение которой требует единого подхода. Вот почему глобальные цели в области устойчивого развития были разработаны для улучшения жизни людей, для чего государства должны работать вместе. В статье представлены основные правовые акты, связанные с продовольственной безопасностью, уровнем самообеспеченности основными продуктами питания в Республике Армения, уровнем бедности по типам населенных пунктов, уровнем образования и т. д.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, проблемы, коэффициент самообеспеченности, бедность, образование.

Analysis of Food Security in the World and in Armenia

Voskanyan Gohar Vazgenovna
Candidate of Economics, assistant
Armenian National Agrarian University
Yerevan, Armenia
e-mail: vos.gohar@mail.ru

Abstract

Food security is a situation that exists when all people, at all times, have physical, social, and economic access to sufficient, safe, and nutritious food that meets their dietary needs and food preferences for an active and healthy life. The problem of food security is present in almost all countries of the world, and this problem deepens with the growth of the world's population. Food security is seen as a global problem, and we need a unified approach in order to solve it. That is why the Sustainable Development Goals were designed to improve people's lives, and states must work together to achieve this goal. The article presents the main legal acts related to food security and self-sufficiency ratio of the basic foodstuffs in the Republic of Armenia, to the poverty level by type of settlement, the level of education etc.

Key words: food security, challenge, self-sufficiency ratio, poverty, education.

Every day too many men and women across the globe struggle to provide their children with a nutritious meal. In a world where we produce enough food to feed everyone, 821 million people—one in nine—still go to bed on an empty stomach each night. Even more—one in three—suffer from some form of malnutrition. Eradicating hunger and malnutrition is one of the great challenges of our time. Not only do the consequences of inadequate—or wrong—food cause suffering and poor health, they also slow progress in many other areas of development like education and employment. In 2015 the global community adopted the 17 Sustainable Development Goals to improve people's lives by 2030. Goal 2—Zero Hunger—pledges to end hunger, achieve food security, improve nutrition and promote sustainable agriculture.

The world has made great progress in reducing hunger: there are 216 million fewer hungry people than in 1990–92, despite a 1.9 billion increase in the world's population. But there is still a long way to go, and no organization can achieve Zero Hunger if it works alone. If we want to see a world free of hunger by 2030, governments, citizens, civil society organizations, and the private sector must collaborate to invest, innovate, and create lasting solutions [1].

The issue of strengthening of intersectoral collaboration in general and to improve food security and nutrition in particular is in the agenda for Armenia. The discussions during the high-level workshop (held early June 2019) suggest: although the cooperation mechanisms are set in country, still the interministerial/interagency and intersectorial effective cooperation remains a challenge and requires further enhancement and strengthening. And the issue is even more critical now, as the country is in way of taking steps in implementing the Agenda 2030 and aligning its goals to the Sustainable Development Goals, particularly ending poverty in all its forms (Goal 1) and eradicating hunger, achieving food security and elimination of malnutrition of all forms, promoting sustainable agriculture (Goal 2) [2]. I would like to note that I also attended the workshop held early June 2019, which made it possible to better understand the challenges of food security.

In general, there are different definitions about food security. According to the Food and Agriculture Organization (FAO), food security is a situation that exists when all people, at all times, have physical, social, and economic access to sufficient, safe, and nutritious food that meets their dietary needs and food preferences for an active and healthy life [3]. Unlike the definition, social access to sufficient is not defined in the Law of the Republic of Armenia On Ensuring Food Security. According to the law, food security is a state of the economy that ensures food independence of the country and guarantees the physical and economic accessibility of foodstuffs conforming to health standards for the population. Physical access to food is the provision of food supply to meet the population's purchasing demand. Economic access to

food is the level of purchasing power of the population, which provides the population with access to food in accordance with physiological norms [4].

The main objectives of the Armenian government's policy in the area of food security are:

1) ensuring physical and economic access to food;
2) ensuring food security for the population;
3) establishment, maintenance, and replenishment of the state food reserve [5].

Food security is a complete and evolving system. Therefore, changes in the socio-economic environment affect the qualitative and quantitative parameters of the system. One of the basic concepts of food safety is the food basket, or the list of the most consumed foods and consumption norms. Based on the latter, the value of the minimum food basket is calculated, which is the main component of the minimum consumer basket in the conditions of the Republic of Armenia [6].

Consumer demand in the domestic market for the most vital foodstuff included in the minimum food basket is at the expense of local production, a key precondition for food security. It describes the level of food independence (self-sufficiency) of the country. Experts estimate that food independence of the country is secured if the level of self-sufficiency is 75–80% [7]. According to the official statistics of the Armenian National Statistical Service, the cost of the minimum consumer basket is estimated 60,057.5 drams per month in 2018 and the cost of the food basket was 33,930.8 drams. That is, the value of the food basket was 56.5% of the consumer basket.

The most important indicator for food security in the country is the level of food self-sufficiency. There are multiple understandings of food self-sufficiency that can apply at different levels of analysis. According to FAO, "The concept of food self-sufficiency is generally taken to mean the extent to which a country can satisfy its food needs from its own domestic production." This most basic definition can apply at the level of individuals, countries, or regions. In the context of debates on trade and food security, self-sufficiency

typically refers to countries that seek to produce all or most of their own food for domestic consumption [8].

The level of food security in Armenia is still low, but the development trends are obvious, as evidenced by the increase in crop yields from year to year, the development of livestock, increasing yields and productivity. The proof of the latter is the increase of the sown areas of crops from year to year, the development of animal husbandry, the increase of yield and productivity. The role of the state in the development of the agricultural sector is also important here, as high-yielding heifers and bulls were imported into the country through state intervention, as well as elite high-grain cereals and seeds of vegetable crops, which increased the level of food security [9].

In Armenia, the self-sufficiency ratio of potato, vegetables, fruits, grapes, mutton and goat meat, egg and fish is quite high. The self-sufficiency ratio of beef, milk is above average and the self-sufficiency ratio of wheat, vegetable oil, poultry and pork are low. As it is seen from the table in 2018 the lowest self-sufficiency ratio were vegetable oils (2.2%), poultry (26.6%), and wheat (31.5%) (Table 1).

Self-sufficiency ratio of the primary foodstuffs in Armenia, %

Primary foodstuffs	Self-sufficiency ratio, %			
	2015	2016	2017	2018
Wheat	50.9	53.2	33.2	31.5
Potatoes	101.7	101.3	102.6	102.6
Vegetables and melons	100.0	103.3	102.5	104.7
Fruit and berry	102.0	98.1	109.7	108.9
Grapes	101.2	119.3	106.4	104.8
Leguminous crops	58.2	61.6	49.7	38.6
Vegetable oil	7.8	5.6	4.3	2.2
Sugar	89.6	91.4	65.2	68.6
Eggs	99.5	99.4	98.2	99.5
Milk	93.0	88.6	91.2	86.8
Beef	92.3	92.5	91.5	89.2
Pork	57.8	64.1	58.0	53.3
Mutton and goat meat	107.7	133.8	138.9	128.6
Poultry	21.8	28.5	22.5	26.6
Fish	114.2	108.6	101.8	109.0

Таблица 1

Generally speaking, more developed a country is, the smaller the percentage of household income it spends on food. There are only eight countries in the world that spend less than 10% of their household income on food. Four of these are in Europe: the UK is third at 8.2%, followed by Switzerland at 8.7%; Ireland spends 9.6% and Austria 9.9%. The remaining four countries are spread across the globe. The US spends the least at 6.4%, Singapore spends the second lowest amount at 6.7%, Canada spends 9.1% on food, while Australia spends 9.8%. Nigeria spends over half of household income on food, and there are nine other countries that spend over 40% on food. Four of them are in Africa: Nigeria (56.4%), Kenya (46.7%), Cameroon (45.6%), and Algeria (42.5%). Four are in Asia: Kazakhstan (43.0%), Philippines (41.9%), Pakistan (40.9%), and Azerbaijan (40.1%). Guatemala is the only South American country to appear in the list and spends 40.6% of its household income on food. These numbers do not mean that food is more expensive in Nigeria than in the US. In fact, quite the reverse. The average American spends $2,392 per year on food, the average Nigerian spends half that: $1,132. The average Kenyan spends just $543 a year on food. However, there can be wide disparities within a country. Over the past 25 years, the poorest 20% of households in the US spent between 28.8% and 42.6% on food, compared with 6.5% to 9.2% spent by the wealthiest 20% of households [10].

If the world's food security issues are based on population growth, the population growth in Armenia is not noticeable. On the contrary, there are decreasing trends. In 2015 the population of Armenia was 2998.6 thousand people, in 2019 the population was 2959.2 thousand people. However, the problem of food security still exists in Armenia. One of the major causes of malnutrition is poverty that, in order to be eradicated, needs sustainable development mechanisms and a more equitable distribution of wealth, especially in the agricultural sector. It is estimated that 75% of those under poverty level live in rural communities and are primarily small-scale farmers. This explains why a point of growth in Gross Domestic Product generated by the agricultural sector has twice effect in reducing poverty

and hunger, compared with economic growth generated by other sectors. The complexity in relations and management of the various positions of individual countries and the lack of agreement on choices and decisions to be taken, often force supranational institutions to suspend or postpone the search and implementation of solutions and initiatives. Situations of this type create significant slowing in economic and social development with disastrous consequences for the population, especially the poorest one [11].

In 2018 the poverty level comprised 23.5% in Armenia, which was below than the same indicator of the previous year by 2.2%. In 2018 the poverty level was higher within urban population than rural population, which decreased by 0.1% compared to 2017 and comprised 24.9%. Meanwhile the decrease of poverty level was registered in the rural settlements by 5.5% and comprised 21.3% (Table 2) [12].

Poverty incidence by types of settlement

	2016	2017	2018
Poverty incidence	29.4	25.7	23.5
Poverty incidence in urban settlement	28.8	25.0	24.9
Poverty incidence in rural settlement	30.4	26.8	21.3

Таблица 2

People with higher education are less likely to be poor. Poverty rate is the lowest among those with higher education—around 1.5 times lower than the national average for the population over 16 years of age, and 2.1 and 1.9 times lower than for those with elementary and primary or incomplete secondary education. Persons with general secondary education comprise the largest group within the poor population (51%). Among the people over 16 years of age, this group faces difficulties in finding jobs (Table 3) [13].

Poverty Rate by educational level, 2008 and 2018 (for population over 16 years of age)

Educational level	2008	2018
Elementary and primary	36.1	31.6
Incomplete secondary	40.1	28.5
General secondary	30.2	24.8
Vocational secondary	21.9	20.2

Higher	14.7	14.8
Total	26.6	22.0

Таблица 3

As a long-term measure to ensure food security, I consider the development of a state program to provide a profession for children from poor families. The program will enable the children of poor families to get the appropriate profession and avoid poverty in the future. The latter will be able to provide a more prosperous life for themselves and future generations. Studies and analyzes are the basis for suggesting that in order to increase the level of food security, it is necessary to overcome the poverty in the country, in which I have made recommendations in one of my previous articles [14].

In 2019 monthly average nominal wage in Armenia was 182,673 AMD, and in 2015 that figure was 171,615 AMD. In other words, 6% growth was registered [15]. Statistics show that the growth rate of nominal wages was higher than the growth rate of food products. However, in terms of real wage growth rates, there is a slower pace. It should be noted that today there is a large variety of food products in the Armenian market, but economically they are not available to all segments of the population. In order to increase the economic accessibility of food security, I propose to carry out state control over the prices of foodstuffs. At present, the minimum wage in Armenia is 55,000 drams. Taking into account the minimum consumer and food basket prices, I propose to increase the minimum wage in Armenia to increase the level of food security.

References

1. Zero Hunger // World Food Programme. URL: https://www.wfp.org/zero-hunger.

2. A stronger intersectoral collaboration for improved food security and nutrition in Armenia // Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: http://www.fao.org/fsnforum/activities/discussions/armenia.

3. The State of Food Security and Nutrition in the World: Building Climate Resilience for Food Security and Nutrition. Food and Agriculture Organization of the United Nations: Rome, 2018, 181 p. P. 159.

4. On Ensuring Food Security: Law of the Republic of Armenia (dated 07.05.2002). Article 4 // Arlis. URL: https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=1113.

5. On Ensuring Food Security: Law of the Republic of Armenia (dated 07.05.2002). Article 7 // Arlis. URL: https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=1113.

6. Avetisyan, S. Main Problems of the Food Security of the Republic of Armenia / S. Avetisyan. Yerevan: Economist, 2014. 96 p. P. 32.

7. Concept Paper About Food Security of RA. 36 p. P. 10.

8. The State of Agricultural Commadity Markets in Depth // Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: http://www.fao.org/3/a-i5222e.pdf.

9. Markosyan, A., Xachatryan, L. Problems of Food Security and the Ways to Solve Them in RA / A. Markosyan, L. Xachatryan // 21st Century. 2013. No. 6 (52). Pp. 126–146. Pp. 132–133.

10. Which Countries Spend the Most on Food? This Map Will Show You // World Economic Forum. URL: https://www.weforum.org/agenda/2016/12/this-map-shows-how-much-each-country-spends-on-food/.

11. The Challenges of Food Security // Barilla Center for Food & Nutrition. 60 p. Pp. 4–5. URL: https://www.barillacfn.com/m/publications/pp-challenges-food-security.pdf.

12. Accessibility of Food // Food Security and Poverty, January–December 2019 // Statistical Committee of the Republic of Armenia. Pp. 86–108. P. 96. URL: https://armstat.am/file/article/f_sec_4_2019_5.pdf.

13. Armenia—Poverty Snapshot over 2008–2018: Part I // Statistical Committee of the Republic of Armenia. 99 p. P. 49. URL: https://armstat.am/file/article/poverty_-2019_english_2.pdf.

14. Voskanyan, G. V. Comparative analysis of the poverty level in Armenia and in some countries of the world / G. V. Voskanyan // Proceedings of the XXIII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students "Young Researcher in Agriscience: Achievements and Future". Almaty: Kazakh National Agrarian University, 2019. Vol. 5. Pp. 51–54. URL: https://www.kaznau.kz/page/conference/?lang=ru.

15. Social-Economic Indicators // Food Security and Poverty, January–December 2019 // Statistical Committee of the Republic of Armenia. Pp. 9–24. P. 17. URL: https://armstat.am/file/article/f_sec_4_2019_1.pdf.

УДК/UDC 339.72:336.74(043.5)

Глобальные императивы трансформации мировой валютной системы

Горда Александр Сергеевич
кандидат экономических наук, доцент
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
г. Симферополь, Россия
e-mail: alx7777@mail.ru
SPIN-код: 1483-4490

Аннотация

Проанализированы современные тенденции функционирования глобальной валютной системы и детерминанты ее формирования. Охарактеризованы императивы трансформации мировой валютной системы, основными из которых являются: транснационализация, регионализация и кластеризация бизнеса, диверсификация операционной деятельности на рынках товаров, услуг и инвестиций, выпуск и беспрецедентная динамизация обращения криптовалют, усиление асимметричности финансовых рынков и монетарных политик, критический рост взаимных долговых обязательств. Охарактеризованы проблемы и перспективы трансформации мировой валютной системы с учетом современного доминирования доллара США, определены тенденции и перспективы формирования глобальной валютной системы на базе существующих и планируемых региональных валютных систем. Дана характеристика особенностей институционального взаимодействия мировой валютной системы с национальными системами. Обозначены стратегические цели и концептуальные основы развития глобальной валютной системы.

Ключевые слова: мировая валютная система, плавающий валютный курс, долларизация, криптовалюта.

Global Imperatives of Transformation of the Global Monetary System

Gorda Aleksandr Sergeyevich
Candidate of Economics, assistant professor
Crimean Federal University
Simferopol, Russia
e-mail: alx7777@mail.ru
SPIN Code: 1483-4490

Abstract

The paper covers the current trends in the functioning of the global monetary system and the determinants of its formation. The author characterizes the imperatives of the transformation of the global monetary system, the main of which are: transnationalization; regionalization and clustering of business; diversification of operating activities in the markets for goods, services, and investments; issuance and unprecedented dynamization of cryptocurrency circulation; strengthening the asymmetry of financial markets and monetary policies; a critical increase in mutual debt obligations. The problems and prospects of the transformation of the world monetary system are described taking into account the current dominance of the US dollar, the trends and prospects for the formation of a global currency system based on existing and planned regional currency systems are identified. The characteristics of the institutional interaction of the world monetary system with national systems are described. The strategic goals and conceptual foundations of the development of the global monetary system are outlined.

Key words: world monetary system, floating exchange rate, dollarization, cryptocurrency.

Особенности возникновения и развития последнего мирового финансового кризиса актуализировали вопрос трансформации мировой валютной системы, однако ее реформирования не наблюдается, что требует дополнительного исследования необходимых для трансформации действующей Ямайской валютной системы условий. Существующая валютная система во многом основывается на предыдущей. Основные международные финансовые институты, основанные еще при подписании Бреттон-Вудского соглашения, продолжают действовать, и важнейшим

из них остается МВФ. Сейчас организация занимается предоставлением краткосрочных и долгосрочных кредитов странам членам для преодоления дефицитов платежного баланса. Также она является эмитентом СДР - платежного средства, цена которого определяется корзиной ведущих валют.

СДР были созданы еще при Бреттон-Вудской системе, впоследствии, по Ямайской валютной системе, они призваны были стать новой мировой валютой, в пределах которой бы частично сохранился долларовый стандарт, через долю доллара в корзине валют [1, с. 22], однако этого не произошло, и идея международной единицы расчета на базе корзины валют осталась нереализованной. Это связано со сложностью эмиссионного механизма данной расчетной единицы, проблемами ее распределения и отсутствии рыночного механизма курсообразования СПЗ. Заранее ограниченная сфера использования данного платежного средства способствовала падению его доли в международных расчетах, а также золотовалютных резервах стран мира.

Переход к плавающему валютному курсу позволил странам наращивать собственную денежную массу соответственно уровню роста экономики, избегая дефляционных этапов. Национальные валюты перестали зависеть от стоимости золота, темпы добычи которого не могут быть привязанными к темпам развития мировой экономики. Также экономики стран мира получили возможность выбирать свой курсовой ориентир из-за отказа от конвертации доллара в золото и возможность привязывать свои валюты к другим стабильным денежным единицам или вести собственную независимую монетарную политику. Возможность национальных валют свободно плавать позволяет экономикам в кризисные периоды времени получить еще один рычаг влияния на состояние платежного баланса, которым выступает девальвация национальной денежной единицы. Этот инструмент был фактически запрещенным в период действия Бреттон-Вудской валютной системы.

В настоящее время малоисследованными остаются факторы, которые в дальнейшем могут привести к трансформации мировой валютной

системы. Стоит также учитывать, что трансформационные процессы в данной сфере очень инертны относительно внешней среды, в основном из-за столкновения имеющихся стратегических национальных экономических интересов.

Большое количество призывов к изменению существующей конфигурации мировой валютной системы [2; 3] связано с отсутствием уверенности в лидерстве США в денежной сфере в периоды следования политике монетарной экспансии, что выливается в ослабление курса доллара США. При этом выдвигаются аргументы о том, что: США в структуре мирового ВВП уже не играют той роли абсолютного гегемона, как после Второй мировой войны, когда было заложено официальное господство доллара как мировой валюты; растёт значение интересов объединенного европейского сообщества и КНР; усиливается критика действий МВФ, влияние на который со стороны США трудно переоценить.

Действующая мировая валютная система часто рассматривается как биполярная из-за весомой роли евро, однако его доля в мировых валютных резервах составляет всего 19,15% против 65,30% у доллара [4]. Евро имеет значительные перспективы роста роли на международной арене, но о его стандарте в мировом измерении говорить пока рано, так как ЕС все еще больше сосредоточен на преодолении собственных долговых проблем и обеспечивает в большей степени внутреннюю монетарную политику зоны евро и, опосредованно, стран, в которых валюта является прикрепленной к евро.

Последний финансовый кризис обусловил девальвацию доллара США, дополнительная его эмиссия для усиления инфляционных процессов была выгодна США, в то же время, из-за огромного спроса на эту расчетную единицу такая эмиссия была поглощена мировой экономикой. Европейский Союз тоже был вынужден в свою очередь запустить программы количественного смягчения [4], а Китай девальвировал свою валюту - юань. Такая ситуация показывает, что экономические действия пострадавших от кризиса стран для собственного восстановления являются разрозненными и влияют на третьи стороны, что создает дополни-

тельные противоречия между блоками стран. В то же время ЕЦБ рассматривает современное состояние мировой валютной системы как возможное постепенное движение в сторону трехполярной валютной системы, хотя на данный момент есть существенные сомнения в этом, особенно в вопросах необходимости углубления координации по поводу обменных курсов в Азии, валютного режима юаня и др. [6, с. 37].

В целом, следует отметить, что императивами процесса трансформации мировой валютной системы в глобальную валютную систему является как монетарные факторы, так и качественные изменения в международной экономической системе. В данном контексте важным императивом трансформации Ямайской валютной системы является транснационализация, регионализация и кластеризация бизнеса. ТНК серьезно влияют на имплементацию национальных монетарных политик через свои источники финансирования и финансовые ресурсы, находящиеся за рубежом и номинированные в различных валютах. Соответственно данные субъекты экономики имеют относительно меньше барьеров для выхода на мировой финансовый рынок.

При рестрикционной монетарной политике, обычно характеризующейся относительно высокими процентными ставками, ТНК имеют возможность брать займы на мировых рынках капитала на более выгодных условиях по сравнению с условиями внутри такой страны. При этом ТНК, конечно же, вынуждены будут привлекать капитал своих зарубежных филиалов, но через внутрикорпоративные займы эта проблема нивелируется, к тому же добавляется возможность кредитования самой ТНК на выгодных условиях национальных предприятий, связанных в своей деятельности с ней, что может резко снижать эффективность инструментария такой монетарной политики и приводить к невыполнению поставленных властными структурами целей, а также приводить к ошибкам в планировании [7, с. 265].

Такие действия ТНК обуславливают рост предложения денег на рынке, что способствует инфляции, против развития которой и реализуется рестрикционная монетарная политика. При этом стоимость за-

имствований на национальном рынке все равно остается относительно высокой, что снижает уровень занятости и деловой активности в экономике.

Учитывая такие неравные условия, в которых действуют ТНК и большинство национальных предприятий, можно сделать вывод о неконкурентной ситуации на рынке, в которой ТНК имеют заведомо более выгодные условия в случае ведения государством рестрикционной монетарной политики.

Развитие регионализации также серьезно влияет на дальнейшую трансформацию мировой валютной системы. Создание и развитие интеграционных группировок интенсифицирует торговлю между странами и углубляет их участие в международном разделении труда. Такая тенденция увеличивает роль валютных рисков в международной торговле и заставляет страны прибегать к различным действиям для их предотвращения. Одним из ярких примеров механизма предотвращения валютных рисков является функционирование ERM II в ЕС.

Регионализация ведет к уменьшению количества валют и их укрупнению при сценарии внедрения совместных денежных единиц или привязки валютных курсов национальных валют стран-членов группировки к корзине валют по типу механизма ERM II. Сейчас существует тенденция к росту числа стран с тем или иным уровнем привязки курса собственной денежной единицы. Данная ситуация будет способствовать снижению энтропии мирового валютного рынка через стабилизацию ситуации внутри таких валютных зон, однако это будет способствовать росту волатильности обменных курсов между денежными единицами разных группировок, поскольку монетарная политика группировок в большей степени направлена на реализацию внутренних целей, а не на таргетирование обменного курса. Это, в свою очередь, снизит уровень вовлеченности стран в международное разделение труда. Во избежание такой ситуации целесообразно рассмотреть возможность внедрения системы транспарентного курсообразования с предполагаемой монетарной политикой эмиссионного центра мировой резервной валюты.

Диверсификация операционной деятельности на рынках товаров, услуг и инвестиций является глобальной тенденцией развития, способствующей развитию международного разделения труда и снижению рисков. Наряду с диверсификацией происходит также рост торговых потоков. Интенсификация торговли также привлекает в этот процесс большее количество финансовых ресурсов или ускоряет их оборот.

Зависимость уровня развития мирового хозяйства от объемов международной торговли ставит вопрос о необходимости обеспечения её стабильности. Такая необходимость обусловлена растущей зависимостью агентов торговли от валютных рисков, которые способствуют росту рынка производных ценных бумаг, что и вызывает опережающий рост объемов оборота денежных средств на мировом валютном рынке и разрастание финансового рынка в целом. А учитывая усиление глобализации благодаря росту доли международной торговли в мировом ВВП есть смысл говорить о необходимости трансформации мировой валютной системы в глобальную.

Инвестиционные потоки до сих пор не вышли на уровень существовавший до глобального финансового кризиса 2008-2009 годов. И на данный момент тренд не показывает восходящее движение [8]. Такая ситуация, когда каждый новый пик остается на уровне ниже предыдущего в течении такого длительного времени говорит об угрозе перелома тренда в нисходящий, что свидетельствует о рискованности современной экономической и политической среды международных экономических отношений по сравнению с докризисным 2007 годом. Долговые проблемы в Европе, продолжительная валютная война, снижение темпов развития КНР увеличивают риски и сдерживают темпы роста объемов прямых иностранных инвестиций. При этом основное падение прямых иностранных инвестиций приходилось на страны с высоким доходом, которые в свою очередь являются эмитентами резервных валют. Такая ситуация позволяет говорить о росте рискованности таких активов.

Тенденция с прямыми иностранными инвестициями также говорит о нежелании ТНК расширяться из-за неопределенности мировой среды

и наличии кризисных явлений внутри самих ТНК. Такие длительные периоды стагнации в сфере инвестирования после кризисных явлений создают дополнительные предпосылки к изменениям в денежно-кредитной системе мира. Ситуация требует стабилизации экономической среды в целом и валютной системы в частности. Особенно важна именно валютная система, поскольку рост рынка капиталов после распада Бреттон-Вудской валютной системы в значительной степени вылился в рост влияния международных монетарных институтов.

Еще одним императивом формирования глобальной валютной системы является выпуск и беспрецедентная динамизация обращения криптовалют. Криптовалюты не являются централизованными сетями, их цена формируется, в первую очередь, из энергозатрат на их получение, а также через соотношение спроса и предложения на них. Высокий спрос на криптовалюты является свидетельством роста свободной ликвидности у населения и возможности пользоваться функциями денег, которые недоступны в пределах традиционных валютных систем. Так, именно в рамках криптовалют, субъекты экономики могут осуществлять анонимные платежи при полной транспарентности системы, существует ограниченность возможностей для регулирования обращения, доступным является «майнинг», то есть процесс генерации единиц криптовалют через использование ресурсов ЭВМ, важны также защищенность системы и ограниченность эмиссии некоторых из криптовалют.

Среди императивов формирования глобальной валютной системы также следует выделить усиление асимметричности финансовых рынков и монетарных политик. На сегодняшний день финансовый сектор является непропорционально развитым по сравнению с развитием реальных секторов экономики. Такое положение дел обусловлено объективными причинами, включающими большое количество посредников, значительную скорость обращения, перераспределение финансовых рисков и др.

Максимальная скорость обращения наблюдается на рынке Форекс, который является рынком межбанковских обменных операций. Рост объемов дневного оборота денежных средств на рынке Форекс, что в це-

лом является показателем, который зависит от объемов торговли, однако также включает в себя спекулятивную составляющую на основе инструментов хеджирования финансовых ресурсов от валютных рисков. Такая специфика использования данного рынка позволяет говорить об отвлечении огромных финансовых ресурсов с целью противостояния валютным рискам, что препятствует вложению свободных средств в новые проекты, тормозит развитие мирового хозяйства и способствует развитию кризисных явлений в мировой экономике. Кроме того, значительные объемы рынка Форекс говорят об опережающем росте значения международного движения капиталов по сравнению с мировой торговлей после развала Бреттон-Вудской валютной системы, а также о большом объеме спекулятивных операций на мировом финансовом рынке.

Ситуация с оборотом на рынке Форекс также связана с эмиссией доллара США. США имеют неограниченное право на его эмиссию, поскольку это их национальная валюта. При этом сама эмиссия ими не до конца подконтрольна из-за существования рынка евродолларов, где их денежная масса растет, поэтому даже определить объемы долларовой денежной массы за пределами США довольно сложно. К тому же важно, что именно монетарная политика наряду с фискальной являются основными механизмами вмешательства правительства США в экономику. При этом монетарная политика США обычно влияет на монетарные политики других государств и на их денежную массу из-за необходимости соблюдения определенного валютного курса к доллару США, который формально или неформально поддерживается ЦБ многих стран, поскольку так или иначе они в определенной степени зависимы или от самих США, или от государств, которые с ними активно торгуют, и, соответственно, зависимы от курса своей национальной валюты к доллару, что только поддерживает дальнейший рост денежной массы в мире.

Относительно монетарной политики стран, следует отметить, что она зачастую осуществляется без учета интересов стран-партнеров. На сегодняшний день весомым монетарным инструментом при тенденции к дефляции выступает дополнительная эмиссия национальной валюты,

что, конечно же, вызывает ее девальвацию, однако данная ситуация негативным образом влияет на экспортную деятельность стран-партнёров, вызывает конкурентные девальвации с их стороны и, как следствие начинается валютная война, которая в долгосрочной перспективе не несёт выгоды ни одному из участников. Особенно данная ситуация становится рискованной при условии вовлечения в такую войну мировых экономических лидеров.

Критический рост взаимных долговых обязательств является еще одним влиятельным императивом формирования глобальной валютной системы. Международный кредит имеет важное значение для развития международной экономики. Вместе с тем, есть такое явление как чрезмерное привлечение иностранных кредитов, приводящее к появлению проблемы внешней задолженности. Особенно остро она стоит перед многими развивающимися странами. Однако крупнейшими держателями внешнего долга являются именно развитые государства [9].

Основными факторами проблем с задолженностью развивающихся стран является недостаток собственных финансовых ресурсов при зависимости от иностранных инвестиций, отрицательное сальдо платежного баланса, нехватка внутренних сбережений. Для развитых государств проблема традиционно считается менее острой, однако и среди них есть государства, которые признаются довольно проблемными. Основными должниками являются страны ЕС, США и Япония [9]. В то же время они и сами являются донорами кредитных ресурсов на мировом рынке, что уменьшает проблему выплат задолженности. К тому же среди них есть государства с устойчивым положительным сальдо платежного баланса, что снижает вероятность роста долговой нагрузки в связи с валютными рисками. Также указанным странам присущи высокие уровни внутренних сбережений.

Развитие каждой из указанных императивов тесно связано с углублением взаимосвязей между экономиками стран мира. Такая ситуация актуализирует проблему создания новой, глобальной валютной системы. Данный термин является адекватным отражением усиления процес-

сов глобализации в финансовой и торговой сферах международных экономических отношений. Важными для нашего исследования являются концептуальные положения, сформулированные экспертами ЮНКТАД: «многосторонние или даже глобальные механизмы регулирования валютных курсов, безусловно, необходимы для достижения и поддержания глобальной валютно-финансовой стабильности и ее эффективного сочетания с открытой торговой системой. Идея построенной на сотрудничестве глобальной валютно-финансовой системы может заключаться в обеспечении на многосторонней основе одинаковых «правил игры» для всех торговых партнеров. В тщательно выстроенной глобальной валютной системе преимущества снижения валютного курса в одной стране балансировались бы с учетом неблагоприятных последствий для других стран» [10, с. 2]. Их реализация способствовала бы стабилизации мировой валютной системы, а также росту ее устойчивости к воздействию кризисных явлений.

Однако несмотря на довольно динамичное развитие развивающихся стран, а также определенное укрепление позиций конкурирующих с долларом валют, США стремятся оставить за собой роль экономического гегемона. Данная страна обеспечивает зависимость своих партнеров вследствие значительных объемов взаимных торговых и инвестиционных потоков, в которых у США наблюдается отрицательное сальдо, соответственно данная страна насыщает мировое хозяйство дополнительными объемами ликвидных активов и способствует его экономическому развитию, одновременно экономики-реципиенты долларовой массы де-факто кредитуют импорт США.

Капитальные потоки из США, с одной стороны, деиндустриализируют это государство, однако, с другой стороны - способствуют развитию промышленного производства в мире. В то же время доминанты глобального лидерства постепенно перешли к финансовой и инновационной сфере, где США традиционно передовая страна, что в значительной степени определяется и статусом страны-эмитента мировой резервной ва-

люты через поддержку соответствующей инфраструктуры финансового рынка, устойчивый спрос на доллар и стабильную монетарную политику.

Учета требует также факт весомого политического влияния США. Данная страна удачно использует и сочетает дипломатические, экономические и социальные рычаги влияния, добиваясь защиты и удовлетворения собственных национальных интересов, результатом чего является фактическое действие долларового стандарта в мире, несмотря на возможность стран свободно выбирать режим валютного курса своих официальных денежных единиц.

Доллар в качестве мировой резервной валюты предоставляет США следующие экономические преимущества: минимизация курсовых рисков; увеличение ликвидности; увеличенное значение сеньоража от обеспечения дополнительного спроса на национальную валюту; корреляция динамики ВВП со спросом на национальную валюту; возможность покрытия дефицита платежного баланса через эмиссию национальной валюты.

Ямайская валютная система пережила нефтяные шоки 1970-х годов и ряд финансовых кризисов. За период её действия четко видимыми стали её слабые стороны: отсутствие единой международной расчётной единицы; отсутствие якоря для валютной стабилизации; значительная амплитуда и скорость колебаний основных пар обменных курсов; значительная амплитуда колебаний цен на основные сырьевые ресурсы; в структуре международных резервов доминируют рискованные долларовые активы; отсутствие ограничений и необходимости в крупных объемах международных резервов.

Большинство из перечисленных недостатков обусловлены проблемой мировой гегемонии доллара, который также является национальной валютой, а следовательно - инструментом, который используется в интересах экономики США, а не мирового сообщества. Этот тезис был подтвержден фразой министра финансов США Джона Коннали, который сказал: «Доллар является нашей валютой, но вашей проблемой» [11]. Дополнительным негативным фактором выступает значительный объ-

ем государственного долга США, который уже давно пересек отметку в 100% ВВП и заметный рост дефицита платежного баланса в кризисный период. Таким образом, снижаются конкурентные преимущества современной основной резервной валюты. СДР же не выполняет своих функций, как официально утвержденной мировой валюты. Соответственно, реально влиятельной международной расчетной единицы на сегодняшний день нет.

Также значительное количество стран сталкиваются с проблемой необходимости девальвации собственной валюты вслед за валютой, в которой осуществляется большинство их транзакций. Такая ситуация порождает развитие валютных войн, когда государства или их блоки вынужденно девальвируют свои национальные валюты для поддержки собственной экономики, однако вследствие этого их партнеры, против которых была осуществлена девальвация по аналогичным причинам вынуждены идти схожим путем, в результате чего такие валютные войны могут стать перманентными. Экономическое отставание заставляет страны с сырьевой экономикой, девальвируя собственную валюту, снижать мировые цены на сырьевые ресурсы, что влечет за собой целую волну девальваций валют стран, которые также специализируются на торговле сырьевыми ресурсами.

Переход на плавающий валютный курс значительно усилил курсовые риски для юридических лиц, которые сегодня вынуждены разрабатывать отдельные стратегии для их минимизации и тратить на это дополнительные средства. Ранее такие риски были минимальными, ведь значительные валютные колебания были скорее исключением из правил. Но на самом деле, на сегодняшний день, в развивающихся странах часто не наблюдается настоящее плавание валютного курса, так как они в максимальной степени пытаются сгладить колебания своих валютных курсов или искусственно удерживать их, что и заставляет их иметь на балансе значительные объемы резервов, а также чаще корректировать процентные ставки с большей амплитудой, чем это было бы при классическом плавании. Усиливает данную тенденцию тот факт, что развива-

ющиеся страны зачастую является нетто-дебиторами в иностранной валюте, поэтому резкие колебания курса их национальных валют, особенно их девальвация влечет за собой проблемы с выплатами по долговым обязательствам.

В современной валютной системе возросла необходимость содержать значительные объемы валютных резервов: в 1970 г. они составляли около $40 млрд [12, с. 44], по состоянию на третий квартал 2017 г. их размеры составляли уже $11,296 трлн. [4], соответственно относительный рост составляет 28240%. Наличие таких значительных резервов приводит к недополучению выгоды от альтернативно возможных направлений вложения свободных финансовых активов, увеличению инфляционного давления на экономику, чрезмерному росту инвестиционных потоков, что ведет к переоценке активов.

На данный момент страны, имеющие значительный объем международных резервов также могут влиять и на политические решения стран-эмитентов соответствующих валют из-за угрозы сиюминутного вывода на международный валютный рынок большого количества валюты, что искусственно увеличило бы ее предложение. Крупнейшими международными резервами оперируют КНР, Япония, Швейцария, Саудовская Аравия и Тайвань (табл. 1) [13-17].

ТОП-5 стран, имеющих наибольшие объёмы международных резервов по состоянию на январь 2017 г.

Страна	Объем международных резервов (млн $)	Доля в мировых резервах
КНР	3 010 517	28,10%
Япония	1 216 903	11,36%
Швейцария	680 002	6,35%
Саудовская Аравия	553 700	5,17%
Тайвань	434 200	4,05%

Таблица 1

Первые две страны, указанные в табл. 1 являются одними из ведущих стран мира по объемам ВВП, Швейцария - один из мировых фи-

нансовых центров, Саудовская Аравия - региональный лидер со значительным профицитом платежного баланса, Тайвань является страной с инновационной экономикой и одним из «Азиатских тигров». Отсутствие здесь среди лидеров многих ведущих европейских стран можно объяснить долговым кризисом в еврозоне.

Также примечателен тот факт, что объёмы валютных резервов в развитых стран меньше, поскольку у них совокупный спрос в большей степени зависим от рынка капиталов, в отличие он развивающихся стран, где совокупный спрос больше зависит от источников генерации внешних активов центральных банков, поэтому экономика развивающихся стран более чувствительна к осложнениям с состоянием платежного баланса. Данная тенденция в меньшей степени прослеживается в Японии, однако ее большие резервы объясняются периодическими интервенциями центрального банка с целью снижения валютного курса иены для поддержки национального экспорта.

Величина международных резервов Китая и его место в мировой экономике позволяют предсказывать ему значительный рост влияния в системе мировых финансов. Уже сейчас властями этой страны делаются существенные шаги для роста роли юаня на мировой арене. В конце 2015 года исполнительным советом МВФ было принято решение о включении юаня в корзину валют СДР. Однако простая замена одной резервной валюты, которая также является национальной, на другую в современных условиях не решит существующих недостатков мировой валютной системы и не сделает ее действительно глобальной.

Имеющаяся экономическая ситуация в мире свидетельствует о нарастании противоречий внутри мировой валютной системы, однако ее трансформация может быть длительным процессом, что объясняется инертностью трансформационных процессов в данной сфере и, как следствие, требует более выразительного влияния этих противоречий. Возможность произвольного выбора режима валютного курса усиливает слабые стороны развивающихся стран в монетарной сфере и является одной из проблем, которая, с другой стороны, способствует гибкости систе-

мы. Поэтому необходимым условием успешного и эффективного функционирования трансформированной валютной системы должна стать координация действий и сотрудничество уполномоченных учреждений через международные финансовые организации для построения общей монетарной политики и преодоления возникающих диспропорций.

Возникновение новых экономических сил способно ускорить развитие многополярности в мировой валютной системе и усилить давление на США по созданию новой валютной системы, которая в большей степени отражала бы общие экономические интересы всех стран. Развитие интеграционных процессов и усиление международного сотрудничества, особенно в финансовой сфере с параллельным ослаблением доллара и ростом роли валют региональных объединений достаточно мощных экономик могут поставить вопросы о дальнейшем реформирования наднациональных финансовых институтов, таких как МВФ, в целях осуществления совместной монетарной политики для стабильного функционирования новой расчетной единицы, которая получит большую независимость от влияния кризисных процессов в отдельных экономиках. При этом новые роли приобретут и национальные монетарные институты, обеспечение реформы которых станет задачей каждого отдельного государства.

Список литературы

1. Барсегян А. Г. Перспективы реформирования мировой валютной системы / А. Г. Барсегян. // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Экономика и управление». – 2011. – №24. – С. 20–27.

2. Tirone J. ECB's Nowotny Sees Global 'Tri-Polar' Currency System Evolving / Jonathan Tirone // Bloomberg. – 2008. – URL: http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=apjqJKKQvfDc&refer=home

3. Brown G. Out of the Ashes / Gordon Brown // The Washington Post. – 2008. – URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/10/16/AR2008101603179.html

4. IMF Data, Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) // IMF Data – URL: http://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4

5. ECB announces expanded asset purchase programme // ECB. – 2015. – URL: https://www.ecb.europa.eu/press/pr/date/2015/html/pr150122_1.en.html

6. The international role of the euro // European Central Bank. – 2012. – URL: http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/euro-international-role201207en.pdf?b5b89ecf8cd

7. Kozul-Wright R. Transnational corporations and the global economy / R. Kozul-Wright, R. Rowthorn. – New York: St. Martins's Press, 1998. 436 p.

8. Статистическая информация службы Всемирного Банка - URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/?tab=topics

9. Статистическая информация ЦРУ - URL: https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/

10. Неужели мы никогда не научимся? // Аналитические записки ЮНКТАД, № 5. – 2008. – URL: http://unctad.org/ru/docs/presspb20085_ru.pdf

11. Popescu D. Exorbitant privilege: "The dollar is our currency but your problem" / Dan Popescu // GoldBroker. – 2015. – URL: https://www.goldbroker.com/news/exorbitant-privilege-dollar-our-currency-your-problem-837

12. Mundell R. International Monetary Reform 2011 / Robert Mundell // G-20 Seminar, Nanjing PRC. – 2011. – URL: http://robertmundell.net/ebooks/free-downloads/

13. State Administration of Foreign Exchange // Data and Statistics – URL: http://www.safe.gov.cn/wps/portal/english/Data/Forex.

14. Japan, International Reserves and Foreign Currency Liquidity // IMF. – 2016. – URL: http://www.imf.org/external/np/sta/ir/IRProcessWeb/data/jpn/eng/curjpn.htm#I.

15. Reserve assets // Saudi Arabian Monetary Agency – URL: http://www.sama.gov.sa/en-US/EconomicReports/MonthlyStatistics/5600_S_Monthly_Bulletin_AREN.pdf.

16. Switzerland, International Reserves and Foreign Currency Liquidity // IMF. – 2016. – URL: http://www.imf.org/external/np/sta/ir/IRProcessWeb/data/che/eng/curche.htm#I.

17. Foreign Exchange Reserves (including gold) // Central Bank of the Republic of China (Taiwan) – URL: http://www.cbc.gov.tw/public/data/EBOOKXLS/fs/p3.pdf

References

1. Barseghyan, A. G. Prospects for Reforming the World Monetary System // Scientific Notes of Vernadskiy Taurida National University. Economics and Management. 2011. No. 24. Pp. 20–27.

2. Tirone, J. ECB's Nowotny Sees Global 'Tri-Polar' Currency System Evolving / Jonathan Tirone // Bloomberg, 2008. URL: http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20601087&sid=apjqJKKQvfDc&refer=home.

3. Brown, G. Out of the Ashes / Gordon Brown // The Washington Post, 2008. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/10/16/AR2008101603179.html.

4. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) // IMF Data. URL: http://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4.

5. ECB Announces Expanded Asset Purchase Programme // ECB. 2015. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/pr/date/2015/html/pr150122_1.en.html.

6. The International Role of the Euro // European Central Bank. 2012. URL: http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/euro-international-role201207en.pdf?b5b89ecf8cd.

7. Kozul-Wright, R. Transnational Corporations and the Global Economy / R. Kozul-Wright, R. Rowthorn. New York: St. Martins's Press, 1998. 436 p.

8. World Bank Service Statistics. URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/?tab=topics.

9. CIA Statistical Information. URL: https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/.

10. Will we never learn? // UNCTAD Policy Briefs. No. 5. 2008. URL: http://unctad.org/ru/docs/presspb20085_ru.pdf.

11. Popescu, D. Exorbitant Privilege: "The Dollar is Our Currency but Your Problem" / Dan Popescu. GoldBroker. 2015. URL: https://www.goldbroker.com/news/exorbitant-privilege-dollar-our-currency-your-problem-837.

12. Mundell, R. International Monetary Reform 2011 / Robert Mundell // G-20 Seminar, Nanjing PRC. 2011. URL: http://robertmundell.net/ebooks/free-downloads/.

13. State Administration of Foreign Exchange. Data and Statistics. URL: http://www.safe.gov.cn/wps/portal/english/Data/Forex.

14. Japan, International Reserves and Foreign Currency Liquidity // IMF. URL: http://www.imf.org/external/np/sta/ir/IRProcessWeb/data/jpn/eng/curjpn.htm#I.

15. Reserve Assets // Saudi Arabian Monetary Agency. URL: http://www.sama.gov.sa/en-US/EconomicReports/MonthlyStatistics/5600_S_Monthly_Bulletin_AREN.pdf.

16. Switzerland, International Reserves and Foreign Currency Liquidity // IMF. 2016. URL: http://www.imf.org/external/np/sta/ir/IRProcessWeb/data/che/eng/curche.htm#I.

17. Foreign Exchange Reserves (Including Gold) // Central Bank of the Republic of China (Taiwan). URL: http://www.cbc.gov.tw/public/data/EBOOKXLS/fs/p3.pdf.

УДК/UDC 339

Особенности формирования международного рынка труда в условиях цифровизации

Горда Ольга Сергеевна
кандидат экономических наук, доцент
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Россия
e-mail: alx2777@mail.ru
SPIN-код: 4717-8244

Аннотация

Определена современная специфика трудовой деятельности, показана объективность возникновения новых форм организации труда в условиях цифровизации экономики, проанализированы тенденции цифровизации мирового рынка труда. Обосновано, что сформированными в наше время можно считать предпосылки для адаптации к новым формам труда с использованием цифровых технологий, имеющиеся в странах с высоким уровнем доходов. Только в США и странах ЕС введен учет новых форм занятости, соответствующий методике Совета экспертов МОТ по нестандартным формам занятости. Установлено, что высокий уровень развития цифровизированного рынка труда в этих странах обуславливает тот факт, что на глобальном рынке услуг по аутсорсингу, краудсорсингу и фрилансу население выступает как работодателями, так и работниками. Самозанятость в форме фриланса является самым быстрорастущим сегментом цифровизированного рынка труда в США и странах ЕС.

Ключевые слова: цифровизация, цифровизированный рынок труда, фриланс, аутсорсинг, краудсорсинг, коворкинг.

Features of the Formation of the International Labor Market in the Context of Digitalization

Gorda Olga Sergeyevna
Candidate of Economics, assistant professor
Crimean Federal University
Simferopol, Russia
e-mail: alx2777@mail.ru
SPIN Code: 4717-8244

Abstract

The article determines the modern specifics of labor activity, shows the objectivity of the emergence of new forms of labor organization in the digitalization of the economy, and analyzes the digitalization trends of the world labor market. The author states that the prerequisites for adapting to new forms of labor using digital technologies that are available in high-income countries can be considered formed in our time. Only in the USA and EU countries has the registration of new forms of employment been introduced, which corresponds to the methodology of the ILO Committee of Experts on non-standard forms of employment. It has been established that the high level of development of the digitalized labor market in these countries is determined by the fact that the population acts as employers and employees in the global market for outsourcing, crowdsourcing, and freelancing services. Freelance self-employment is the fastest growing segment of the digitalized labor market in the US and EU countries.

Key words: digitalization, digitalized labor market, freelance, outsourcing, crowdsourcing, coworking.

Современные исследования экспертов Всемирного экономического форума, Группы Всемирного банка, Европейского фонда улучшения условий жизни и труда, Бюро статистики труда США и ученых Оксфордской школы Мартина свидетельствуют, что экспоненциальный рост новых технологий вместе с увеличением численности самозанятого населения приводит к трансформации мирового рынка труда. Быстрые темпы распространения цифровых коммуникационных устройств, а также развитие цифровой обработки информации через использова-

ние технологий искусственного интеллекта способствуют цифровизации рынка труда различных стран мира, а также распространению нетипичных форм занятости [1]. Следствием технического прогресса является непосредственное создание рабочих мест в высокотехнологичных отраслях мировой экономики (особенно в сфере наукоемких услуг).

Смартфоны, планшеты и другие портативные электронные устройства все активнее используются для работы значительной долей трудоспособного населения. В мире активно создаются интерактивные online-ресурсы, способствующие распространению этого мегатренда. Новые технологии размывают традиционные географические границы национальных и региональных рынков труда, формируя глобальные пулы работодателей и работников.

Результаты нашего исследования подтверждают гипотезу, что использование цифровых технологий подавляющим большинством компаний и экономически активным населением упрощает процедуру создания рабочих мест, давая возможность выполнять работу через Интернет в рамках так называемой «экономики свободного заработка» («gig economy», «on-demand economy», «sharing economy» [2]). Мировой практикой доказано, что при высокой степени внедрения цифровых информационно-коммуникационных технологий доля занятых в сфере услуг растет в большинстве стран мира. Однако степень цифровизации рынка труда проявляется в мире неравномерно, поэтому возникает необходимость исследования особенностей формирования международного рынка труда в условиях цифровизации.

В настоящее время только в странах с высоким уровнем доходов сформированы основы для адаптации к новым формам труда с использованием цифровых технологий. В США и странах ЕС введен учет нетипичных форм занятости, соответствующий методике Совета экспертов МОТ по нестандартным формам занятости, которая была предложена в феврале 2015 г. [3]. Однако в пределах четырех категорий нестандартных форм занятости (временная занятость; занятость на условиях неполного рабочего дня; временная работа через агентство; самостоятельная заня-

тость) между американской и европейской системой учета существуют различия в определении некоторых форм занятости. Поэтому возникает необходимость в исследовании ключевых тенденций в сфере труда, формирующихся под влиянием развития цифровых технологий, поскольку они неизбежно будут влиять на цифровизацию рынка труда.

По данным Бюро статистики труда США [4] по состоянию на 2017 г. самозанятые работники, к которым относятся независимые консультанты и фрилансеры, составляли наибольшую долю среди населения США, использующего нетипичные формы труда (68,56%). В число других нестандартных форм занятости в США включают: временную занятость «по вызову», доля таких работников составляла 16,66%; временную занятость через агентство (8,76%); срочную контрактную занятость, эквивалентную аутсорсингу, аутстаффингу и лизингу персонала (6,03%). По отраслям экономики США самозанятые работники в основном были представлены в сфере профессиональных и бизнес-услуг; временно занятые «по вызову» оказывали образовательные и медицинские услуги, а также услуги в секторе строительства; временно занятые через агентство были сосредоточены в промышленности и сфере транспортных услуг; работники, которые имели срочную контрактную занятость, выполняли работу в сфере услуг.

По результатам исследования Европейского фонда улучшения условий жизни и труда «Аспекты нестандартной занятости в Европе» [3] в странах ЕС 50,6% экономически активного населения выполняли работу, используя нетипичные формы труда. Работники, занятые на условиях неполного рабочего дня, составляли 39,53% от занятого населения, использующего нетипичные формы труда; доля самозанятых - 28,66%; доля временно занятых на условиях срочных контрактов - 28,06%. Наименее многочисленной была категория работников, выполнявших временную работу через агентство - 3,75%.

Проанализировав особенности формирования цифровизированного рынка труда в США и странах ЕС, необходимо отметить, что население этих стран выступает как работодателями, так и работниками

на глобальном рынке услуг по аутсорсингу, краудсорсингу и фрилансу. Согласно исследованию глобальной консалтинговой компании «A.T. Kearney» [5] США занимает 6 место в глобальном рейтинге по аутсорсингу информационных технологий и бизнес-процессов с индексом - 5,83. В топ-20 также были внесены следующие страны ЕС: Великобритания (8 место, индекс 5,79), Эстония (12 место, 5,64), Германия (15 место, 5,55).

Наивысшие показатели в рейтинге по субиндексу «Цифровой резонанс» (развитие цифрового сектора) имеют США и 12 стран ЕС, что свидетельствует о наличии в этих странах креативной рабочей силы с высоким уровнем цифровых навыков, труд которых соответствует современным условиям организации аутсорсинга. Особенностью работников, использующих аутсорсинг как современный способ занятости в США и странах ЕС, является высокий уровень их квалификации, позволяющий предоставлять услуги по управленческому консалтингу, аутсорсингу бизнес-процессов и IT-аутсорсингу для наукоемких отраслей с высокой почасовой оплатой труда на условиях долгосрочной занятости.

В 2018 гг. в США насчитывалось 11,8 млн. IT-специалистов [6]. В 28 странах ЕС около 8,9 млн. человек работали специалистами в сфере ИКТ: значительная часть была сосредоточена в Великобритании (1,6 млн. чел.), Германии (1,6 млн. чел.) и Франции (1,1 млн. человек) [7]. Ведущие компании, функционирующие на глобальном рынке услуг по аутсорсингу, расположены в США и странах ЕС (табл. 1) [8].

Международные компании-поставщики услуг на условиях аутсорсинга

№ п/п	Название компании	Сфера деятельности	Страна базирования главного офиса
1	Accenture plc	Управленческий консалтинг, аутсорсинг, IT- услуги	Ирландия
2	Access Healthcare Services Pvt Ltd	IT-решения для поставщиков медицинских услуг, аутсорсинг бизнес-процессов, разработка и управление приложениями, услуги по управлению циклами доходов, услуги автоматизации роботизированных процессов	США
3	Alight Solutions, LLC	Аутсорсинг бизнес-процессов	США
4	Alorica Inc.	Управление отношениями с клиентами, аутсорсинг бизнес-процессов, цифровые услуги	США
5	Arvato Bertelsmann SE&Co. Kgaa	Управление отношениями с клиентами, аутсорсинг бизнес-процессов, IT-решения в секторе автоматизации и аналитики больших данных, финансовые услуги	Германия

Таблица 1

Краудсорсинг как новый способ занятости активно развивается в США и странах ЕС, поскольку позволяет широко применять труд инициативных и талантливых людей. В этих странах труд на условиях краудсорсинга рассматривается как новая форма организации деятельности людей, ценностно ориентированная на условия цифрового развития общества. Подавляющее большинство международных краудсорсинговых платформ online-занятости, на которых предлагается индивидуализированная и/или групповая работа разного уровня сложности для всех отраслей мировой экономики, было создано в США (табл. 2) [9].

Классификация международных краудсорсинговых платформ online-занятости по критерию сложности выполняемой работы

Тип краудсорсинговой платформы	Признаки адресного назначения	Название компании	Страна базирования главного офиса
Краудсорсинговые платформы online-занятости, ориентированные на микрозадания	– временная занятость для большого количества людей; – четкая определенность повседневных задач, требующих только общих навыков специалиста, например, сбор информации о рынке в режиме реального времени.	Taskrabbit Inc	США
		Amazon Mechanical Turk	США
		Streetbees	Великобритания
		Gigwalk	США
		Samasource	США
Краудсорсинговые платформы online-занятости, ориентированные на мезозадания	– временная занятость для большого количества людей; – четкая определенность трудоемких задач, требующих специальных навыков специалиста в сфере введения данных и обработки информации.	Lionbridge	США
		Figure Eight (Crowdflower)	США
Краудсорсинговые платформы online-занятости, ориентированные на макрозадачи	– временная занятость для профессионалов; – сложность неструктурированных задач, требующих экспертной мысли и аналитических навыков, например, разработка стратегии, проведение исследований или консультации	10EQS	США
		Wikistrat	США
		Onfrontiers	США
		Applause	США

Таблица 2

Самозанятость в форме фриланса является самым быстрорастущим сегментом занятости цифровизированного рынка труда в США и странах ЕС. В США рынок фриланс-услуг образовался с момента создания фриланс-платформ Elance (1999.) и oDesk (2003г.), после слияния которых была создана глобальная электронная биржа труда «Upwork». В период с 2014 г. до 2018 г. численность фрилансеров в США увеличилась на 3,7 млн. человек до 56,7 млн. самозанятых профессионалов [10]. По состоянию на 2018 г. наибольшую долю в США составляли традиционные фрилансеры, для которых этот вид деятельности является основным, и фрилансеры, которые сочетали различные профессии в рамках

традиционной и внештатной занятости (31%/17,6 млн человек). Доля фрилансеров, которые сочетали основную и дополнительную работу в рамках одной профессии, составляла 26% или 14,7 млн. чел.

Согласно исследованию французской фриланс-платформы «Malt» [11] совместно с Европейским форумом независимых профессионалов в 2018 г. численность фрилансеров в ЕС составляла 11 млн человек. Значительная численность таких работников сконцентрирована в развитых странах ЕС с разветвленной сферой услуг [12]. Независимые самозанятые профессионалы-фрилансеры Великобритании, Германии, Нидерландов, Испании, Португалии и Италии составляют более половины самозанятого населения ЕС, работающего на условиях фриланса.

Особенностью фрилансеров, зарегистрировавших свою деятельность в США и странах ЕС, по сравнению с фрилансерами других стран мира, является высокий уровень их подготовки, позволяющий работать в сфере наукоемких услуг. В США значительная часть фрилансеров была вовлечена в сектор бизнес-услуг (33,0%), маркетинга и коммуникаций (26,0%), а также IT-сектор (19,0%). Занятость в других секторах экономики составляла 22% [13]. В странах ЕС 30,9% фрилансеров выполняли работу в секторе маркетинга и коммуникаций, 26,5% - в IT-секторе, 18% - в креативном секторе (искусство, развлечения и отдых), 24,6% - в других секторах экономики [11].

По состоянию на 2018 г. в странах ЕС 19% фрилансеров имели образовательный уровень бакалавра, а 52,2% - образовательный уровень магистра и/или PhD. В США 27,0% фрилансеров имели образовательный уровень младшего бакалавра (Associate Degree), 23,0% - образовательный уровень бакалавра и 16,0% - образовательный уровень магистра и/или PhD. Пятилетний опыт работы в секторе фриланс-услуг имеют 50,7% европейских и 74,0% американских самозанятых профессионалов.

Гендерная структура цифровизированного рынка труда США выглядит следующим образом: 60% среди независимых самозанятых профессионалов-фрилансеров составляют мужчины, 40% - женщины. В странах ЕС 56% фрилансеров являются представителями мужского по-

ла и 44% - женского. Вместе с тем необходимо отметить, что в четырех странах ЕС преобладают фрилансеры мужского пола (Германия - 61%, Швеция - 61%, Австрия - 59%, Нидерланды - 56%), тогда как на цифровизированном рынке труда Великобритании (52%) и Италии (52%) несколько больше фрилансеров женского пола.

Большинство фрилансеров (57%) в США и странах ЕС - это категория работников старше 35 лет, имеющих опыт работы, высокую репутацию и широкую сеть контактов. Доля фрилансеров поколения «Y» или поколения Миллениума в США составляла 35,0%, а в ЕС - 38,0%. Наименьшей была доля фрилансеров поколения «Z»: в США - 8,0%, в ЕС - 5%. Американские и европейские независимые профессионалы старше подавляющего большинства работников, выполняющих работы через электронные биржи труда в других странах мира.

Разветвленная экосистема цифровизированного рынка труда США и стран ЕС упрощает процедуру поиска работы. По данным «Upwork» в 2018 г. наиболее распространенными каналами поиска работы в США были: рекомендации друзей и родственников (46%), социальные сети (40%), рекомендации клиентов фриланс-услуг (38%), профессиональные контакты (36%), сайты электронных объявлений (27%), online-доски объявлений по поиску работы (23%), фриланс-платформы (23%) и др. [10]. В странах ЕС основными каналами поиска работы были: профессиональные рекомендации (59,7%), фриланс-платформы (42,7%), социальные сети (28,4%) [11].

Развитая цифровизированная инфраструктура рынка труда в США и странах ЕС предоставляет возможность самозанятым профессионалам выполнять работу за пределами традиционного офиса. В последнее время европейские и американские фрилансеры как рабочее место выбирают коворкинг- и коливинг-центры - инновационные пространства, где интеллектуальная и креативная элита взаимодействует и совместно проживает с целью генерации идей и совместной работы над проектами. По данным платформы «Coworker» [9] в США и Европе расположе-

на значительная часть коворкинг-центров: 2204 и 3435 соответственно (табл. 3) [14 — 16].

Рейтинг топ-10 коворкинг-центров США и стран ЕС по отзывам фрилансеров, 2019 г.

Коворкинг-центры США			Коворкинг-центры ЕС		
Рейтинг	Название компании	Арендная плата за день, долл. США	Рейтинг	Название компании	Арендная плата за день, евро
1	Wework	12,0	1	Huckletree	10,0
2	Bond Collective	12,0	2	Millepiani Coworking	10,0
3	Grind	12,0	3	SOHO	15,0
4	Proximity Space	20,0	4	B. Amsterdam	16,0
5	Impact Hub	20,0	5	Unicorn	16,5
6	Nextspace	25,0	6	NETWORKING	17,0
7	NGIN Workplace	30,0	7	Werk1	20,0
8	CO+HOOTS	35,0	8	Brain Embassy	23,0
9	Regus	39,0	9	Betahaus	25,0
10	Workbar	40,0	10	Iconic Offices	49,0

Таблица 3

О высокой степени развития цифровизированного рынка труда в странах с высоким уровнем доходов также свидетельствует существующая нормативная правовая база, регламентирующая основные принципы нетипичных трудовых отношения. В США регулирование дистанционной занятости осуществляется на основе «Закона о совершенствовании принципов дистанционной работы 2010» (The Telework Enhancement Act of 2010, Public Law 111-292) [17]. В этом нормативно-правовом акте определены права на осуществление дистанционной работы, а также обязанности федеральных органов исполнительной власти США о принципах ее регулирования.

В странах ЕС действует Европейское рамочное соглашение о дистанционной работе [18; 19], основной целью которого является регулирование условий занятости работников, выполняющих работу дистанционно с использованием ИКТ, а также согласование гибких трудовых отно-

шений между работодателями и работниками. С целью стимулирования инноваций, экономического роста и прогресса в ЕС, была разработана стратегия «Единый цифровой рынок», созданная на основе «Цифровой повестки дня Европы» [20].

Основной задачей формирования Единого цифрового рынка ЕС является создание условий для свободного доступа физических и юридических лиц к онлайн-операциям на условиях добросовестной конкуренции с высоким уровнем защиты данных независимо от их национальной принадлежности или местонахождения. Для проведения структурных реформ в странах ЕС был принят «Пакт Евро Плюс» [21] - межправительственное соглашение между всеми государствами-членами ЕС, за исключением Хорватии, Чешской Республики, Венгрии, Швеции и Великобритании. В рамках этого соглашения разработана политика «гибкой защиты занятости», основанная на следующих принципах: 1) гибкие и надежные договорные соглашения; 2) комплексные стратегии обучения в течение всей жизни; 3) эффективная политика на рынке труда; 4) современные системы социального обеспечения, гарантирующие достойную поддержку в период смены рабочего места.

В Дании модель «гибкой защиты занятости» была введена в пределах правительственной программы «Активная политика на рынке труда» до подписания Пакта (в 1990-х гг.), которая объединяет гибкое регулирование рынка труда с сильной системой социальной защиты и активными программами стимулирования занятости [22]. Согласно исследованию Международной организации труда и Европейского фонда улучшения условий жизни и труда «Работа в любом месте, в любое время и ее влияние на сферу труда» [23] во Франции и Германии осуществляется поиск решений на уровне компаний, а также рассматриваются возможности внесения изменений в существующее законодательство в сфере труда и внедрение новых законов, связанных с дистанционной работой. Сейчас юридически регламентированной является формальная полная занятость, тогда как основные проблемы, связанные с регулированием других нетипичных форм и способов занятости (в частности

неформальной и временной дистанционной работы), остаются нерешенными в большинстве стран мира.

Учитывая ускорение процессов цифровизации экономик стран мира и формирования в будущем единого цифровизированного рынка труда, основной задачей правительств становится согласование политик в сфере трудового законодательства. Разрабатывая национальные реформы, направленные на трансформацию трудовых отношений на цифровизированном рынке труда, правительствам разных стран целесообразно осуществлять комплекс мероприятий, определенный в документах Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда [24] и Группы Всемирного банка [25]. Такие мероприятия нами систематизированы и заключаются в следующем:

1. Обеспечить развитие эффективной экосистемы образования на протяжении всей жизни, сочетающей получение базовых, социально-познавательных, цифровых навыков и компетенции, необходимых для конкретных рабочих мест, профессий и секторов экономики. Современная система образования требует формирования качественно новой профессиональной подготовки по гибким учебными online-программам, которые должны преподаваться на условиях массового интерактивного участия с применением технологий электронного обучения с открытым доступом через сеть Интернет.
2. Провести оценку нормативно-правовой базы, регулирующей трудовые отношения. Внести изменения в трудовое законодательство по определению правового статуса работника, выполняющего работу на условиях нетипичных форм и способов занятости, установлению общетрудовых гарантий для работников независимо от способа занятости, усилению суверенного контроля над соблюдением продолжительности рабочего времени, утверждению характеристик цифрового рабочего места, унификации нетипичных трудовых договоров, учитывающих особенности современного рынка труда, использование технологий

с целью обеспечения достойных условий труда. Эти шаги необходимы для формализации трудовых отношений, сокращения масштабов неравенства и бедности среди работающего населения, повышения стабильности и защиты прав работников в условиях цифровизации рынка труда.

3. Разработать систему регулирования нетипичных форм и способов занятости через электронные биржи труда и/или online-платформы, которая обяжет владельцев и их клиентов придерживаться определенных трудовым законодательством прав и обязанностей. Работникам должны гарантироваться достойные условия труда независимо от их статуса занятости: заработная плата за выполненное задание, максимальное лимитирование рабочего времени, право на отключение, что дает возможность работникам не участвовать в связанных с работой электронных коммуникациях в нерабочее время, а также безопасность труда и охрана здоровья во время работы в помещениях заказчиков услуг. Работодателям должны гарантироваться качество и своевременность выполнения поставленной задачи. Владельцы электронных бирж труда и/или online-платформ имеют право взимать оплату за предоставление посреднических услуг в процессе заключения сделок между работодателем и работником, а также обязанность осуществлять налоговые отчисления государственным органам исполнительной власти страны базирования.
4. Создать надежное киберпространство для функционирования цифровизированного рынка труда. В сфере трудового законодательства возникает необходимость в разработке нормативно-правовой базы, регулирующей использование электронных персональных данных и определяющей степень ответственности за несанкционированный доступ к ним. Правительствам стран мира необходимо обеспечить реализацию эффективной политики по вопросам защиты электронных персональных дан-

ных как работников, так и работодателей при заполнении профилей (аккаунтов) на электронных биржах труда и/или online-платформах, заключении электронных трудовых договоров и инвойсов, использовании электронных подписей, ведении электронной деловой переписки, осуществлении электронных финансово-расчетных операций и т. п.

В то же время разработчикам национальных реформ в сфере трудовых отношений необходимо стремиться к достижению баланса между обеспечением занятости и гибкостью трудового законодательства, поскольку жесткое регулирование цифровизированного рынка труда приведет к его стагнации. Результаты исследования Группы Всемирного банка подтверждают тот факт, что в странах с жесткой нормативно-правовой базой в части обеспечения трудовой занятости объемы деятельности технологически ёмких секторов значительно ниже, так как строгие законодательные акты затрудняют вход на рынок технологических startup-компаний, в которых работники чаще используют нетипичные формы и способы занятости.

Список литературы

1. Griffith T. L., Spell C., Bezrukova K., Floro A. The Impact of Artificial Intelligence on Self-Employment. CRSE. URL: http://www.crse.co.uk/sites/default/files/The%20impact%20of%20artificial%20intelligence%20on%20self-employment.pdf

2. Huws U., Spencer N. H., Syrdal D. S., Holts K. Work in the European gig economy. University of Hertfordshire, 2017. URL: https://uhra.herts.ac.uk/bitstream/handle/2299/19922/Huws_U._Spencer_N.H._Syrdal_D.S._Holt_K._2017_.pdf?sequence=2

3. Storrie D. Aspects of non-standard employment in Europe. Eurofound. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/dcf760c3-3d39-11e8-b5fe-01aa75ed71a1.0001.04/DOC_2

4. Employed workers with alternative and traditional work arrangements by selected characteristics, May 2017. U.S. Bureau of Labor Statistics. URL: https://www.bls.gov/news.release/conemp.t05.htm

5. Sethi A., Gott J., Vidisha S. Digital Resonance: The New Factor Impacting Location Attractiveness. The 2019 A.T. Kearney Global Services Location Index. ATKearney. URL: https://www.kearney.com/digital-transformation/gsli/2019-full-report

6. The digital economy at your fingertips. CompTIA. URL: https://www.cyberstates.org/

7. ICT specialists in employment. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/ICT_specialists_in_employment

8. The 2018 Global Outsourcing 100. IAOP. URL: https://www.iaop.org/Content/19/165/4987

9. The three billion: Enterprise crowdsourcing and the growing fragmentation of work. Deloitte. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/de/Documents/Innovation/us-cons-enterprise-crowdsourcing-and-growing-fragmentation-of-work%20(3).pdf

10. Freelancing in America: 2018. SlideShare. URL: https://www.slideshare.net/upwork/freelancing-in-america-2018-120288770

11. Freelancing in Europe. MALT. URL: https://news.malt.com/wp-content/uploads/2019/02/FREELANCING-IN-EUROPE-2.pdf

12. Pesole A., Urzí Brancati M.C, Fernández-Macías E., Biagi F., González Vázquez I. Platform Workers in Europe. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. URL: http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC112157/jrc112157_pubsy_platform_workers_in_europe_science_for_policy.pdf

13. PayPal U.S. Freelancer Insights Report. PayPal. URL: https://www.paypalobjects.com/digitalassets/c/website/marketing/global/shared/global/media-resources/documents/PayPal_US_Freelancers_Insight_Report_Feb_2018.pdf

14. 100 Top Rated Coworking Spaces Around The World. Coworker. URL: https://www.coworker.com/search/top-rated

15. Kim L. 23 of the Best Coworking Spaces in the U.S. Medium. URL: https://medium.com/marketing-and-entrepreneurship/23-of-the-best-coworking-spacesin-the-u-s-f93587631f66

16. The 50 Best Co-Working Spots In Europe. Big Seven Media. URL: https://bigseventravel.com/2019/03/europe-coworking/

17. Guide to Telework in the Federal Government. Telework.gov. URL: https://www.telework.gov/guidance-legislation/telework-guidance/telework-guide/guide-to-telework-in-the-federal-government.pdf

18. Implementation of the European framework agreement on telework. ETUCCES. URL: http://resourcecentre.etuc.org/linked_files/documents/Framework%20agreement%20on%20telework%20EN.pdf

19. Teleworking. EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ac10131

20. Shaping the Digital Single Market. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/policies/shaping-digital-single-market

21. The Euro Plus Pact. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/epsc/publications/strategic-notes/euro-plus-pact_en

22. Back to Work: Denmark: Improving the Re-employment Prospects of Displaced Workers. Paris: OECD Publishing, 2016. URL: https://www.oecd.org/denmark/back-to-work-denmark-9789264267503-en.htm

23. Messenger J., Llave O. V., Gschwind L., Boehmer S., Vermeylen G., Wilkens M. Working anytime, anywhere: The effects on the world of work. Luxembourg : Publications Office of the European Union, Geneva : the International Labour Office, 2017. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1658en.pdf

24. Work for a brighter future. International Labour Organization (ILO). URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_662410/lang–en/index.htm

25. World Development Report 2019: The Changing Nature of Work. Washington, DC: World Bank, 2019. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/816281518818814423/pdf/2019-WDR-Report.pdf

References

1. Griffith, T. L., Spell C., Bezrukova K., Floro A. The Impact of Artificial Intelligence on Self-Employment // CRSE. URL: http://www.crse.co.uk/sites/default/files/The%20impact%20of%20artificial%20intelligence%20on%20self-employment.pdf.

2. Huws, U., Spencer, N. H., Syrdal D. S., Holts K. Work in the European Gig Economy // University of Hertfordshire. URL: https://uhra.herts.ac.uk/bitstream/handle/2299/19922/Huws_U._Spencer_N.H._Syrdal_D.S._Holt_K._2017_.pdf?sequence=2.

3. Storrie D. Aspects of Non-Standard Employment in Europe // Eurofound. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/dcf760c3-3d39-11e8-b5fe-01aa75ed71a1.0001.04/DOC_2.

4. Employed Workers with Alternative and Traditional Work Arrangements by Selected Characteristics, May 2017 // U.S. Bureau of Labor Statistics. URL: https://www.bls.gov/news.release/conemp.t05.htm.

5. Sethi, A., Gott, J., Vidisha, S. Digital Resonance: The New Factor Impacting Location Attractiveness: The 2019 Kearney Global Services Location Index // Kearney. URL: https://www.kearney.com/digital-transformation/gsli/2019-full-report.

6. Cyberstates // CompTIA. URL: https://www.cyberstates.org/.

7. ICT Specialists in Employment // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/ICT_specialists_in_employment.

8. The 2018 Global Outsourcing 100 // IAOP. URL: https://www.iaop.org/Content/19/165/4987.

9. The Three Billion: Enterprise Crowdsourcing and the Growing Fragmentation of Work // Deloitte. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/de/Documents/Innovation/us-cons-enterprise-crowdsourcing-and-growing-fragmentation-of-work%20(3).pdf.

10. Freelancing in America: 2018 // SlideShare. URL: https://www.slideshare.net/upwork/freelancing-in-america-2018-120288770.

11. Freelancing in Europe // MALT. URL: https://news.malt.com/wp-content/uploads/2019/02/FREELANCING-IN-EUROPE-2.pdf.

12. Pesole, A., Urzí Brancati, M. C., Fernández-Macías, E. et al. Platform Workers in Europe // Publications Office of the European Union. URL: http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC112157/jrc112157_pubsy_platform_workers_in_europe_science_for_policy.pdf.

13. PayPal U.S. Freelancer Insights Report // PayPal. URL: https://www.paypalobjects.com/digitalassets/c/website/marketing/global/shared/global/media-resources/documents/PayPal_US_Freelancers_Insight_Report_Feb_2018.pdf.

14. 100 Top Rated Coworking Spaces Around The World // Coworker. URL: https://www.coworker.com/search/top-rated.

15. Kim, L. 23 of the Best Coworking Spaces in the U.S // Medium. URL: https://medium.com/marketing-and-entrepreneurship/23-of-the-best-coworking-spacesin-the-u-s-f93587631f66.

16. The 50 Best Co-Working Spots In Europe // Big Seven Media. URL: https://bigseventravel.com/2019/03/europe-coworking/.

17. Guide to Telework in the Federal Government // Telework.gov. URL: https://www.telework.gov/guidance-legislation/telework-guidance/telework-guide/guide-to-telework-in-the-federal-government.pdf.

18. Implementation of the European Framework Agreement on Telework // ETUCCES. URL: http://resourcecentre.etuc.org/linked_files/documents/Framework%20agreement%20on%20telework%20EN.pdf.

19. Teleworking // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ac10131.

20. Shaping the Digital Single Market // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/policies/shaping-digital-single-market.

21. The Euro Plus Pact // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/epsc/publications/strategic-notes/euro-plus-pact_en.

22. Back to Work: Denmark: Improving the Re-employment Prospects of Displaced Workers. Paris: OECD Publishing, 2016. URL: https://www.oecd.org/denmark/back-to-work-denmark-9789264267503-en.htm

23. Messenger, J., Llave O. V., Gschwind, L. et al. Working Anytime, Anywhere: The Effects on the World of Work // Publications Office of the European Union, the International Labour Office. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1658en.pdf.

24. Work for a Brighter Future // International Labour Organization (ILO). URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_662410/lang–en/index.htm.

25. World Development Report 2019: The Changing Nature of Work // World Bank. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/816281518818814423/pdf/2019-WDR-Report.pdf.

УДК/UDC 336

Оценка влияния кредитного риска на институциональную характеристику банковской системы Российской Федерации

Лесных Ольга Андреевна
магистрант программы «Банки и управление активами»
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: oalesnih@gmail.com

Якушева Юлия Игоревна
магистрант программы «Банки и управление активами»
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: juliaya96@mail.ru

Никитина Татьяна Викторовна
доктор экономических наук, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, научный руководитель программы «Банки и управление активами»
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: t_nikitina2004@mail.ru
SPIN-код: 4012-1447

Аннотация

Статья посвящена оценке влияния кредитного риска на институциональную характеристику банковской системы Российской Федерации. Кредитный риск является ключевым для банковской системы. При этом с каждым годом величина кредитного риска увеличивается. Это обусловлено состоянием российской экономики, рост которой существенно замедлился в 2014 г. после начала экономического кризиса. В результате начал расти уровень закредитованности российской экономики. Особенно остро кризис отразился на потребительском кредитовании. Все это способствовало росту уровня кредитного риска, на что Банк России должен был реагировать. В частности, были введены дополнительные меры по оценке заемщика. Поэтому был

сделан вывод, что кредитный риск оказывает сильное влияние на институциональную характеристику банковской системы России.

Ключевые слова: кредитный риск, институт, банковская система России, Банк России, банковская деятельность.

Valuation of the Impact of Credit Risk on the Institutional Characteristics of the Banking System of the Russian Federation

Lesnykh Olga Andreyenva
master student of the Banks and Asset Management Program
St. Petersburg State University of Economics
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: oalesnih@gmail.com

Yakusheva Yuliya Igorevna
master student of the Banks and Asset Management Program
St. Petersburg State University of Economics
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: juliaya96@mail.ru

Nikitina Tatyana Viktorovna
Doctor of Economics, professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, supervisor of the Banks and Asset Management Program
St. Petersburg State University of Economics
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: t_nikitina2004@mail.ru
SPIN Code: 4012-1447

Abstract

The article provides a valuation of the impact of credit risk on the institutional characteristic of the banking system of the Russian Federation. Credit risk is important for the banking system. At the same time, the value of credit risk increases every year. It is connected with a slowdown in 2014 after the start of the economic crisis. As a result, the debt level of the Russian economy has begun to grow. The crisis was especially acute in consumer lending. All this contributed to an increase in the level of credit risk, which

the Central Bank of the Russian Federation had to respond to. In particular, additional measures were introduced to evaluate the borrower. It is concluded that credit risk has a strong influence on the institutional characteristic of the Russian banking system.

Key words: credit risk, institution, Russian banking system, Central Bank of the Russian Federation, banking.

Современную жизнь невозможно представить без банковской системы. Она играет важную роль в функционировании всей экономики любого государства. Банковская система представляет собой совокупность всех банков. Появление банковской системы обусловлено потребностью в наличии единых правил ведения операций. Для ее эффективного функционирования необходим центральный институт, который будет отвечать за регулирование этой системы. Именно поэтому банковская система возникла в результате появления первых центральных банков. Центральные банки и стали тем самым регулирующим звеном в этой системе. С тех пор под банковской системой стали понимать строго определенную законом структуру специализированных организаций особого рода. Эти организации действуют в области финансов и денежно-кредитных отношений. Отличительной особенностью этих организаций являются их исключительные полномочия для осуществления банковской деятельности [1, с. 22].

Согласно Федеральному закону«О банках и банковской деятельности», банковская система России включает в себя Банк России, кредитные организации, а также представительства иностранных банков [2]. Одной из целей Банка России является развитие и укрепление банковской системы России в соответствии со ст. 3 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее - ФЗ «О Центральном банке») [3]. Банковская система России существенно изменилась за последнее десятилетие. В первую очередь это касается того количества участников, которые в эту систему входят. Согласно данным Банка России, с 01.01.2010 по 01.01.2020 институциональная характеристика банковского сектора России была следующей (см. табл.1) [4]:

Динамика институциональной характеристики банковского сектора России за период 2009–2019 гг. [4]

Вид	01.01.10	01.01.13	01.01.16	01.01.17	01.01.18	01.01.19	01.01.20
Количество действующих кредитных организаций	1 058	956	733	623	561	484	442
Количество филиалов кредитных организаций	3 183	2 349	1398	1089	890	709	618
Количество внутренних структурных подразделений	37 739	42 758	36 994	33 944	33 011	29 783	29 079

Таблица 1

По состоянию на 01.01.2020 по сравнению с 01.01.2010 количество действующих кредитных организаций сократилось в 2,4 раза (-58%) и составило 442 кредитных организации против 1 058 на 01.01.2010 (за 1 квартал 2020 года количество действующих кредитных организаций сократилось на 8 единиц и на 01.04.2020 составило 434). Снижение показателя происходило на протяжении всего рассматриваемого периода, причем начиная с 2014 г. темп ускорился: до 2014 г. ежегодно показатель снижался в среднем на 3,6%, а в период с 2014 г. снижение происходило более быстрыми темпами - около 10–15% в год. При этом пиком является период с 2014 по 2018 гг., когда Банк России за год отзывал от 60 до 100 лицензий у кредитных организаций. Начиная с 2019 г. политика Банка России по санации банковского сектора замедлилась. Председатель Банка России Э. С. Набиуллина неоднократно заявляла, что оздоровление банковского сектора находится в завершающей стадии [5, 6].

Аналогичный тренд можно отметить и в динамике числа филиалов и внутренних структурных подразделений кредитных организаций в России:

— число филиалов снизилось более чем в 5 раз и на 01.01.2020 составило 589 (против 3183 на 01.01.2010),
— количество внутренних структурных подразделений уменьшилось на 8 904 (с 37 739 на 01.01.2010 до 28835 на 01.01.2020).

Исходя из сложившихся тенденций, можно обозначить основной тезис, согласно которому ликвидация отдельных элементов банковской системы была необходима, так как большинство банков имели финансовые и юридические проблемы до кризиса, а такие факторы, как колебание курса рубля и рост просрочки, лишь усиливали проблемы [7].

Особое место среди факторов, повлиявших на развитие банковской системы России, занимают риски банковской деятельности. Причем на вершине находится кредитный риск, управление которым осложнилось с наступлением экономического кризиса в 2014 г. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена усилением влияния кредитного риска на банковскую систему России в целом и ее институциональную составляющую в частности.

Под риском в банковской деятельности принято понимать стоимостное выражение вероятностного события, которое ведет к потерям. Другими словами, для банка риск означает неопределенность, связанную с некоторым событием. Контроль и эффективное управление банковскими рисками - это один из тех факторов, который определяет прибыльность хозяйственной деятельности банка. Управление банковскими рисками осложнено рядом проблем. Среди основных можно выделить разработку классификации банковских рисков, основ оценки и методов расчета рисков. При этом основы оценки и методы расчета рисков могут различаться для разных субъектов, будь то банк, отдельный заемщик, группа предприятий или целая страна [8, с. 228–229].

По своей природе риски банковской деятельности могут быть абсолютно разными. В качестве основных классификационных признаков Е. Б. Стародубцева предлагает следующие:

— тип и вид коммерческих банков,
— сферы влияния или возникновения банковских рисков,

— состав клиентов банка,
— методы расчета,
— степень банковского риска,
— распределение риска во времени,
— характер учета,
— возможность управления риском.

В соответствии с этими классификационными признаками можно обозначить основные виды рисков в банковской деятельности. К этим рискам относятся:

— рыночный риск,
— процентный риск,
— валютный риск,
— инвестиционный риск,
— риск ликвидности,
— кредитный риск [1, с. 252–257].

В рамках данного исследования особое значение имеет кредитный риск. Согласно определению Т. В. Никитиной, кредитный риск - это вероятность того, что стоимость активов банка, прежде всего кредитов, уменьшится в связи с неспособностью или нежеланием клиентов (заемщика) вернуть долг или часть долга, включая причитающиеся по договору проценты. Наиболее серьезным последствием кредитного риска является потеря всей суммы кредита [9, с. 38–39].

Кредитный риск, согласно Указанию Банка России №3624-У от 15.04.2015 «О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы» [10], определен Банком России как значимый риск для деятельности кредитных организаций, что означает, что его влияние на деятельность банков может существенно повлиять на финансовую стабильность субъектов банковской системы. И банкам следует разрабатывать полный комплекс мер, направленный на его определение, оценку и идентификацию.

Вместе с тем сложившиеся тенденции в структуре банковского сектора свидетельствуют о том, что отдельные участники не в полном объе-

ме вырабатывают механизм управления кредитным риском или что установленная система риск-менеджмента не соответствует масштабу и характеру осуществляемых банковских операций.

Как уже несколько раз отмечалось, кредитный риск является ключевым для российской банковской системы, в том числе для ее институтов. Ниже на рис. 1 представлена карта рисков, подготовленная Банком России [11]. На ней показатели отнесены к трем зонам:

— зеленая зона соответствует нормальным уровням показателей,
— желтая зона указывает на ухудшение ситуации,
— красная зона сигнализирует о возможных угрозах для финансовой стабильности.

Карта рисков российского банковского сектора, II–III кварталы 2019 г. [11]

Рисунок 1

Представленная паутинообразная диаграмма свидетельствует о том, что лишь за II–III кварталы 2019 г. кредитный риск банковского сектора увеличился. Если обратиться к отчетам за предыдущие периоды, то можно обнаружить совсем иное распределение рисков. По состоянию на 01.01.2015 кредитный риск был наименьшим среди всех банковских рисков, находясь на границе зеленой и желтой зон. Обзор финансовой стабильности составляется раз в полгода. Следовательно, можно наблюдать негативную динамику на протяжении уже восьми периодов.

Как отмечается у Никитиной Т. В., в условиях сохраняющейся макроэкономической нестабильности банковские активы остаются подверженными высокому уровню кредитного, рыночного и валютного рисков [12]. Учитывая, что современная экономика регулярно претерпевает кризисные ситуации (2008–2010, 2014 и 2020 гг.), вопрос воздействия кредитного риска на банковский сектор и экономику в целом сохраняет свою актуальность.

Проблеме закредитованности российского населения и бизнеса Банк России уделяет основное внимание во всех своих отчетах. Практически ежегодно объем кредитов, предоставленных нефинансовым организациям и физическим лицам, увеличивается, что представлено на рис. 2 [13].

Объем выданных кредитов, 01.01.2016–01.01.2020, млрд руб. (по данным Банка России) [13]

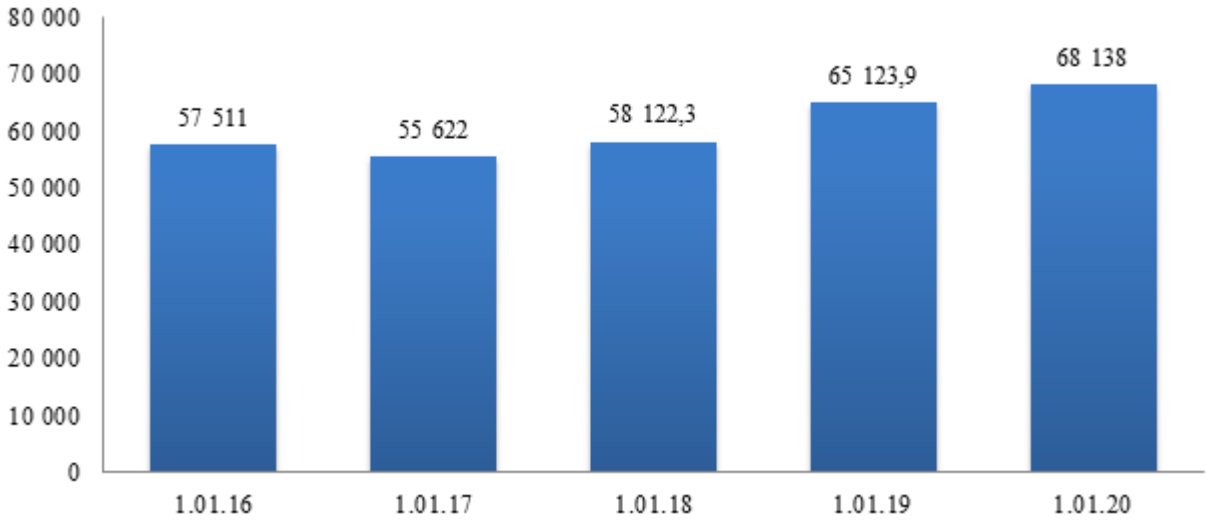

Рисунок 2

Все выданные кредиты подразделяются в зависимости от типа заемщика на следующие категории:

— нефинансовые организации;
— финансовые организации, кроме банков;
— государственные финансовые органы и внебюджетные фонды;
— физические лица;
— кредитные организации.

За рассматриваемый период структура выданных кредитов по типу заемщика существенно изменилась. Подробнее данная структура представлена на рис. 3.

Во-первых, стоит обратить внимание на увеличение долговой нагрузки на российскую экономику. За 2015–2019 гг. объем выданных кредитов увеличился на 18,5%. Во-вторых, негативной тенденцией является увеличение доли потребительских кредитов. Объем кредитов, выданных физическим лицам, за рассматриваемый период увеличился на 65,2%, или почти на 7 трлн руб. Следовательно, на две трети прирост долговой нагрузки экономики был обеспечен физическими лицами.

Структура заемщиков в России, 01.01.2016–01.01.2020, % (по данным Банка России) [13]

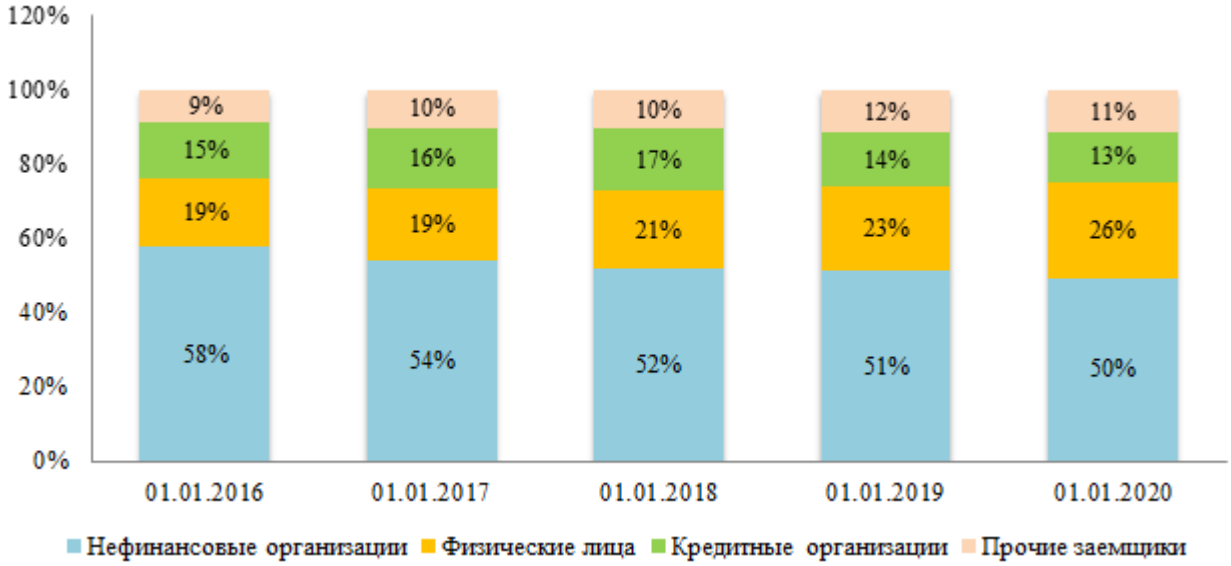

Рисунок 3

Быстрый рост долговой нагрузки населения на фоне высоких темпов роста потребительского кредитования является одной из ключевых уязвимостей всей российской финансовой системы. На это обращает внимание первый заместитель Председателя Банка России К. В. Юдаева. В 2019 г. было опубликовано исследование Банка России, посвященное тенденциям на рынке кредитования физических лиц. По его итогам Банк России пришел к следующим выводам:

— общее количество заемщиков постепенно увеличивается, причем две трети их них имеют задолженность по необеспеченному потребительскому кредиту;
— растет доля заемщиков, имеющих задолженность одновременно по нескольким типам кредитов, что увеличивает риски кросс-дефолта заемщиков;
— особый риск для банковской системы представляют заемщики, устойчиво наращивающие свой долг, доля которых составляет 9,4% от общего числа заемщиков;
— анализ данных трех крупнейших бюро кредитных историй (БКИ) показал, что только по 26% заемщиков идентичная информация содержится во всех трех БКИ, что искажает оценку заемщика банком [14, с. 3].

Уровень долговой нагрузки населения по кредитам и займам является одним из факторов устойчивости финансовой системы к возможным шокам. В сегменте кредитования физических лиц рост ссудной задолженности опережает рост доходов населения со второй половины 2017 г. Это приводит к увеличению долговой нагрузки населения на макроуровне. Кроме того, ускоренный рост потребительского кредитования повышает уязвимость банков.

Для того чтобы снизить кредитный риск по данному типу заемщиков, с 1 октября 2019 г. Банк России ввел показатель долговой нагрузки (ПДН). Введение обязательного расчета ПДН для каждого заемщика-физического лица направлено на охлаждение рынка необеспеченного кредитования. Кроме того, с 1 октября 2019 г. начали действовать надбавки к коэффициентам кредитного риска в зависимости от полной стоимости кредита и показателя долговой нагрузки. Это решение также направлено на ограничение рисков, связанных с увеличением закредитованности населения.

В июле 2019 г. Банк России внес изменения в порядок расчета кредитного риска банков на основе внутренних рейтингов. Так, среди прочего, вводится требование о проведении банками сценарного анализа ха-

рактеристик качества внутренних моделей оценки кредитного риска для определения пороговых значений контрольных показателей качества моделей [15].

Таким образом, поведение ключевого института банковской системы России свидетельствует о сильном влиянии кредитного риска на развитие банковского сектора. О высокой значимости кредитного риска свидетельствует и то, что он является неотъемлемой частью банковской деятельности. Это обусловлено историческими предпосылками появления банков в человеческой жизни.

Банк России как орган, осуществляющий контрольно-надзорные функции в финансовом секторе России, согласно полномочиям, определенным ФЗ «О Центральном банке», осуществляет комплекс мер, направленных на идентификацию, анализ и предупреждение банковских рисков. Так, информация, представленная в табл. 2, свидетельствует о том, что Банк России стремится предупреждать реализацию банковских рисков(либо минимизировать последствия от реализации) и не допускать дальнейшее применение мер воздействия, предусмотренных ст.74 ФЗ «О Центральном банке». Основания для применения мер надзорного реагирования выявлялись в ходе осуществления пруденциального надзора.

Меры надзорного реагирования, примененные к кредитным организациям за период 2014–2018 гг. [11]

Наименование меры	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
Письменная информация о недостатках в деятельности организации и рекомендации по их исправлению	873	813	770	661	584
Совещания с руководством кредитной организации	444	494	580	443	427
Штрафы	133	212	302	247	288
Ограничения на осуществление кредитными организациями отдельных операций	209	243	213	135	109

Запреты на осуществление кредитными организациями отдельных банковских операций	64	73	62	28	17
Требования	546	623	610	484	480
Запрет на открытие филиалов	53	50	65	41	19
Отзыв лицензии	86	93	97	51	60

Таблица 2

Вместе с тем, в отдельных случаях мер в рамках консультативного (превентивного) надзора(письменная информация и рекомендации, совещания с руководством кредитной организации) недостаточно для комплексной защиты интересов кредиторов и вкладчиков, и тогда Банк России применяет меры надзорного реагирования, предусмотренные ст. 74 ФЗ «О Центральном банке» (ограничения и запреты, требования и штрафы). В исключительных случаях, когда весь комплекс мероприятий, направленных на стабилизацию ситуации в кредитной организации, осуществлен и не принес свою эффективность, Банк России прибегает к крайней мере - отзыв лицензиина осуществление банковских операций и назначение временной администрации.

В российской банковской системе существовали объективные проблемы:

1) недооценка кредитных рисков по выданным средствам;
2) «схемное» формирование собственного капитала;
3) построение бизнес-модели на кредитовании бизнеса собственников;
4) вывод активов из кредитных организаций и фальсификация бухгалтерской отчетности;
5) осуществление сомнительных операций (в том числе связанных с выводом средств за рубеж и обналичиванием денежных средств).

В основном вышеуказанные проблемы и являлись основанием для отзыва лицензий у кредитных организаций, о чем свидетельствуют ста-

тистические данные Банка России по основаниям для отзыва лицензий (табл. 3).

Основания для отзыва лицензий на осуществление банковских операций за период 2014–2018 гг. [16]

Основание	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
Неисполнение федеральных законов, регулирующих банковскую деятельность, а также нормативных актов Банка России, если в течение одного года к КО неоднократно применялись меры, предусмотренные ФЗ «О Центральном банке»	74	83	96	51	56
Неоднократное нарушение в течение одного года требований, предусмотренных ст. 6 и 7 (за исключением п. 3 ст. 7) ФЗ от 07.08.2001 №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»	36	34	35	24	35
Установление фактов существенной недостоверности отчетных данных	13	11	5	5	2
Снижение размера собственных средств (капитала) кредитной организации ниже минимального значения уставного капитала, установленного на дату ее государственной регистрации	14	26	36	14	6
Достаточность капитала ниже 2%	12	27	39	14	9
Неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам в течение 14 дней с наступления даты их удовлетворения	26	13	15	8	4
Неисполнение в срок, установленный п. 4.1 гл. IX Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», требования Банка России о приведении в соответствие величины уставного капитала и размера собственных средств (капитала)	-	-	-	2	-

Таблица 3

В рамках совершенствования надзорных процессов, направленных на оперативное выявление и купирование рисковых ситуаций в деятельности кредитных организаций, в последние годы Банк России проводил работу по стандартизации и модернизации банковского надзора, а именно:

- модификация структурных подразделений банковского надзора (упразднение надзорного блока «на местах» и его централизация в Москве);
- осуществление перехода к пропорциональному риск-ориентированному надзору (оценка детальности кредитных организаций не только по количественному, но и качественному признаку);
- совершенствование нормативной базы, устанавливающей порядок деятельности кредитных организаций;
- внедрение определенных рекомендации Базельского комитета по банковскому надзору (в том числе Базель III), переход на МСФО 9;
- ужесточение нормативных требований к деятельности кредитных организаций (в том числе введение новых и усиление требований к действующим обязательным экономическим нормативам);
- переход к электронному документообороту между кредитными организациями (в 2018 г. начат проект по сбору и анализу учетно-операционной информации кредитных организаций);
- введение института оценки предметов залога по кредитным обязательствам в целях совершенствования комплексной оценки кредитных рисков банков;
- усиление качества дистанционного анализа рисков кредитных организаций, а также некредитных финансовых организаций;
- уделение внимания стресс-тестам (как комплексным, так и частным) и пр. [16].

Указанные мероприятия имели поэтапную эффективность. В первую очередь банковский сектор «очистился» от недобросовестных

участников(руководство и акционеры обанкротившихся кредитных организаций попали в черный список и не могут участвовать в деятельности действующих кредитных организаций),затем портфель активов кредитных организаций приобрел более качественный характер и как итог выросла финансовая грамотность населения, вследствие чего люди стали более ответственно подходить к вопросу управления своими финансами.

Приведенная информация свидетельствует о высокой степени важности кредитного риска и его влияния на банковский сектор и, как следствие, финансовую систему России. При недооценке степени его значимости кредитная организация может понести существенные потери, как репутационные (в виде санкций со стороны контролирующего органа), так и финансовые (доформирование резервов, просроченная и безнадежная ссудная задолженность).

Необходимо отметить, что за последнее десятилетие в банковской системе Российской Федерации произошли серьезные изменения (изменение институциональной характеристики; ужесточение политики надзорного органа в отношении участников финансового рынка; улучшение уровня финансовой грамотности населения и бизнеса и пр.), которые позволили делать кредитный риск более управляемым и прогнозируемым.

В 2020 г. мир вступил в новое десятилетие. Вместе с новым десятилетием наступил период глобализации эпидемии коронавирусной инфекции и отсутствия договоренности по ограничению добычи нефти. Все эти события привнесли в жизнь России и российской экономики значительные изменения. В апреле 2020 г. тысячи российских граждан потеряли работу в результате введения режима самоизоляции и нерабочих дней. Многие предприятия оказались не в состоянии платить по кредитам. В результате последствия от наступления кредитного риска существенно увеличились, выросла степень влияния риска на институциональную составляющую банковской системы. До сих пор нет понимания, к чему приведет пандемия коронавируса. Однако уже сейчас понятно, что банковская система большинства стран мира потребует дополнительных оперативных мер. На Банк России как на регулятор страны в сфере бан-

ковской деятельности возложены обязанности по минимизации ущерба банковской системы от пандемии. Лишь время покажет, были ли действия Банк России и всего Правительства РФ эффективными или нет.

Список литературы

1. Стародубцева Е. Б. Основы банковского дела: учебник. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2020. 288 с.

2. Закон Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1990. № 27. Ст. 357.

3. Закон Российской Федерации «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Российская газета. 2002. № 127. Ст. 2995.

4. Информация о банковской системе Российской Федерации // Банк России. URL: http://cbr.ru/statistics/?PrtId=lic (дата обращения: 01.04.2020).

5. Набиуллина заявила, что процесс «очистки» банковского сектора России почти завершен // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/7241145 (дата обращения: 01.04.2020).

6. Набиуллина почти завершила банковскую чистку // Финансовая газета. URL: https://fingazeta.ru/finance/banki/450845/ (дата обращения: 01.04.2020).

7. Фирсов Д. И. Анализ банковского сектора за период 2014–2016 гг. // World Science: Problems and Innovations: Сборник статей победителей X Международной научно-практической конференции: в 3 частях. 2017. С. 52–55.

8. Горелая Н. В., Карминский А. М. Основы банковского дела: учебное пособие / Н. В. Горелая, А. М. Карминский. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2019. 272 с.

9. Никитина Т. В. Банковский менеджмент: учебное пособие / Т. В. Никитина. СПб.: Питер, 2002. 160 с.

10. Указание Банка России «О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы» от 15.04.2015 № 3624-У // Вестник Банка России. 2015. № 51. Ст. 1647.

11. Обзор финансовой стабильности // Банк России. URL: http://cbr.ru/finstab/review/(дата обращения: 01.04.2020).

12. Никитина Т. В., Репета-Турсунова А. В. Финансовые рынки и институты. Краткий курс: учебник и практикум / Т. В. Никитина, А. В. Репета-Турсунова. М.: Юрайт, 2014. 116 с.

13. Обзор банковского сектора Российской Федерации // Банк России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения 01.04.2020).

14. Анализ тенденций на рынке кредитования физических лиц в 2015–2019 годах на основе данных бюро кредитных историй // Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/85889/20191101_dfs.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

15. Банк России внес изменения в порядок расчета кредитного риска банков на основе внутренних рейтингов // Банк России. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=2734 (дата обращения: 01.04.2020).

16. Годовые отчеты Банка России за 2014–2018 гг. // Банк России. URL: http://cbr.ru/about_br/publ/god/ (дата обращения: 01.04.2020).

References

1. Starodubtseva, Ye. B. The Basics of Banking: A Textbook. Moscow: Forum, INFRA-M, 2020. 288 p.

2. Law of the Russian Federation On Banks and Banking of December 2, 1990 No. 395-1 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1990. No. 27. Art. 357.

3. Law of the Russian Federation On the Central Bank the Russian Federation (Bank of Russia) of July 10, 2002 No. 86-FZ // Rossiyskaya gazeta. 2002. No. 127. Art. 2995.

4. Information on the Banking System of the Russian Federation // Bank of Russia. URL: http://cbr.ru/statistics/?PrtId=lic (access date: April 1, 2020).

5. Nabiullina: the "Cleaning" Process in the Russian Banking Sector Has Been Almost Completed // TASS. URL: https://tass.ru/ekonomika/7241145 (access date: April 1, 2020).

6. Nabiullina Has Almost Completed the Banking Cleanout // Finansovaya gazeta. URL: https://fingazeta.ru/finance/banki/450845/ (access date: April 1, 2020).

7. Firsov, D. I. The Analysis of the Banking Sector in 2014–2016 // World Science: Problems and Innovations: Collection of the Articles of the Winners of the X International Theoretical and Practical Conference: In 3 parts. 2017. Pp. 52–55.

8. Gorelaya, N. V., Karminskiy, A. M. The Basics of Banking: A Textbook / N. V. Gorelaya, A. M. Karminskiy. Moscow: Forum, INFRA-M, 2019. 272 p.

9. Nikitina, T. V. Bank Management: A Textbook / T. V. Nikitina. St. Petersburg: Piter, 2002. 160 p.

10. Directive of the Bank of Russia On the Requirements for the Risk and Capital Management System of a Credit Institution and Banking Group of April 15, 2015 No. 3624-U // Bank of Russia Bulletin. 2015. No. 51. Art. 1647.

11. Financial Stability Review // Bank of Russia. URL: http://cbr.ru/finstab/review/ (access date: April 1, 2020).

12. Nikitina, T. V., Repeta-Tursunova, A. V. Financial Markets and Institutions: A Short Course / T. V. Nikitina, A. V. Repeta-Tursunova. Moscow: Yurayt, 2014. 116 p.

13. Russian Banking Sector Review // Bank of Russia. URL: http://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (access date: April 1, 2020).

14. Analysis of the Trends in the Lending Market for Individuals in 2015–2019 Based on Data From Credit Bureaus // Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/85889/20191101_dfs.pdf (access date: April 1, 2020).

15. The Bank of Russia Has Amended the Procedure for Calculating the Credit Risk of Banks Based on Internal Ratings // Bank of Russia. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=2734 (access date: April 1, 2020).

16. Bank of Russia Annual Reports: 2014–2018 // Bank of Russia. URL: http://cbr.ru/about_br/publ/god/ (access date: April 1, 2020).

УДК/UDC 332.36

Применение метода корреляционно-регрессионного анализа для оценки влияния социально-экономических факторов на динамику предоставления земельных участков из федеральной собственности под индивидуальное жилищное строительство в Краснодарском крае

Сорокина Анастасия Сергеевна
студентка землеустроительного факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: miss.nastiasorokina@yandex.ru

Яроцкая Елена Вадимовна
кандидат экономических наук, профессор, заведующая кафедрой землеустройства и земельного кадастра
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: yarockaya_ev@mail.ru
SPIN-код: 5785-9850

Аннотация

Настоящая статья посвящена выявлению возможных макроэкономических факторов, влияющих на величину спроса среди граждан в приобретении индивидуального жилого дома, с целью определения оптимальной стратегии в сфере управления земельными ресурсами федеральной собственности на территории муниципального образования г. Краснодар. В ходе выполнения статистического анализа установлена значительная корреляционная зависимость между процессом вовлечения территорий в сектор индивидуальной жилой застройки (ИЖС) и четырьмя показателями, характеризующими социально-экономическую среду Краснодарского края. В результате рассмотрения данного вопроса был сделан вывод о целесообразности

использования полученной регрессионной модели для решения задач территориального планирования в рамках развития ИЖС. Кроме того, такой подход будет способствовать достижению перспектив устойчивого развития г. Краснодара и созданию комфортных условий для жизнедеятельности населения.

Ключевые слова: корреляционно-регрессионный анализ, федеральная собственность, ИЖС, стратегическое планирование, фактор спроса.

The Use of the Method of Correlation and Regression Analysis to Assess the Impact of Socio-Economic Factors on the Dynamics of the Provision of Land in Federal Property for Private Housing in Krasnodar Krai

Sorokina Anastasiya Sergeyevna
student of the Faculty of Land Management
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: miss.nastiasorokina@yandex.ru

Yarotskaya Yelena Vadimovna
Doctor of Economics, professor, head of the Department of Land Managementand Land Cadastre
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: yarockaya_ev@mail.ru
SPIN Code: 5785-9850

Abstract

This article aims at identifying possible macroeconomic factors affecting the amount of demand among the citizens for purchasing an individual residential house, in order to determine the optimal strategy in the field of managing federal land resources in the territory of the city of Krasnodar. During the statistical analysis, a significant correlation was established between the process of territorial involvement in the individual residential development sector and the four indicators characterizing the socio-economic environment of Krasnodar Krai. As a result of consideration of this issue, it was concluded

that it is advisable to use the obtained regression model to solve the problems of territorial planning in the framework of the development of individual housing construction. In addition, this approach will contribute to achieving the prospects for sustainable development of Krasnodar City and creating comfortable conditions for the life of the population.

Key words: correlation and regression analysis, federal property, private housing, strategic planning, demand factor.

Традиция «жить на земле» в Краснодарском крае, как и в целом на юге России, весьма устойчива. Позицию центра экономического роста данной территории занимает г. Краснодар с его пригородной зоной. Поэтому основным направлением территориального планирования городского округа является формирование в нем функций ядра агломерации и повышение уровня краевой значимости. В связи с этим положения ранее действовавшего генплана по функционально-планировочному развитию муниципального образования (далее по тексту -МО) г. Краснодар были строго ориентированы только на многоквартирное строительство [1]. Вопреки этому, к 2012 г. рынок жилья включал сегмент индивидуальной застройки, который по объемам вводимого жилого фонда оказался практически равным многоквартирному.

В силу аграрного профиля экономики региона к 2019 г. по-прежнему сохранилась тенденция на самостоятельное малоэтажное строительство, в том числе и в городских поселениях. Общая площадь индивидуальных домов имеет наибольший удельный вес в структуре распределения жилищного фонда Краснодарского края - 57,7% от всей площади жилой недвижимости [2]. Выраженная специфика развития градостроительной базы региона в направлении индивидуального жилого строительства (далее по тексту - ИЖС) во многом обусловлена его природно-климатическими условиями, которые создают благоприятную среду для содержания жителями частных домохозяйств в качестве места постоянного проживания, либо для дачного пребывания.

На сегодняшний день МО сохраняет в своих административных границах пространственное преобладание земель индивидуальных домашних хозяйств, 2497 га из которых находится в городской черте и 245 га -в сельских населенных пунктах (таблица 1 и рисунок 1) [3].

Распределение земель жилой застройки Краснодарского края по типам жилой недвижимости

Тип застройки	Общая площадь земель жилой застройки в Краснодарском крае, тыс. га	
	Всего	Из них в МО г. Краснодар
Индивидуальная	43,8	2,7
Многоэтажная	7,9	1,7
Итого	51,7	4,4

Таблица 1

Распределение земель жилой застройки Краснодарского края по типам жилой недвижимости

Рисунок 1

Рынок продажи земельных участков под ИЖС является самым активным сегментом земельного рынка в регионе и тесно взаимосвязан с общим развитием экономики края. Однако на текущий момент действует инерционный сценарий его функционирования, что неблагоприятно сказывается на освоении новых территорий.

Для дальнейшего гармоничного развития градостроительства в МО г. Краснодар в виде агломерационной модели урбанизации проектом нового генплана на период до 2040 г. выделено 2 основных сдерживающих обстоятельства:

1) исчерпаны территории для жилищно-гражданского строительства;
2) имеющийся территориальный резерв представлен землями сельскохозяйственного назначения, находящимися в федеральной собственности.

Являясь резервом для пространственного развития города, земли федеральной собственности фактически остаются нераскрытым потенциалом, так как городская администрация не имеет правомочия распоряжения такими земельными ресурсами. Однако именно на местном уровне необходимо предпринимать меры, которые станут импульсом для запуска более сложного бюрократического процесса вовлечения таких земель в гражданский оборот. Разработка концептуальных предложений, в которых обоснована возможность более эффективного и рационального использования федеральных земель в интересах граждан с учетом перспектив социально-экономического развития МО, может оказаться действенным инструментом для преодоления административных барьеров. Таким образом, при правильном подходе к решению второй проблемы будут найдены оптимальные подходы для решения первой.

В этой связи следует выделить два законодательно определенных пути использования федеральных земель для развития жилищного строительства:

1) прямая передача их в муниципальную собственность [4];
2) использование посредством механизмов деятельности структуры АО «ДОМ.РФ».

АО «ДОМ.РФ» является правительственным институтом развития в жилищной сфере и наделен правом на совершение сделок с земельными участками федеральной собственности [5]. К сожалению, выбор земельного массива силами «ДОМ.РФ» для вовлечения его в гражданско-

правовой оборот и определение типа его застройки не имеют связи с перспективами пространственно-планировочной организации города. Здесь в первую очередь преследуются выгоды акционерного общества и строительного бизнеса. Именно поэтому выделяемые локально участки, несмотря на наличие документации по планировке территории для их освоения, в некоторых случаях не являются примером успешной реализации проектов застройки в силу недостаточной оснащенности инженерной и транспортной инфраструктурой окрестных территорий. В результате у застройщика не хватает резервов для ввода жилья в эксплуатацию, земельные участки остаются «простаивать» годами, а вложенные инвестиции не оправдываются. Такой подход к использованию ценных земель не отвечает принципу рациональности, а механизм принятия решений о предоставлении земель не является эффективным.

В целях повышения уровня подготовки решений в сфере градостроительства следует уделить большое внимание вопросам стратегического планирования. Построение прогнозов способом линейной экстраполяции имеет значительный риск для получения надежного результата: линия устоявшихся в прошлом тенденций может оказаться некорректной при продлении их в будущем, так как не учтет на своем протяжении происходящие кризисные обстановки и изменение закономерностей жизнеустройства. Ввиду этого для установления расчетной потребности в новых территориях для ИЖС целесообразнее использовать корреляционно-регрессионный метод проведения статистического анализа. С его помощью можно выявить конкретные показатели общественно-экономических явлений, которые влияют на изменение исследуемой величины, установить степень и характер их воздействия для последующего принятия оптимальных управленческих решений [6].

Для выполнения массового наблюдения был произведен отбор факторов, которые характеризуют некоторые аспекты макроэкономической среды региона и предположительно могут оказывать влияние на спрос у граждан в приобретении собственного участка для строительства на нем индивидуального дома [2]. После предварительной обработки статисти-

ческого материала выбранный набор показателей представлен в структурированном виде для возможности выполнения математических вычислений. В качестве набора совокупностей был выбран период с 2011 по 2018 гг. с численными значениями факторных признаков, обобщенных по итогам каждого года (таблица 2).

Исходные данные для корреляционно-регрессионного анализа

Год	Площади земель, предоставленные для ИЖС, га	Прирост высокопроизвод. рабочих мест, тыс. ед.	Протяженность автодорог общего пользования местного и регионального значения, км	Среднедушевые денежные доходы населения, р./мес.	Среднее значение удельного показателя кадастровой стоимости земель (УПКСЗ) для вида разрешенного использования (ВРИ)- ИЖС, руб./кв. м
2011	31793	17,2	20995,1	18796	2056,91
2012	32493	19,1	30323,2	21686	1905,1
2013	32630	37,4	30973,4	25777	1905,1
2014	32739	12,9	31682,5	28788	1905,1
2015	32688	-9	32332,1	31375	1905,1
2016	32976	-31,1	32865,6	32798	1905,1
2017	33213	52,3	33546,4	33269	1778,31
2018	33422	75,927	33994,6	33846	1778,31

Таблица 2

Для того чтобы количественно выразить степень влияния отобранных факторов (X_i) на динамику изменения площадей земель ИЖС в ходе предоставления их гражданам на территории Краснодарского края (Y), необходимо составить корреляционную таблицу. С помощью средств для анализа данных в MicrosoftExcel получим матрицу коэффициентов корреляции (r) по взаимосвязям между всеми признаками (таблица 3).

Корреляционная таблица

	Площади земель, предоставленные для ИЖС, га (X_1)	Прирост высокопроизвод. рабочих мест, тыс. ед. (X_2)	Протяженность автодорог общего пользования местного и регионального значения, км (X_3)	Среднедушевые денежные доходы населения, р./мес. (X_4)	Среднее значение УПКСЗ для ВРИ - ИЖС, руб./кв. м (X_5)
Площади земель, предоставленные для ИЖС, га	1				
Прирост высокопроизвод. рабочих мест, тыс. ед.	0,374467309	1			
Протяженность автодорог общего пользования местного и регионального значения, км	0,918472228	0,14383573	1		
Среднедушевые денежные доходы населения, р./мес.	0,91137471	0,102172905	0,855409178	1	
Среднее значение УПКСЗ для ВРИ - ИЖС, руб./кв. м	-0,952498162	-0,551581157	-0,874337509	-0,795920347	1

Таблица 3

Качественная оценка силы установленных связей показывает весьма высокую прямую зависимость между результирующим признаком (площади земель, предоставленные для ИЖС) и двумя факторными переменными:

1) протяженность автомобильных дорог (r = 0,918),
2) среднедушевые денежные доходы населения (r = 0,911).

С экономической точки зрения это означает, что с увеличением общей протяженности путей автосообщения внутри муниципальных образований и между ними, а также с ростом среднемесячных доходов граждан будет возрастать потребительский спрос на приобретение индивидуального дома, вследствие чего увеличится площадь земель индивидуальной жилой застройки. Кроме того, весьма высокая, но обратная связь выявлена при влиянии ценового фактора спроса - средней величины УПКС земельных участков для ИЖС (r = -0,952). В этом случае чем больше значение УПКС, тем менее активно будет осуществляться процесс нового ИЖС. Менее выраженная, умеренная прямая связь установлена в отношении показателя прироста высокопроизводительных рабочих мест (r = 0,374). Следовательно, повышение эффективности труда работников создает дополнительные возможности для проживания населения на собственном земельным участке.

Таким образом, корреляционная зависимость доказала значительность связей между результативным показателем и выбранным набором факторов, а значит, их можно использовать в регрессионном анализе.

Следующим этапом моделирования градостроительных процессов является получение уравнения регрессии с целью определения характера влияния социально-экономических явлений для получения возможности прогнозирования и организации необходимых мероприятий. Полученные результаты регрессионного анализа приведены в таблицах 4-6.

Регрессионная статистика

Множественный R	0,98709666
R-квадрат	0,97435981
Нормированный R-квадрат	0,94017289
Стандартная ошибка	121,140289
Наблюдения	8

Таблица 4

Дисперсионный анализ

	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	4	1673002,59	418251	28,50095	0,010106
Остаток	3	44024,9092	14675	-	-
Итого	7	1717027,5	-	-	-

Таблица 5

Дисперсионный анализ

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
Y-пересечение	35534,8854	6466,4095	5,4953	0,011858	14955,88	56113,9	14955,884	56114
Переменная X1	1,05696479	3,34669711	0,31582	0,772833	-9,593719	11,7076	-9,593719	11,708
Переменная X2	0,02345014	0,04129354	0,56789	0,609833	-0,107964	0,15486	-0,107964	0,1549
Переменная X3	0,034744	0,01788499	1,94263	0,147331	-0,022174	0,09166	-0,022174	0,0917
Переменная X4	-2,388462	2,66902971	-0,8949	0,43679	-10,88251	6,10558	-10,88251	6,1056

Таблица 6

Исходя из данных таблиц 4-6, уравнение регрессии будет иметь вид:

$$Y = 35534,89 + 1,06X_1 + 0,02X_2 + 0,03X_3 + 2,39X_4$$

Коэффициенты при переменных указывают на степень влияния каждой из них на динамику изменения размера площади. На основании этого практический смысл построенной модели можно сформулировать следующим образом. Прирост числа высокопроизводительных рабочих мест в крае на 1 тысячу единиц повысит потребность среди населения в новых территориях для реализации гражданами или строительными

кооперативами индивидуальной жилой застройки на 1,06 га. Аналогичная интерпретация коэффициентов регрессии применима и к остальным исследуемым факторам: увеличение протяженности автодорог на 1 км и среднедушевых доходов населения на 1 рубль в месяц увеличит спрос в рассматриваемых земельных участках на 0,02 и 0,03 га соответственно. В свою очередь, рост среднего значения по краю УПКС, установленного для земельных участков ИЖС, на 1 рубль за квадратный метр повлияет на снижение предоставления площадей на 2,39 га.

Однако необходимо учитывать, что рассмотренная в качестве исходных данных динамика предоставления государственных и муниципальных земельных участков обусловлена опытом предыдущих лет, который сложился на основе заявительного принципа в большинстве случаев по инициативе граждан на получение в собственность индивидуального участка. Объединяя усилия краевой и местных администраций вместе с правом «ДОМ.РФ» по распоряжению землями федеральной собственности, возможно наладить механизм реализации земельных участков, по которым органы власти будут формировать перечни для направления их в «ДОМ.РФ» вместе с разработанными предложениями по освоению. Тем самым инициатива органов местного самоуправления поможет стимулировать инвестиционно-строительную деятельность в рамках реализации общей стратегии пространственного развития и устранить создавшиеся функциональные диспропорции жилых зон МО. Оказываемое содействие для вывода пригодных земель под ИЖС из федеральной собственности на основе решений стратегического планирования, принятых по результатам корреляционно-регрессионного анализа, позволит выделять оптимальные по площади и местоположению участки. Таким способом можно достигнуть баланса в развитии ИЖС и объектов жилищно-коммунального и дорожного хозяйства, увязывая темпы первого с утвержденными программами развития городского хозяйства и тем самым способствуя капитализации организуемых земель.

Таким образом, изменение стратегии местного управления в вопросах распоряжения земельными участками публичной собственности

повлияет на сложившийся темп их вовлечения в оборот, что скажется и на характере спроса. В связи с этим полученные прогнозные значения результативного признака впоследствии могут оказаться более высокими при положительном колебании величин воздействующих факторов спроса. Такие итоговые показатели в совокупности будут указывать на повышение интенсивности использования земельных ресурсов, разумно и взвешено вовлекаемых в хозяйственную деятельность.

Список литературы

1. Открытый Краснодар. Генеральный план города // Официальный интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара. URL: https://krd.ru/podrazdeleniya/administratsii-krasnodara/departament-arkhitektury-i-gradostroitelstva/otkrytyy-krasnodar-generalnyy-plan-goroda (дата обращения: 05.05.2020).

2. Эффективность экономики России // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/folder/11186?print=1 (дата обращения: 05.05.2020).

3. Годовой отчет об использовании земель в Краснодарском крае // Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Краснодарскому краю. URL: https://frskuban.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=10813&Itemid=287 (дата обращения: 05.05.2020).

4. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

5. О содействии развитию жилищного строительства: Федеральный закон от 24.07.2008 № 161-ФЗ // Российская газета. № 160. 30.07.2008.

6. Синякова Е. В. Инновационный сценарий развития рынка индивидуального жилищного строительства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). Т. 2. С. 229–233.

References

1. Open Krasnodar. The General Plan of the City // Official Internet Portal of Krasnodar City Municipal Formation and City Duma of Krasnodar. URL: https://krd.ru/podrazdeleniya/administratsii-krasnodara/departament-arkhitektury-i-gradostroitelstva/otkrytyy-krasnodar-generalnyy-plan-goroda (access date: May 5, 2020).

2. The Effectiveness of the Russian Economy // Federal State Statistic Service. URL: https://www.gks.ru/folder/11186?print=1 (access date: May 5, 2020).

3. Annual Report on Land Use in Krasnodar Krai // Office of the Federal Service for State Registration, Cadastre, and Cartography of Krasnodar Krai. URL: https://frskuban.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=10813&Itemid=287 (access date: May 5, 2020).

4. Land Code of the Russian Federation: Federal Law of October 25, 2001 No. 136-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.

5. On the Promotion of Housing Development: Federal Law of July 24, 2008 No. 161-FZ // Rossiyskaya gazeta. No. 160. July 30, 2008.

6. Sinyakova, E. V. Innovative Development of the Individual House Market // Bulletin of Kemerovo State University. 2015. No. 1 (61). Vol. 2. Pp. 229–233.

УДК/UDC 343.9

Комплексная проблема формирования правосознания личности

Базулина Анна Анатольевна
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики УНК ПСД
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя
г. Москва, Россия
e-mail: anna.bazulina@mail.ru
SPIN-код: 5529-3422

Аннотация

В статье рассматривается актуальный в свете разработки новых подходов к проблеме преступности вопрос правового сознания личности. Автор, опираясь на мнения криминологов, рассматривает противоправную мотивацию личности, выделяет несколько видов мотивов, руководящих людьми с низким уровнем правосознания: самоутверждение, самооправдание, замещающие и игровые мотивы. Автором рассмотрена структура правосознания, состоящая из двух компонентов: правовой идеологии и правовой психологии. Первый структурный элемент характеризуется представлениями, понятиями, суждениями о правовой реальности, а второй выражается в виде оценок, настроений, эмоций относительно правовой действительности. Отличительной особенностью правовой идеологии является тот факт, что она не возникает самопроизвольно, а усваивается путем целенаправленного осмысления права специалистами, затем население усваивать ее с помощью правового воспитания.

Ключевые слова: правосознание, правовое поведение личности, правовое воспитание, противоправная мотивация, антиобщественная ориентация.

A Complex Problem of the Formation of Legal Awareness

Bazulina Anna Anatolyevna
Candidate of Pedagogical Sciences, senior lecturer of the Department of Pedagogy
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russia
e-mail: anna.bazulina@mail.ru
SPIN Code: 5529-3422

Abstract

The article considers the issue of legal awareness of the individual, relevant in the light of the development of new approaches to the problem of crime. The author, based on the opinions of criminologists, examines the unlawful motivation of the individual, identifies several types of the motives that guide people with a low level of legal awareness: self-affirmation, self-justification, substitute motives, and game motives. The author considers the structure of justice, which consists of two components: legal ideology and legal psychology. The first structural element is characterized by representations, concepts, judgments about legal reality, and the second is expressed in the form of assessments, moods, emotions regarding legal reality. A distinctive feature of legal ideology is the fact that it does not occur spontaneously, but is assimilated by the purposeful understanding of the right by specialists, then the population can assimilate it with the help of legal education.

Key words: legal awareness, legal behavior of an individual, legal education, illegal motivation, antisocial orientation.

Правовое сознание как явление духовной жизни оказывает значительное влияние на происходящие жизненные процессы в государстве и обществе в целом. Именно оно способствует объединению народов, социальных групп, этносов, созданию и сохранению порядка в обществе, укреплению его целостности. Здоровое правосознание общества, уважение граждан к принятым законам, правоохранительным органам, соблюдение прав населения является фундаментом эффективного функционирования политической системы. Развитое правосознание личности

является основой верховенства права в цивилизованном обществе, фундаментом правового государства. Воспитание правосознания граждан – необходимая составная часть профилактики правонарушений, борьбы с преступностью.

С точки зрения ряда авторов, правосознание – это своего рода осознание права, проявляющееся в отношении человека, как к действующим законам, так и к желаемым. Права, свободы, ответственность гражданина являются непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность органов государственной власти [1]. Безусловно, данное понятие имеет юридическую природу, однако, правовое сознания рассматривается не только в контексте правового значения. Помимо дисциплин юридического характера, правосознание является важным разделом педагогики, психологии, в том числе психологии девиантного поведения, так как от уровня восприятия и принятия людьми законов и установленных норм зависит порядок в обществе, в социальных группах и, в частности, в умах людей [2].

Правосознание имеет свою структуру, состоящую из двух компонентов: правовой идеологии и правовой психологии. Первый структурный элемент характеризуется представлениями, понятиями, суждениями о правовой реальности, а второй выражается в виде оценок, настроений, эмоций относительно правовой действительности [3]. Отличительной особенностью правовой идеологии является тот факт, что она не возникает самопроизвольно, а усваивается путем целенаправленного осмысления права специалистами, затем население усваивать ее с помощью правового воспитания.

Принято выделять следующие функции правосознания по регулированию поведения людей в обществе:

— познавательная (процессы восприятия и осмысления правовой действительности, установление реальных событий, фактов, явлений через средства массовой информации, законодателей).
— оценочная (оценка конкретных жизненных ситуаций, поступков с точки зрения представления о должном поведении. В дан-

ной ситуации часто прослеживается одобрение антисоциального поведения, в связи с низким уровнем правового сознания оценивающей личности. Как правило, данный феномен наиболее ярко демонстрируется в подростковой среде, в результате чего, общество получает повышенный уровень девиантного поведения несовершеннолетних. Следовательно, необходимо способствовать формированию правового сознания личности, с целью распространения грамотной оценки поведения человека.

— регулятивная (обладание правосознанием порождает мотив конкретного способа поведения. Личность, имея достаточное количество знаний, действует в соответствии со своими установками и принципами. Если это «одобрительные» правом знания, то и поведение личности будет социально приемлемым, а если уровень правосознания человека находится на низшем уровне, то следует ожидать противоправное поведение).

Процесс формирования объективного отношения к закону и законности происходит под влиянием некоторых факторов, которые могут быть внутренними и внешними. Внутренние характеризуются индивидуальными возможностями личности: психофизиологическое состояние человека (заболевания); умственные способности; особенности характера (внушаемость, ведомость, темперамент); уровень профессионального образования. Внешние факторы заключаются в деятельности людей, принимающих законы и людей, излагающих их: СМИ, органы власти, образовательные учреждения, ближайшее окружение. В данном случае информация будет услышана людьми таким образом, каким она будет интерпретирована соответствующими органами [4].

Наличие правосознания у человека определяется его правовым поведением. Деятельность индивидуальна, принимая какое-либо решение, совершая поступок, личность самостоятельно думает и опирается на свои взгляды и убеждения, поэтому индивидуальное правосознание имеет особое значение. Отсутствие правосознания у человека приводит к антиобщественной ориентации личности, что является причиной противоправ-

ного поведения. Представленная ориентация имеет два составляющих ее процесса:

- деформация нормативно-правового сознания личности.

Возникает необходимость в социальном развитии человека, позволяющем ему узнавать и изучать различные нормы поведения: моральные, культурные, правовые и другие. Успешность данного процесса определяется степенью преобразования перечисленных норм в индивидуальные ценности. То есть личность не только наблюдает за правилами поведения в обществе, но и перенимает нормы правильной, правовой жизни в окружающей среде. При отсутствии подобного преобразования происходит нарушение развития правового сознания личности, что включает в себя:

— незнание законов;
— неспособность подчиняться принятым правилам поведения;
— отрицание законов, субъективизм, признание закона бесполезным, несогласие с ним;
— оппозиционная поведенческая установка – неготовность принимать закон, действовать согласно правилам [5].

- противоправная мотивация.

Противоправная мотивация – система главенствующих мотивов личности, приводящих к совершению действий, запрещенных законом. Такими мотивами могут быть внутренние убеждения, потребность, интерес, установка, ценность. Сформированная противоправная мотивация говорит о деформации личности.

Противоправная мотивация может возникнуть из-за стремления к комфортной жизни, быстрому удовлетворению своих потребностей, высокому социальному статусу, агрессии, нахождения человека в криминальной среде, желания находиться в группе, получить ее одобрение, потребности в ощущении риска, опасности. Нежелание и, возможно, неумение человека реализовать себя в обществе правильным, правовым путем приводит к осуществлению им противоправных действий [6].

В результате отсутствия сформированного правосознания личности общество наполняется людьми, которым присуще антисоциальное поведение. В зависимости от причины, повлиявшей на формирование такого человека, выделяют социопатическую и психопатическую личность. Социопатическая личность испытывает потребность в ощущении власти над другими людьми, что выражается в манипулировании ими, стремлении управлять, властвовать, доминировать, установке требования подчиняться. У такого человека проявляются дефекты совести, неспособность понимать и чувствовать людей [7]. Психопатической можно назвать личность, которая неспособна разрешить внутренний конфликт. Такие люди бегут от внутренней реальности, совершая противоправные действия, общество для них выглядит более плохим, чем является на самом деле. Таким образом, люди присваивают обществу личные негативные качества [8]. На социопатическую и психопатическую личность очень трудно воздействовать, потому что такие люди не чувствуют вины за совершенные противоправные поступки, они всегда находят им оправдания. Выделяют следующие способы оправдания:

- отрицание ответственности – человек приписывает себе роль жертвы, перекладывая ответственность на близких;
- отрицание жертвы – преступник считает себя восстановителем справедливости, а жертва – злостный нарушитель;
- отрицание ущерба – человек считает, что его противоправный поступок не причинил никому вреда;
- осуждение судей – преступник обвиняет всех в противоправной деятельности и считает, что никто не достоин его осуждать;
- обращение к высшим обязанностям – преступление совершается ради другого человека и представляет собой путь к осуществлению благородной цели [5].

Отмечается, что при попытке оправдать свои поступки, правонарушители оперируют значимыми для них моральными понятиями, такими как призвание, справедливость, унижение, оскорбление, гордость.

Рассматривая противоправную мотивацию личности, можно выделить несколько видов мотивов, руководящих людьми с низким уровнем правосознания, это мотив самоутверждения, самооправдания, замещающие и игровые мотивы [9]. Они склоняют человека, незнающего и не принимающего закон, на совершение антисоциальных действий.

Рассмотрим каждый из них:

— мотив самоутверждения – человек стремится преодолеть какие-либо страхи неправомерным путем, достичь определенного социального статуса, стать «своим» в группе сверстников;
— мотив замещения – невозможность осуществления поставленной цели замещается достижением другой, более простой цели;
— игровой мотив – преступник в своих противоправных действиях видит игру, которая сопровождается остротой ощущений;
— мотив самооправдания – преступник не осознает степень своей виновности, не осуждает свои действия. Действует механизм психологической самозащиты, который полностью снижает барьеры нравственно-правового контроля.

Можно предположить, что теоретически каждый человек способен совершить преступление. Однако, осуществить незаконное деяние – это личный выбор каждого человека. Неспособные на это люди отличаются тем, что их сдерживающие факторы преобладают над побуждающими [10]. Причина заключается в наличии любимой деятельности, профессии, увлеченности, занятости, удовлетворенности жизнью и, безусловно, вовремя сформированным правосознанием. Можно выделить наиболее важные для правового поведения психологические подсистемы:

— высокий уровень развития правосознания;
— положительная направленность личности;
— нормальное развитие аффективной среды (развитость таких чувств, как любовь, честь, долг, совесть; преобладание позитивных аффектов);
— конструктивный стиль взаимодействия с людьми.

Подводя итог, необходимо отметить, что направление поведенческой мотивации личности напрямую зависит от уровня ее правового сознания. Обладая сформированным правосознанием, человек стремится достичь своих целей законным путем, он реализует себя в окружающей среде посредством своих знаний, возможностей и умений [11]. Так, не заложив основы правосознания у ребенка, родители, педагоги бессознательно обрекают его на путь противоправной мотивации в своем поведении.

Таким образом, правосознание личности является важным фактором, обусловливающим поведение человека в социальных группах, его успешную социализацию либо десоциализацию в обществе. Поэтому, с целью получения законопослушного поколения, необходимо реформировать организацию процесса формирования правосознания личности, обратить внимание на возможные способы и средства, с помощью которых будет реализовываться данная программа.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Рахманова, Е. Н. Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации. Криминологический и уголовно-правовой анализ / Е. Н. Рахманова. - Москва: СИНТЕГ, 2018. 312 с.

3. Андреева И. В. Правосознание в системе детерминант социального поведения личности: авторефер. - Саранск, 2017. 360с.

4. Гулевич О. А. Правосознание и правовая социализация (аналитический обзор). М.: Междунар. общ-во им. Л. С. Выготского, 2016. 347 с.

5. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы. М.: Питер, 2012. 351 с.

6. Самыгин, П. С. Девиантное поведение молодежи: учеб. пособие для студентов вузов / П. С. Самыгин. - Ростов н/Д: Феникс, 2016. 360 с.

7. Аванесов, Г. А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии / Г.А. Аванесов. - М.: Юнити-Дана, 2017. 676 с.

8. Яковлев, А. М. Теория криминологии и социальная практика / А.М. Яковлев. - Москва: Машиностроение, 2017. 248 с.

9. Гилинский, Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль / Я.И. Гилинский. - М.: Юридический центр, 2018. 336 с

10. Козаченко, И. Я. Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / И. Я. Козаченко, К. В. Корсаков. — М. : Издательство Юрайт, 2018. 277 с.

11. Каландаришвили З. Н. Правовая социализация как условие преодоления деформации правового сознания молодёжи, 2016. 456 с.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (Adopted at National Voting on December 12, 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of No. 6-FKZ of December 30, 2008; No. 7-FKZ of December 30, 2008; No. 2-FKZ of February 5, 2014; No. 11-FKZ of July 21, 2014) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398.

2. Rakhmanova, Ye. N. Protecting Human Rights From Criminal Threats in the Context of Globalization: Criminological and Criminal Legal Analysis / Ye. N. Rakhmanova. Moscow: SINTEG, 2018. 312 p.

3. Andreyeva, I. V. Legal Awareness in the System of Determinants of Social Behavior of an Individual. Saransk, 2017. 360 p.

4. Gulevich, O. A. Legal Awareness and Legal Socialization (Analytical Review). Moscow: Vygotskiy International Society, 2016. 347 p.

5. Zmanovskaya, Ye. V., Rybnikov, V. Yu. Deviant Behavior of an Individual and a Group. Moscow: Piter, 2012. 351 p.

6. Samygin, P. S. Deviant Behavior of Youth / P. S. Samygin. Rostov-on-Don: Feniks, 2016. 360 p.

7. Avanesov, G. A. 10 Chapters on Motivation and Motives: Through the Perspective of the Science of Criminology / G. A. Avanesov. Moscow: Unity-Dana, 2017. 676 p.

8. Yakovlev, A. M. Theory of Criminology and Social Practice / A. M. Yakovlev. Moscow: Mashinostroyeniye, 2017. 248 p.

9. Gilinskiy, Ya. I. Deviance, Crime, Social Control / Ya. I. Gilinskiy. Moscow: Yuridicheskiy tsentr, 2018. 336 p.

10. Kozachenko, I. I. Criminology: A Textbook / I. I. Kozachenko, K. V. Korsakov. Moscow: Yurayt, 2018. 277 p.

11. Kalandarishvili, Z. N. Legal Socialization as a Condition for Overcoming the Deformation of the Legal Consciousness of Youth. 2016. 456 p.

УДК/UDC 343

К вопросу оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений

Волченков Владимир Васильевич
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя
г. Москва, Россия
e-mail: kafedraord2010@yandex.ru

Кислый Олег Алексеевич
кандидат педагогических наук
Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Колледж полиции»
г. Москва, Россия
e-mail: razboiniki@yandex.ru

Лукашин Михаил Владимирович
кандидат юридических наук
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Россия
e-mail: piskovo2012@yandex.ru

Аннотация

С учетом практического опыта и теоретического материала, полученного в ходе своей научной деятельности, авторы проанализировали отдельные аспекты оперативно-розыскной деятельности, которые позволяют обеспечивать первоначальный и последующий этапы расследования преступлений с учетом складывающихся следственных и оперативно-розыскных ситуаций. Авторы разработали комплексный подход к рассмотрению вопросов, связанных с латентностью совершаемых преступлений, что затрудняет их расследование лишь уголовно-процессуальными мерами, требующими не только умелого использования сил и средств, но и привлечения их большого количества. В работе рассмотрено понятие «оперативно-розыскное обеспечение» как комплекс мер, основанный на системе оперативно-розыскных знаний, позволяющий сотрудникам следственных подразделений эффективно осуществлять

расследование преступлений, затрачивая на это короткое время, а также минимальные силы и средства.

Ключевые слова: оперативно-розыскное обеспечение; выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений; следователи; сотрудники оперативных подразделений; латентность; силы и средства; следственные и оперативно-розыскные ситуации.

On the Issue of Operational Search Support for the Investigation of Crimes

Volchenkov Vladimir Vasilyevich
Doctor of Law, professor, honored lawyer of Russian Federation
Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
Moscow, Russia
e -mail: kafedraord2010@yandex.ru

Kislyy Oleg Alekseyevich
Candidate of Education Sciences
Moscow Police College
Moscow, Russia
e -mail: razboiniki@yandex.ru

Lukashin Mikhail Vladimirovich
Candidate of Law
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia
e-mail: piskovo2012@yandex.ru

Abstract

Taking into account the practical experience and theoretical material obtained in the course of scientific activity of the authors, they analyzed certain aspects of operational search activities, which allow to ensure the first and second stages of crime investigation, taking into account the emerging investigative and operational search situations. The authors developed a comprehensive approach to the issues dealing with the latency of crimes, which hinders their investigation by criminal procedural measures only, as they require not only the skillful use of forces and means, but also the use of many of them. The authors also consider the concept of operational search support as a set of measures based

on the system of operational search knowledge, which allows employees of investigative departments to effectively investigate crimes, spending minimal time, as well as forces and funds.

Key words: operational search support; detection, prevention, suppression, disclosure, and investigation of crimes; investigators; employees of operational divisions; latency; forces and means; investigative and operational search situations.

В XXI веке преступность не только в Российской Федерации, но и в других государствах превращается в глобальную социальную проблему. Ее характерными чертами является организованность, вооруженность, наличие собственной разведки и контрразведки, целенаправленное уничтожение доказательственной информации вплоть до физического устранения свидетелей. Преступность в данный период времени как вирус, мутируя, приспосабливается к защитным механизмам государства, что делает ее практически недосягаемой для традиционных методов выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования. Изучение развития современной преступности требует теоретико-правового научного анализа и прогноза, так как она, по мнению М. В. Кондратьева, причиняет значительный ущерб различным сферам общественных отношений: здоровью, собственности, экономике, свободе, чести и достоинству человека [1].

Большая часть преступлений совершается латентно, поэтому их выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование является достаточно сложным комплексом уголовно-процессуальных мер, требующих умелого использования сил и средств. Но применение только одних уголовно-процессуальных мер крайне затруднительно, а в большинстве случаев и невозможно. Значимость информации о лицах, совершающих преступления, полученной в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, в уголовном процессе невозможно переоценить. В значительной степени это обусловлено тем, что расследование преступлений осуществляется исключительно уголовно-процессуальными методами, что в современных условиях оказывается

крайне затруднительным, а иногда невозможным. Именно это обстоятельство и вызывает необходимость использовать комплекс оперативно-розыскных мер, представляющих собой особого рода правоохранительную функцию. Ее основным содержанием и характерной чертой является «разведывательно-поисковая сущность» [2], особенность которой состоит в том, что она носит преимущественно негласный характер. Еще на заре становления оперативно-розыскной деятельности понятие «оперативно-розыскное обеспечение» было отражено в служебных документах МВД СССР [3], где была сформулирована его дефиниция. Позднее это понятие изменилось на «оперативное сопровождение уголовных дел». Но, несмотря на изменение понятия, как отмечал В. А Лукашов, «защита личности, общества и государства от преступных проявлений без активного использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности весьма и весьма затруднительна, а зачастую и невозможна» [4].

Именно использование сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности сотрудниками оперативных подразделений является одним из важнейших, неотъемлемых факторов успешного решения задач по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений. В связи с этим правовое реагирование посредством совершенствования уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности есть необходимое условие действий государства в борьбе с преступностью. Вот что говорит по этому поводу А. Ю. Шумилов: «Использование в воздействии на преступность негласных оперативно-розыскных средств и методов наряду с гласными является вынужденной, защитной мерой общества и государства. Они не только одобрили применение против общественно опасных деяний лиц, совершающих преступления, систему законных оперативно-розыскных мероприятий, но и обязали своих представителей осуществлять такого рода деятельность» [5].

В юридической литературе широко применяется термин «криминалистическое обеспечение» расследования преступлений. Крими-

налистика - это наука об образовании и обнаружении следов и технико-криминалистическом обеспечении расследования [6], а понятие оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений представляется более широким. Его можно условно разделить на две составляющие: первая- созидательная, т. е. создание условий по получению интересующей информации, которая не может быть получена при расследовании преступлений, и вторая- деятельная, это ее практическая реализация в соответствии с нормами ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту-УПК РФ) [7]. При этом необходимо отметить, что ни в УПК РФ, ни в Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту - Закон «Об ОРД») [8] нет понятия оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений. Это связано с тем, что данный специфический вид деятельности является самостоятельной прикладной категорией, в рамках которой важно качественно оценить оперативно-розыскную или следственную ситуацию и определить где, когда и как проводить те или иные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Стоит отметить, что оперативно-розыскная деятельность как прикладная наука представляет собой весьма стройную систему понятий, в которую в качестве неотъемлемого ее элемента прочно вошли такие определения, как «оперативно-розыскное сопровождение» и «оперативно-розыскное обеспечение» расследования преступлений. Нам представляется, что понятие «оперативно-розыскное обеспечение» наиболее оптимально. В качестве одного из его направлений рассматривают «организационно-тактический комплекс мер, основанный на системе оперативно-розыскных знаний, навыков и умений сотрудников оперативных подразделений в целях решения задач раскрытия и расследования преступлений» [9], который применяют для создания оптимальных условий, способствующих расследованию преступлений. Анализируя данное понятие и связывая его с самостоятельными организационно-тактическими мерами, включающими в себя реализацию задач сотрудниками оперативных подразделений (ст. 2 Закона «Об ОРД»), следу-

ет вести речь именно об оперативно-розыскном обеспечении. При этом важно понимать, что оперативно-розыскное обеспечение осуществляется одновременно с расследованием преступления, а его окончание связано с передачей уголовного дела в суд. При его осуществлении сотрудники оперативных подразделений, используя силы, средства и методы в соответствии с п.4 ч.2 ст. 38УПК РФ, обеспечивают создание оптимальных условий для успешного расследования преступления. Как считает Е. В. Новицкая, оперативно-розыскному обеспечению присущи следующие элементы:

- теоретические основы обеспечения оперативно-розыскной деятельности: правовые и нравственные основы, правовая и социальная защита, а также психологическая характеристика ее участников;
- организационное обеспечение: основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, документирование преступной деятельности, легализация и использование их результатов в расследовании преступлений;
- материально-техническое обеспечение: криминалистическая техника, информационно-поисковые системы [10].

Важно отметить и специфику оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений, которая заключается в применении гласных и негласных средств, сил и методов, дающих возможность выявлять и познавать события, явления и процессы, скрываемые (маскируемые) при расследовании преступлений, и наличии определенных трудностей в проверке результатов оперативно-розыскной деятельности уголовно-процессуальным путем. Возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности обеспечивается при удовлетворении самих результатов определенным требованиям. Они отражены в Инструкции«О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [11]. В соответствии с п. 18данной Инструкции результаты оперативно-

розыскной деятельности должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно:

— сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены;
— при каких обстоятельствах имело место их обнаружение, сведения о лице (лицах), его совершившем (если они известны), и об очевидцах преступления (если они известны);
— сведения о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу;
— сведения о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Результаты изучения уголовных дел показали, что оперативно-розыскное обеспечение позволяет решать довольно разнообразные задачи, необходимые для качественного расследования преступлений. Например, осуществление оперативного контроля за подозреваемыми, их связями в целях предотвращения новых преступлений или пресечения попытки скрыться от следствия и суда, а также установление их намерений по воспрепятствованию процессу расследования преступлений. В числе таких задач можно назвать:

— Установление лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, выявление ранее неизвестных фактов (эпизодов) противоправной деятельности проходящих по уголовному делу подозреваемых, включая проверку причастности этих лиц к совершению нераскрытых, а также латентных преступлений.
— Выявление дополнительных свидетелей, потерпевших, которые в силу различных причин не обращались в правоохранительные органы с сообщением о преступлении.
— Получение информации, использование которой может служить источником доказательств либо выдвижения обоснованных версий, установление местонахождения похищенного иму-

щества, иных предметов и документов, которые могут стать доказательствами по уголовному делу.

Непосредственный смысл анализа информации заключается в том, что следователь в ходе расследования преступления определяет ее ценность. Одним из элементов оперативно-розыскного обеспечения выступает создание следственно-оперативной группы, в состав которой включаются сотрудники оперативных подразделений. При этом невозможно осуществлять оперативно-розыскное обеспечение расследование преступления, ограничиваясь только решением задач, предусмотренных ст. 2 Закона «Об ОРД».

Оперативно-розыскное обеспечение расследования преступления осуществляется в двух направлениях: в рамках конкретного уголовного дела и за пределами конкретного уголовного дела. Это позволяет организовать работу по составлению и согласованию плана, предусматривающего проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также ускорить процесс обмена информацией между следователями и сотрудниками оперативных подразделений, обеспечить четкое разграничение их компетенции по использованию результатов оперативно-розыскной деятельности. Еще элементом оперативно-розыскного обеспечения является государственная защита участников уголовного судопроизводства, которая представляет собой «реализацию в соответствии с законодательством уполномоченными государственными органами комплекса мер безопасности, направленных на обеспечение состояния защищенности жизни, здоровья или имущества потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в целях создания необходимых условий для надлежащего отправления правосудия» [12].

В то же время для реализации мер оперативно-розыскного обеспечения сотрудники оперативных подразделений не могут занимать пассивные, выжидательные позиции. Они обязаны действовать наступательно в ходе поиска и проверки поступившей информации в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, способствующих рас-

крытию и расследованию преступлений. Важна достаточность использования сил и средств: их должно быть столько, чтобы можно было провести необходимое число следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий за короткий период времени. Плановость их действий предполагает, что задачи оперативно-розыскного обеспечения могут быть успешно разрешены только при условии тщательной предварительной разработки планов, предусматривающих проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Они составляются на основе глубокого и всестороннего анализа типичных оперативно-розыскных и следственных ситуаций. Следственные ситуации имеют постоянную зависимость от внешних и внутренних субъективных и объективных факторов (условий). Важно учитывать, что каждой ситуации придается свое значение, свой смысл, который определяет цель и содержание действий по расследованию преступлений. Оперативно-розыскная ситуация является совокупностью обстоятельств объективного и субъективного свойства, в которых в соответствующий период проводятся оперативно-розыскные мероприятия. В целом их объединяют общие исходные данные, например: подозреваемый скрылся с места преступления, но по отдельным уголовным делам имеются его приметы; подозреваемый скрылся с места преступления, его приметы не установлены; подозреваемый задержан на месте совершения преступления, его личность установлена. В зависимости от складывающихся следственных и оперативно-розыскных ситуаций предлагаются типовые алгоритмы расследования преступлений. Важно подчеркнуть, что своевременный их анализ является основой выдвижения и проверки версий. Версии должны охватывать все реально возможные условия совершенного преступления, будучи логически построенными и основанными на фактических результатах оперативно-розыскной деятельности. При формировании версий получение информации как результата оперативно-розыскной деятельности в начале расследования приобретает важную роль. Ее использование при проверке версий и планировании следственных действий будет являться оптимальным направлением расследования преступления.

Таким образом, оперативно-розыскное обеспечение является созданием благоприятных условий для всестороннего и объективного расследования преступлений. Оперативно-розыскное обеспечение с содержательной стороны представляет собой проведение оперативно-розыскных мероприятий, предназначенных для поиска информации, которая может быть использована в доказывании при расследовании преступлений в соответствии с нормами УПК РФ. Специфика задач и предназначение оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений позволяет, на наш взгляд, рассматривать его в качестве самостоятельной организационно-тактической формы оперативно-розыскной деятельности, представляющей собой определенную систему по непрерывному, своевременному и полному обеспечению уголовного процесса информацией об обстоятельствах расследуемых преступлений. В связи с этим оно должно является приоритетным в деятельности оперативных подразделений, так как от его эффективности зависит реализация одного из важнейших принципов уголовного права - неотвратимости ответственности.

Список литературы

1. Кондратьев М. В. Теоретические аспекты оперативно-розыскного обеспечения выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3 (51). С. 313–317.

2. Волченков В. В. Противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности. Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015. 432 с.

3. История МВД России // Официальный сайт Министерства Внутренних Дел РФ. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/history (дата обращения: 15.04.2020).

4. Лукашов В. А. Сущность и задачи научной организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Лекция. Омск, 1982.

5. Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография: в 3 Т. Т. III: Основные положения. Кн. 1. Объект, предмет и система оперативно-разыскной науки. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2015. 360 с.

6. Лукашин М. В. Некоторые вопросы экспертно-криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности по противодействию незаконному обо-

роту огнестрельного оружия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-1. С. 49–52.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921; 2019. № 14. Ст. 1459.

8. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

9. Жданов А. А. Определение понятия оперативно-разыскного сопровождения расследования преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2 (45). С. 66–70.

10. Новицкая Е. В. Оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений против жизни и здоровья: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2015. 193 с.

11. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // Российская газета. № 282. 13.12.2013.

12. Кислый О. А., Харченко С. В. К вопросу об организации оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42). С. 78–81.

References

1. Kondratjev, M. V. Theoretical Aspects of Operational-Search Support of Detection, Prevention, Suppression and Solution of Crimes // Bulletin of Kemerovo State University. 2012. No. 3 (51). Pp. 313–317.

2. Volchenkov, V. V. Counteraction to Crimes of Terrorist and Extremist Nature: Theoretical and Practical Issues of Operational Search Activity. Moscow: UNITY-DANA, Zakon i pravo, 2015. 432 p.

3. The History of the MIA of Russia // The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/history (access date: April 15, 2020).

4. Lukashov, V. A. The Essence and Tasks of the Scientific Organization of the Operational Search Activities of the Internal Affairs Bodies. Omsk, 1982.

5. Shumilov, A. Yu. Operational Search Science in the Russian Federation / In 3 volumes. Vol. 3: Main Provisions. Book 1: Object, Subject, and System of Operational Investigative Science. Moscow: I. Shumilova's Publishing House, 2015. 360 p.

6. Lukashin, M. V. Some Issues of Forensic Support of Operational Search Activities to Combat the Illicit Trafficking of Firearms // Topical Issues of Combating Crimes and Other Offences. 2015. No. 15-1. Pp. 49–52.

7. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (ed. April 1, 2019) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part 1). Art. 4921; 2019. No. 14. Art. 1459.

8. On Operational and Search Activities: Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Art. 3349.

9. Zhdanov, A. A. The Definition of Operational Search Support for the Investigation of Crimes // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia. 2012. No. 2 (45). Pp. 66–70.

10. Novitskaya, Ye. V. Operational Search Support for the Investigation of Crimes Against Life and Health. Krasnodar, Kuban State University, 2015. 193 p.

11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 776, Ministry of Defense of Russia No. 703, Federal Security Service of Russia No. 509, Federal Security Service of Russia No. 507, Federal Customs Service of Russia No. 1820, Russian Foreign Intelligence Service No. 42, Russian Federal Penitentiary Service No. 535, Federal Security Service of Russia No. 398, Russian Security Code No. 68 of September 27, 2013 On Approval of the Instruction on the Procedure for Presenting the Results of Operational Search Activities to an Inquiry Body, Investigator, or Court (registered in the Russian Ministry of Justice on December 5, 2013 No. 30544) // Rossiyskaya gazeta. No. 282. December 12, 2013.

12. Kisly, O. A., Kharchenko, S. V. Police Detection and Search Operations: How to Organize Work to Detect and Solve Theft from Private Homes // The Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2 (42). Pp. 78–81.

УДК/UDC 346.57

К вопросу о несовершенстве правового регулирования несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций в России

Ковальчук Максим Дмитриевич
магистрант кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: maksim.kowal4uk@yandex.ru

Тычинин Сергей Владимирович
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Россия
профессор кафедры международного частного и предпринимательского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: s_tychinin@mail.ru

Аннотация

В данной научной статье рассмотрены несовершенства правового регулирования несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций России. Исследовано понятие сельскохозяйственной организации, закрепленное в нормах отечественного законодательства, выявлены проблемы в понятийном аппарате. Дана оценка роли арбитражного управляющего, на основании которой были обнаружены недостатки в законодательстве относительно реализации процедуры финансового оздоровления. Анализируются нормы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также Федерального закона «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей». По мнению авторов, существует острая необходимость пересмотра требований к образованию арбитражного управляющего для детального учета специфики производства сельскохозяйственной продукции при реализации процедуры финансового оздоровления сельскохозяйственных организаций.

Ключевые слова: законодательство, несостоятельность, банкротство, сельскохозяйственная организация, сельскохозяйственный товаропроизводитель, арбитражный управляющий, финансовое оздоровление, спецификация, кредитор, задолженность, продовольственная безопасность, характер использования земли.

On Imperfections of Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy) of Agricultural Organizations in Russia

Kovalchuk Maksim Dmitriyevich
student in the master's programme of the Department of the International Private and Business Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: maksim.kowal4uk@yandex.ru

Tychinin Sergey Vladimirovich
Doctor of Law, professor, head of a chair of the Department of Civil Law and Civil Procedures
Belgorod National Research University
Belgorod, Russia
professor of the Department of the International Private and Business Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: s_tychinin@mail.ru

Abstract

The article discusses the imperfections of the legal regulation of insolvency (bankruptcy) of agricultural organizations in Russia. The authors examine the notion of agricultural organization in the norms of the Russian legislation and identify the problems in the conceptual framework. They also give their assessment of the role of the trustee in bankruptcy, which helps in finding shortcomings in the legislation regarding the implementation of the financial recovery procedure. The norms of the Federal Law On Insolvency (Bankruptcy) and of the Federal Law On Financial Recovery of Agricultural Commodity Producers are analyzed. According to the authors, there is an urgent need to revise the requirements for the education of a trustee in bankruptcy in order to have a detailed account of the specifics of agricultural production during the implementation of the financial recovery of agricultural organizations.

Key words: legislation, insolvency, bankruptcy, agricultural organization, agricultural commodity producer, trustee in bankruptcy, financial recovery, specification, creditor, debts, food security, nature of land use.

Проблема несостоятельности (банкротства) субъекта хозяйствования отрасли сельского хозяйства в условиях рыночной экономики представляет собой достаточно распространенное явление. Согласно статистическим данным, на ежегодной основе арбитражные суды Российской Федерации ведут прием десятков тысяч заявлений о признании банкротами юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Цель исследования состоит в выявлении проблематики несостоятельности (банкротства) субъекта хозяйствования отрасли сельского хозяйства относительно российского законодательства, а также в определении направлений решения выявленных несовершенств правовых норм.

На основании поставленной цели задачами исследования являются:

— анализ норм Федерального закона 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту - Закона № 127-ФЗ) [1] и Федерального закона от 09.07.2002 № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» (далее по тексту - Закона № 83-ФЗ) [2];

— определение направлений решения выявленных несовершенств правовых норм.

Тема данного научного исследования была рассмотрена в работах Г. Ф. Шершеневича, С. А. Карелиной, С. Э. Жилинского, М. В. Телюкиной, А. Ф. Мкртчяна, А. С. Радыгиной, Ю. А. Ежова, А. Егорова и др.

Целесообразность представленной темы исследования и ее научной разработки определяется практической значимостью получаемых результатов.

Научная новизна исследования состоит в полученных результатах исследования, которые позволяют корректировать направления россий-

ского законодательства в области несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций.

Теоретическая значимость работы заключается в определении концептуальных направлений развития российского законодательства в области несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций.

Практическая значимость состоит в верной интерпретации и совершенствовании российского законодательства в области несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций, что благоприятно повлияет на экономическую составляющую субъектов хозяйствования выбранной отрасли производства.

Состояние несостоятельности (банкротства) субъектов хозяйствования наступает не только по причине его неконкурентоспособности, но и вследствие недобросовестного характера действий со стороны контрагентов (должников, учредителей, поставщиков и т. д.). Принимая во внимание всю сложность и неоднозначность как экономической, так и правовой среды Российской Федерации, можно сделать вывод, что наиболее нестабильными и уязвимыми с позиции несостоятельности (банкротства) являются организации отрасли сельского хозяйства.

Основы процедуры признания несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций закреплены нормами Закона № 127-ФЗ.

Отметим, что в п. 1 ст. 177 указанного Закона под сельскохозяйственной организацией понимается юридическое лицо, основная деятельность которого заключается в производстве и (или) переработке продукции сельского хозяйства, при этом размер выручки от реализации которой превышает или равен 50% от общей суммы выручки. Необходимо подчеркнуть, что данное определение не содержит уточнений по организационно-правовым формам сельскохозяйственных организаций, что порождает проблематичность в понятийном аппарате применения норм данного закона относительно конкретных субъектов хозяйствования данной отрасли.

Также большой проблемой в понятийном аппарате является несогласованность терминов сельскохозяйственного товаропроизводителя и сельскохозяйственной организации, что порождает правовую путаницу.

Отметим, что положениями Закона № 83-ФЗ закреплено понятие сельскохозяйственного товаропроизводителя, отличительной особенностью которого является структура дохода, который должен состоять на 70% из вырученных средств от реализации сельскохозяйственной продукции. При этом отметим, что в Законе № 127-ФЗ установлено, что под сельскохозяйственной организацией подразумевается субъект, у которого доля в доходе от реализации сельскохозяйственной продукции составляет 50%. На этом основании можно сделать вывод о том, что не все сельскохозяйственные организации являются сельскохозяйственными товаропроизводителями. Данное несогласование двух понятий порождает проблему применения процедуры финансового оздоровления ввиду того, что данный механизм осуществляется на основании Закона № 83-ФЗ, где речь идет именно о сельскохозяйственных товаропроизводителях, при этом не учитывается разрозненность в понятийном аппарате. Поэтому не каждая сельскохозяйственная организация имеет возможность воспользоваться механизмом финансового оздоровления.

По нашему мнению, для устранения выявленной проблемы следует закрепить в Законе № 83-ФЗ понятие «сельскохозяйственные организации».

При признании несостоятельности (банкротства) субъектов, ведущих свою деятельность в отрасли сельского хозяйства, необходимо принимать во внимание социальную значимость этих организаций. На сельских территориях аграрные предприятия выполняют инфраструктурную функцию, поэтому констатация банкротства таких предприятий наносит большой урон социальной составляющей. В этой связи процедура признания сельскохозяйственной организации несостоятельной (банкротом) должна быть четко структурированной и сбалансированной по всем признакам, чтобы решение арбитражного суда о банкротстве выносилось в крайних случаях.

Положениями п 1. ст. 178 Закона № 127-ФЗ установлены нормы, которые предусматривают принятие во внимание при реализации процедуры наблюдения таких признаков, как сезонность производства продукции сельскохозяйственной отрасли, зависимость от природно-климатических условий, а также возможность удовлетворения требований кредиторов за счет доходов, которые могут быть получены сельскохозяйственной организацией по окончании соответствующего периода сельскохозяйственных работ.

Обратим внимание на то, что положениями данного Закона не предусмотрены иные специфические особенности производства сельскохозяйственной продукции. Таким образом, существует необходимость отражения в отечественном законодательстве по вопросам о несостоятельности (банкротстве) сельскохозяйственных организаций такой системы признаков, как:

- селообразующий характер деятельности субъекта хозяйствования;
- характер использования земель;
- большая доля неликвидного имущества на балансе сельскохозяйственных организаций, которые являются трудно реализуемыми;
- повышенный уровень производственного риска.

При анализе отечественного законодательства о банкротстве необходимо обратить особое внимание на практическое отсутствие финансового оздоровления сельскохозяйственных организаций ввиду того, что подобные мероприятия в большинстве случаев приводят к ликвидации данных субъектов хозяйствования, при этом основные производственные средства реализуются по низкой цене. Такого рода ситуация говорит о том, что в настоящих правовых условиях даже экономически стабильное сельскохозяйственное предприятие возможно подвести под процедуру банкротства. Данная проблема может иметь негативные последствия для продовольственной безопасности страны.

Также проблема применения отечественного законодательства относительно несостоятельности (банкротства) сельскохозяйственных организаций состоит в низком уровне подготовки арбитражных управляющих ввиду отсутствия специальных знаний и опыта в области сельскохозяйственного производства. На основании этого арбитражным управляющим довольно сложно разработать план по эффективному восстановлению платежеспособности сельскохозяйственной организации, что в итоге приводит к констатации банкротства.

Следует отметить, что на практике нередким случаем является отсутствие заинтересованности арбитражных управляющих и кредиторов в эффективном проведении процедуры реорганизации в виде внешнего управления и финансового оздоровления. Причиной такой ситуации служит желание быстрого получения непогашенной сельскохозяйственной организацией задолженности посредством признания должника банкротом. Полагаем, что существует острая необходимость пересмотра требований к образованию арбитражного управляющего для детального учета специфики производства сельскохозяйственной продукции при реализации процедуры финансового оздоровления сельскохозяйственных организаций.

Список литературы

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

2. О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей: Федеральный закон от 09.07.2002 № 83-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2787.

References

1. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Art. 4190.

2. On Financial Recovery of Agricultural Commodity Producers: Federal Law of July 9, 2002 No. 83-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 28. Art. 2787.

УДК/UDC 343.9

Преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности как объект криминалистического исследования

Малимонова Анастасия Сергеевна
аспирантка кафедры криминалистики
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: needle_mas@bk.ru

Аннотация

Преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности являются объектом криминалистического исследования. Несмотря на то, что во всем мире хорошо известно о таком виде преступности, существует нехватка посвященных ей научных исследований. Активно развивается криминалистическая литература по отдельным преступлениям в сфере обеспечения продовольственной безопасности, но их комплексное исследование до сих пор не проводилось. Автор приводит легальные определения понятия продовольственной безопасности, содержащиеся в международных актах, а также в законодательстве Российской Федерации. В статье обосновывается необходимость выработки понятия преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности в связи с отсутствием такового в уголовном законодательстве. В работе описаны и кратко охарактеризованы специфические черты рассматриваемых преступлений, формулировано понятие преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности с криминалистической точки зрения.

Ключевые слова: преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности, продовольственная безопасность, криминалистическое понятие преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности, система преступлений, пищевая продукция.

Food Security Crimes as an Object of Forensic Researches

Malimonova Anastasiya Sergeyevna
graduate student of the Department of Criminology
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: needle_mas@bk.ru

Abstract

Food security crimes are an object of forensic researches. Although a high level of awareness of the crimes exists globally, there is a lack of academic research into the phenomenon. Forensic literature on selected food security offenses is actively developing, but its complex study has not yet been conducted. The author provides legal definitions of the term of food security contained in international law, as well as in the legislation of the Russian Federation. The article substantiates the need to develop the concept of the food security crimes, due to the lack of such in the criminal law. The article describes and briefly characterizes the specific features of the food security crimes, drafts the concept of food security crimes in the forensic terms.

Key words: food security crimes, food security, forensic concept of the food security crimes, crimes system, food products.

Продовольственная безопасность государства (далее - ПБ) - одна из составляющих частей национальной безопасности. Обеспечение национальной безопасности всеми методами, в том числе криминалистическими, является приоритетным направлением деятельности любого государства.

Уголовный кодекс РФ (далее - УК РФ) [1] предусматривает наказания за деяния, посягающие на ПБ государства. Но сами понятия преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности или ПБ в тексте кодекса не используются. Поэтому криминалистическое исследование понятия «преступление в сфере обеспечения продовольственной безопасности»актуально для построения методики расследования таких

преступлений. В связи с этим необходимо изучить, что в законодательстве понимается под ПБ, поскольку без определения признаков ПБ нельзя выработать средства и методы раскрытия и расследования преступлений, посягающих на эту сферу общественных отношений.

Одной из главных задач криминалистики как науки является всестороннее изучение, выражение в научном определении тех процессов и явлений, которые отражаются в объективной действительности при совершении преступлений. Несмотря на то, что криминалистическое понятие не имеет нормативного характера, оно включает те сведения о процессах, явлениях, их свойствах и признаках, которые позволяют следователю установить достаточные данные, указывающие на признаки преступления, необходимые для принятия законного и обоснованного процессуального решения и для расследования преступления [2].

Представляется необходимым изучить понятия, характеризующие преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности, поскольку при анализе нормы уголовного закона, устанавливающей ответственность за совершение преступных действий (бездействий), в первую очередь устанавливается значение и смысл дефиниций. Без этого невозможно установление события преступления, способов его совершения и других обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Целью настоящего исследования является выработка криминалистического понятия преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности государства.

В качестве задач исследования выступают:

— анализ определений понятия «продовольственная безопасность», содержащихся в законодательстве Российской Федерации и в международных правовых актах;
— определение действий, посягающих на ПБ;
— выявление характерных черт преступлений в сфере обеспечения ПБ;
— определение характеристики специфических черт преступлений в сфере обеспечения ПБ.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили как философские, общенаучные принципы и методы, так и отдельные частнонаучные методологические положения: это методы анализа, синтеза, дедукции и индукции. Такие методы, как анализ и синтез информации, посвященной проблемам изучения уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, позволили составить единое представление о понятии, сущности и соотношении (взаимосвязи) его структурных элементов.

Для того чтобы определить, что понимается под преступлениями в сфере обеспечения ПБ с криминалистической токи зрения, прежде всего необходимо исследовать, что в законодательстве подразумевается под термином ПБ.

Впервые понятие ПБ было сформулировано в 1974 году во Всеобщей декларации о ликвидации голода и недоедания, которая под продовольственной безопасностью понимает «сохранение стабильности на рынках продовольственных товаров при доступности базовых продуктов питания для всех стран мира» [3].

В дальнейшем к этой теме неоднократно возвращались на различных мероприятиях международного масштаба, и понятие ПБ корректировалось в зависимости от текущих проблем и задач. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности 2009 года является самым поздним международным актом, содержащим дефиницию понятия ПБ. Согласно данной Декларации «продовольственная безопасность существует, когда все люди всегда имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасного и полноценного продовольствия для удовлетворения своих диетических потребностей и пищевых предпочтений для ведения активной и здоровой жизни» [4].

В рамках СНГ действует модельный закон «О продовольственной безопасности», определяющий, что ПБ государства -состояние экономики государства, когда обеспечивается продовольственная независимость страны и гарантируется физическая и экономическая доступность про-

дуктов питания для всего населения в количестве, необходимом для активной и здоровой жизни [5].

Что касается правового поля Российской Федерации, здесь понятие ПБ также законодательно закреплено. Согласно действующей Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 21.01.2020№ 20, ПБ - «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни» [6].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [7] указывает, что ПБ обеспечивается за счет достижения продовольственной независимости; ускоренного развития и модернизации, а также господдержки агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, пищевой промышленности; повышения плодородия почв, предотвращения истощения и сокращения площадей сельскохозяйственных земель и пахотных угодий и др. А экономическая безопасность обеспечивается защитой отечественных производителей, ведущих деятельность в области ПБ.

Таким образом, ПБ напрямую связана с национальной и экономической безопасностью государства, а деятельность в области ПБ является экономической.

До 2020 года отечественные НПА не знали понятия «пищевая продукция», но существовали два иных понятия, имевших свои собственные дефиниции,- «пищевые продукты» и «продовольственные товары». Но после принятия новой Доктрины ПБ ряд нормативных актов был приведен в соответствие с ней. Так, поправки к ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [8] установили тождество понятий «пищевые продукты», «пищевая продукция», «продовольственные товары»и «продукты питания». Это продукты животного, растительного, микро-

биологического, минерального, искусственного или биотехнологического происхождения в натуральном, обработанном или переработанном виде, которые предназначены для употребления человеком в пищу, в т. ч. специализированная пищевая продукция, питьевая вода, расфасованная в емкости, питьевая минеральная вода, алкогольная продукция (в т. ч. пиво и напитки на его основе), безалкогольные напитки, БАДы к пище, жевательная резинка, закваски и стартовые культуры микроорганизмов, дрожжи, пищевые добавки и ароматизаторы, а также продовольственное сырье.

Стоит заметить, что нынешнее определение понятия «пищевые продукты», содержащееся в отечественных НПА, полностью соответствует нормативным актам Таможенного союза [9], закрепляющим аналогичное определение.

Из существующего понятия ПБ вытекает, что действиями, посягающими на ПБ государства, являются:

— действия, направленные на подрыв продовольственной независимости страны;
— действия, направленные на создание трудностей для физической и экономической доступности пищевой продукции для населения;
— нарушение обязательных требований, предъявляемых к пищевой продукции;
— действия (бездействия), повлекшие необеспеченность населения рациональным объемом потребления пищевой продукции.

УК РФ содержит нормы, по которым при определенных обстоятельствах может наступить уголовная ответственность за каждый названный вид действий. Эти нормы рассредоточены по различным разделам и главам кодекса, что позволяет говорить о наличии целой группы преступлений.

Преступления в сфере обеспечения ПБ имеют специфические признаки.

Первый признак — осуществление хозяйственной деятельности субъекта преступления в рамках продовольственной цепи. Продовольственная цепь — процесс, обуславливающий перемещение продуктов питания от производителя к потребителю. Продовольственная цепь осуществляет ряд функций по доставке продукта от поля до конечного потребителя: заготовка, сортировка, транспортировка, хранение, переработка, распределение и т. п. [10] Ущерб пищевым продуктам может быть нанесен на любом этапе продовольственной цепи. Поэтому каждый участник цепи — от производителя до потребителя —играет свою роль в обеспечении безопасности продуктов питания.

Второй признак — нарушение обязательных требований, предъявляемых к продуктам питания, или правил, влияющих на безопасность пищевой продукции. В настоящий момент ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [8] определяет безопасность пищевой продукции через ее качество. Качество пищевых продуктов понимается как совокупность характеристик безопасных пищевых продуктов, отвечающих требованиям, установленным в соответствии с законодательством РФ, условиям договора, образцу, документам по стандартизации, технической документации, определяющим их потребительские свойства, пищевую ценность, аутентичность, сортность, и удовлетворяющих физиологические потребности человека.

Закон РФ «О защите прав потребителей» [11] обязывает обеспечить безопасность товаров, продовольственных в том числе, при их использовании, хранении, транспортировке и утилизации.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [8] обязательные требования к пищевым продуктам устанавливаются законодательством РФ. В России существует огромное количество нормативно-правовых актов различной юридической силы, регулирующих продовольственную сферу: от актов, издаваемых специализированными министерствами и ведомствами (федеральными и региональными), до федеральных законов и международных правовых актов. При этом детальная регламентация зачастую не упорядочивает отноше-

ния, а создает еще большую путаницу ввиду того, что с таким массивом документов тяжело разобраться как производителям продовольственных товаров, так и самим контролирующим органам и лицам.

При разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела и привлечении к ответственности следует иметь в виду, что в обращении (производство (изготовление), упаковка, реализация, хранение, перевозка и использование продуктов на территории РФ) могут находиться только те пищевые продукты, которые соответствуют установленным требованиям и прошли подтверждение соответствия.

Законом запрещено обращение следующих продуктов:

— которые являются опасными и (или) некачественными по органолептическим показателям;
— которые не соответствуют представленной информации, в том числе имеют в своем составе нормируемые вещества в количествах, не соответствующих установленным в соответствии с законодательством Российской Федерации значениям, и (или) содержат предметы, частицы, вещества и организмы, которые образовались или были добавлены в процессе производства пищевых продуктов, наличие которых может оказать вредное воздействие на человека, информация о которых до потребителя не доведена, и (или) которые не имеют установленных сроков годности или срок годности которых истек, и (или) показатели которых не соответствуют требованиям, установленным в соответствии с законодательством Российской Федерации, образцу, документам по стандартизации, технической документации;
— в отношении которых установлен факт фальсификации;
— в отношении которых не может быть подтверждена прослеживаемость;
— которые не имеют маркировки, содержащей сведения о пищевых продуктах, либо в отношении которых не имеется таких сведений;
— которые не имеют товаросопроводительных документов [8].

Для рассматриваемой сферы деятельности типичны и экологические преступления. Следует отметить, что при совершении таких преступлений требования к безопасности пищевой продукции не нарушаются, однако нарушаются иные правила и требования (ветеринарные, фитосанитарные, санитарно-эпидемиологические и другие), что в итоге влияет на безопасность продуктов питания.

Формальное и нормативное несоблюдение правил и требований, установленных относительно качества и безопасности пищевых продуктов, наличие трудностей и непонимания, возникающих из-за перераспределения ответственности между федеральными органами и органами субъектов, объясняют необходимость контроля над осуществлением успешной продовольственной политики, а следовательно, усиленной уголовно-правовой защиты. Более того, многие производители располагают полномочиями в установлении некоторых стандартов организаций, что не всегда соответствует общим стандартам [12].

Третий признак -наступление последствий, установленных УК РФ. Важно отметить, что наличие обстоятельств, установленных ст. 3 ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [8] и препятствующих обороту продукции, либо их несоответствие обязательным требованиям сами по себе не образуют состава уголовного преступления.

Например, для привлечения к ответственности по ст. 238 УК РФ [1] необходимо, чтобы такие продукты представляли реальную опасность для жизни или здоровья человека [13], по ст. 236 УК РФ [1]-при массовом отравлении или заболевании людей либо при летальном исходе, а по ч. 3 ст. 171.1 УК РФ [1] - при совершении преступления в крупном размере.

Нарушение обязательных требований к безопасности пищевых продуктов может повлечь за собой административную ответственность при отсутствии последствий, определенных уголовным законом.

Рассмотренные выше признаки в полной мере относятся лишь к тем преступлениям в сфере обеспечения ПБ, видовым объектом которых является экология и здоровье населения, иные реже.

Другая часть исследуемой группы преступлений относится к экономическим, они совершаются в процессе реализации профессиональных функций путем нарушения норм, регулирующих определенные отношения, направления профессиональной деятельности, регламентирующие права и обязанности их участников. Но эти преступления не всегда сопряжены с нарушением правил нормативного характера [14, с. 38].

Для них не типичны второй и третий признаки ввиду того, что составы преступлений в большинстве своем являются формальными, поэтому наступления вредных последствий не требуется, за исключением, например, ст. 171 и 178 УК РФ [1]. Кроме того, у этих преступлений разные объекты, требования к безопасности пищевых продуктов не нарушаются. Однако могут быть нарушены иные правила, такие как антимонопольные, что, вероятно, повлечет за собой неблагоприятные последствия для ПБ государства.

Экономические преступления непосредственно не влияют на безопасность пищевых продуктов, но наносят вред ПБ в целом, потому что в итоге может оказаться под угрозой продовольственная независимость РФ или доступность продовольствия населению.

Одна из основных проблем деятельности правоохранительных органов по раскрытию и пресечению преступлений в сфере обеспечения ПБ заключается в том, что они охватывают широкий спектр преступных действий различных видов и уровней опасности. Рассматриваемые преступления образуют систему, элементами которой являются различные по уголовно-правовым характеристикам и квалификации общественно опасные деяния. Однако с криминалистической точки зрения они образуют родственную группу преступлений.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующее понятие преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности - это общественно опасные уголовно наказуемые деяния, посягающие на отношения в сфере оборота пищевой продукции (производство (изготовление), упаковка, реализация, хранение, перевозка и использование), а также на установленный законом порядок организации и ведения

экономической деятельности юридических и физических лиц, участвующих в обороте пищевой продукции, которые выражаются в причинении имущественного ущерба государству, организациям, физическим лицам и (или) сопряжены с причинением вреда жизни и здоровью граждан и (или) окружающей среде.

Уделять внимание преступлениям в сфере обеспечения ПБ необходимо, т. к. они создают недобросовестную конкуренцию предприятиям, относящимся к пищевой промышленности во всем мире, следовательно, влияют на рыночные механизмы. Это приводит к огромным экономическим потерям для государств и потребителей, а также оказывает пагубное влияние на экологическую среду и здоровье населения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Куемжиева Е. Г. К вопросу о криминалистическом понятии фальсификации единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 332–337.

3. Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания (принята Всемирной продовольственной конференцией 16.11.1974) // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hunger.shtml (дата обращения: 05.03.2020).

4. Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности. Рим, 16-18 ноября 2009 г. // Официальный сайт ФАО. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (дата обращения: 01.03.2020).

5. Модельный закон о продовольственной безопасности. Принят в г. Санкт-Петербурге 16.10.1999 Постановлением 14-10 на 14-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ //Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2000. № 23. С. 155–161.

6. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // СЗ РФ. 27.01.2020. № 4. Ст. 345.

7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание Законодательства Российской Федерации.2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

8. О качестве и безопасности пищевых продуктов: Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 150.

9. О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (вместе с «ТР ТС 021/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности пищевой продукции»): Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 880 // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/_layouts/Lanit.EEC.Desicions/Download.aspx?IsDlg=0&ID=2182&print=1 (дата обращения: 15.03.2020).

10. Серова Е., Храмова И. Структура и функции агропродовольственных рынков в России // Фонд Исследования Аграрного Развития. URL: http://fadr.msu.ru/iet/Food-chains.htm#_ftnref1 (дата обращения: 21.03.2020).

11. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

12. Буянский С. Г., Чупилина Т. С. Экономические преступления в сфере обеспечения продовольственной безопасности России // Проблемы Науки. 2016. № 11 (53). С. 83–85.

13. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 // Российская Газета. № 142. 03.07.2019.

14. Пахомов С. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере агропромышленного комплекса и их криминалистическая классификация // Вестник Восточно-сибирского института МВД России. № 1(88). 2019. С. 32–41.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

2. Kuemzhieva, E. G. To the Question Aboutthe Forensicnotion of the Falsification of Integrated State Register of Legal Entities, Register of Owners of Stocks Orsystems of Depository Stocktaking // Humanities, Social-Economic and Social Sciences. 2015. No. 6. Pp. 332–337.

3. The Universal Declaration on Hunger and Malnutrition // United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hunger.shtml (access date: March 15, 2020).

4. Declaration of the World Summit on Food Security // United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (access date: March 1, 2020).

5. Food Security Model Act. Adopted in St. Petersburg on October 16, 1999 by Resolution 14-10 at the 14th plenary level of the Inter-Parliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States // Newsletter. Inter-Parliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States. 2000. No. 23. Pp. 155–161.

6. On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 4. Art. 345.

7. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (Part II). Art. 212.

8. On the Quality and Safety of Food Products: Federal Law of January 2, 2000 No. 29-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 2. Art. 150.

9. On the Application of the Technical Regulation of the Customs Union On Food Safety: Decision of the Customs Union of December 9, 2011 No. 880 // Eurasian Economic Commission. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/_layouts/Lanit.EEC.Desicions/Download.aspx?IsDlg=0&ID=2182&print=1 (access date: March 15, 2020).

10. Serova, Ye., Khramova, I. The Structure and Functions of Agri-Food Markets of Russia / Ye Serova, I. Khramova // Foundation for Agrarian Development Research. URL: http://fadr.msu.ru/iet/Food-chains.htm#_ftnref1 (access date: March 15, 2020).

11. On Protection of Consumer Rights: Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-1 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No 3. Art. 140.

12. Buyanskiy, S. G., Chupilina, T. S. Economic Crimes in the Field of Ensuring Food Security in Russia // Problems of Science. 2016. No. 11 (53). Pp. 83–85.

13. The Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 25, 2019 No. 18 // Russian Newspaper. No. 142. July 3, 2019.

14. Pakhomov, S. V. Criminal Characteristic of Crimes in the Sphere of Agro-Industrial Complex and Their Criminalistic Classification // Vestnik: Eastern Siberia Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation. No. 1 (88). 2019. Pp. 32–41.

УДК/UDC 347.1; 347.451

Способность товара быть потребленным как основное свойство товара

Марухно Василиса Михайловна
кандидат юридических наук, доцент кафедры философии, психологии и педагогики
Кубанский государственный медицинский университет министерства
здравоохранения Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
e-mail: vasilisa_amg@mail.ru

Руденко Евгения Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: golushko1@rambler.ru
SPIN-код: 3898-8331

Аннотация

Понятие «товар» является одним из ключевых в праве и в законодательстве. Посредством товара удовлетворяются имущественные потребности, которые возникают и существуют постоянно. Несмотря на то что понятие «товар» является межотраслевым, первичное и основное регулирование вопросов, связанных с товаром, осуществляется и должно осуществляться в плоскости гражданского права. Авторы рассматривают основное, по их мнению, свойство товара как гражданско-правовой категории. Таким свойством является способность товара быть потребленным. Авторы приходят к выводу, что именно это свойство предопределяет объекты, могущие стать товаром (материальные объекты, не сводимые исключительно к вещи); субъектов сделок купли-продажи (предприниматели и непредприниматели, поскольку потребление не зависит от того, занимается лицо предпринимательской деятельностью или нет) и, в конечном итоге, правовое регулирование — гражданско-правовое.

Ключевые слова: товар, имущество, имущественные отношения, товарно-денежные отношения, потребление, потребность.

The Ability of Goods to Be Consumed as Their Main Property

Marukhno Vasilisa Mikhaylovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Philosophy, Psychology and Pedagogy
Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
e-mail: vasilisa_amg@mail.ru
SPIN Code: 9596-2984

Rudenko Yevgeniya Yuryevna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Civil Rights
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: golushko1@rambler.ru
SPIN Code: 3898-8331

Abstract

The concept of goods is one of the key concepts in law and legislation. Goods satisfy the property needs which are constantly arising. Despite the fact that the concept of goods is interdisciplinary, the primary and basic regulation of issues related to goods is and should be implemented in terms of civil law. The authors examine the main, in their opinion, property of goods as a civil legal category. This property is the ability of goods to be consumed. Thus, the authors conclude that this property predetermines the objects that can become goods (these are tangible objects not reduced only to thing); the subjects of sales transactions (entrepreneurs and non-entrepreneurs, as consumption does not depend on the fact if a person is an entrepreneur or not); and, accordingly, its legal regulation, i. e. civil legal.

Key words: goods, property, property relations, commodity-money relations, consumption, need.

Анализ современного российского права и законодательства показывает, что понятие «товар» используется часто. Можно с уверенностью утверждать, что понятие «товар» является межотраслевым. Это порож-

дает определенные проблемы в понимании свойств и содержания понятия, поскольку и исследователи, и законодатель имеют совершенно различные точки зрения по данным вопросам. Во многом это связано с целями использования понятия «товар». Так, в некоторых нормативных актах делается специальная оговорка о том, что данное понятие используется исключительно в целях конкретного нормативного акта.

Исторически понятие «товар» – гражданско-правовая категория и в первую очередь ее нужно рассматривать с позиций гражданского права. На этом основании мы не считаем товаром услуги и работы, как это делается в отдельных специальных нормативных актах.

Определение всех свойств товара, которые выделяют его среди прочих объектов, не входит в предмет настоящей работы. Мы проанализируем основное, как мы считаем, свойство товара, которое не юридическое по своей сути, но имеет принципиальное значение для понимания товара именно как гражданско-правовой категории.

Основным свойством товара, по нашему мнению, следует считать способность товара быть потребленным. Причем для того, чтобы называться товаром, объект не обязательно должен быть предназначен для потребления. Именно свойство товара – его способность быть потребленным – на наш взгляд, выделяет товар среди прочих объектов.

Согласно толковому словарю В. И. Даля слово «потреблять» означает расходовать, издерживать, истратить на какую-то надобность, съедать, губить, уничтожать, износить, нужду (необходимость), надобность [1]. Из определения следует, что потребление означает также нужду в чем-либо. Здесь мы не можем говорить исключительно о нужде в вещах. Нужда может находиться также, например, в плоскости духовности или культуры. Нужду можно определить как потребность. В широком смысле потребность представляет собой «надобность, нужду в чем-либо, необходимость в обеспечении нормальных условий жизнедеятельности человека и функционирования различных органов» [2, с. 42-43]. Вместе с тем, несмотря на то, что понятие «потребление» определяется, в том числе, через понятие «потребность», они не являются тождественными.

Гегель определял потребление как осуществление назначения вещи путем ее уничтожения, изменения или поглощения [3, с. 23]. В литературе встречается мнение, что потребление – «это непосредственное участие в производстве (потребление как «отрицательное производство» и в то же время ресурс для производства благ)» [4, с. 17]. Полагаем, что потребление всегда представляет собой процесс, направленный либо на извлечение полезных свойств объекта, либо на его изменение, либо на уничтожение/прекращение существования. Потребность же – некое статическое явление, «необходимость, основа действий людей, побудительный мотив их поведения» [2, с. 53].

Потребление может быть направлено не только на вещь, но и на объект, вещью не являющийся. Главное условие для процесса потребления: объект потребления должен быть материальным. Вещи материальны, поэтому логично, что в ст. 454 ГК РФ [5] законодатель называет товаром вещь. Уже много лет сомнению подвергается включение в число объектов купли-продажи энергии и предприятия. Полагаем, что сомнения здесь все же напрасны.

Товар должен иметь возможность быть потребленным. Потребить можно только то, что материально. Материальным явлениям противопоставляются идеальные явления, которые по своей природе являются информационными (результаты интеллектуальный деятельности, деловая репутация, имя и др.) или психологическими (достоинство, честь, тайна и др.) [3, с. 84]. Очевидно, что идеальные явления не могут быть потреблены в силу своей нематериальности. И энергия, и предприятие по своей сути материальны. Предвидя возражения относительно материальности энергии, приведем, как доказанный факт, мнение авторитетного исследователя в области энергетического права – П. Г. Лахно, который утверждает, что энергия – «самостоятельное явление материального мира и самостоятельный объект гражданских (и не только!) прав, не тождественный имуществу (вещи)» [6]. Энергия, также как и предприятие, может быть потреблена. Более того, потребление энергии есть цель ее существования в гражданском обороте.

Таким образом, именно возможность потребления товара позволяет объяснить включение энергии и предприятия в число объектов купли-продажи.

Исходя из определения понятия «потребление», данного нами выше, потребителями товаров являются и предприниматели, и физические лица. Например, юридические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, могут приобретать товар для производства других товаров, для обеспечения внутрихозяйственной деятельности. Вместе с тем, в науке главенствует мнение, что существенной чертой, выделяющей товар из общей массы объектов, является особая сфера его оборота. Товар является предметом исключительно предпринимательского оборота: «Сужение сферы применения понятия «товар» только предпринимательским оборотом означает, ... , что субъектами права на товар могут быть не все лица гражданского прав, а только субъекты предпринимательской деятельности. ... попадая в собственность физического лица, не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, объект либо прекращает свое бытие именно в качестве именно товара, либо (если субъект совершает с товаром действия, подпадающие под определения предпринимательских) такого субъекта следует рассматривать как предпринимателя» [7, с. 76]. Из этого утверждения следует, что товар может обращаться только в целях получения прибыли в результате совершения торговых сделок. Во всех остальных случаях объект сделок, похожих на торговые, не является товаром и, следовательно, на правоотношения сторон не будут распространяться нормы о торговых сделках. Но ведь, по сути, торговые сделки – это сделки купли-продажи, с той лишь особенностью, что совершают их предприниматели. Тогда чем будет объект сделки розничной купли-продажи или купли-продажи, в которой, например, физическое лицо-непредприниматель продает впервые созданный им объект другому физическому лицу-непредпринимателю? Этот объект будет товаром, а сделка – сделкой купли-продажи.

Как и в случае с непредпринимателями, сделки купли-продажи с участием предпринимателей регулируются нормами гражданского пра-

ва. Разницу между правоотношениями составляет лишь оборот, в котором совершаются сделки купли-продажи. В случае с непредпринимателями сделки совершаются в плоскости экономического оборота, а в случае с предпринимателями – торгового оборота. Вместе с тем, отношения, складывающиеся в процессе совершения сделок купли-продажи, независимо от оборота, в котором они совершаются, есть суть одного и того же. Шершеневич Г. Ф. писал, что торговля (а процессы совершения сделок и есть по сути – торговля) в широком смысле (в житейском ее понимании) есть деятельность, направленная на устранение разобщения между производителем и потребителем [8]. В узком смысле торговля есть промысловая деятельность, направленная на посредничество в обороте товаров, т.е. деятельность, заключаемая в покупке товаров с целью дальнейшей продажи без существенной переработки товаров. «Сделки, лишенные признака посредничества, не входят в торговый оборот, а являются составной частью экономического оборота. Экономический оборот, в свою очередь, является частью гражданского оборота. Наиболее широким понятием является гражданский оборот, поскольку он включает и безвозмездные действия» [9, с. 25].

Вместе с тем, совершенно очевидно, что в обоих случаях правовое регулирование едино. Отношения указанных выше субъектов регулируются нормами гражданского права, потому что отношения этих субъектов – товарно-денежные. Как пишет профессор Рыженков А. Я., имущественные отношения, составляющие предмет гражданского права, обусловлены товарным производством, в результате чего имущественные отношения наделяются товарно-денежными признаками: «определяющим качеством имущественных отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования, ... является их стоимостное/товарное качество» [10, с. 75, 82]. Конечная цель производства – обеспечение имущественных потребностей, что реализуется в сфере имущественных отношений. Имущественные потребности напрямую связаны с полезностью объекта для конкретного потребителя. Полезность объекта, в свою очередь, делает его потребительной стоимостью. Меновую стоимость товара

составляет его способность быть обмененным на другие объекты, в т.ч. на деньги. Потребительская стоимость товара – его качественная характеристика, меновая – количественная [11, с. 50]. Отсюда количество и качество товара как существенные условия договоров купли-продажи.

Подводя итог вышесказанному, приходим к следующим выводам. Способность объекта быть потребленным есть основное свойство товара, выделяющее его среди прочих объектов. Товаром является материальный объект. Обращение товаров регулируется нормами гражданского права.

Список литературы

1. Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс] / Слоаврьдаля.нет. URL: https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=31831 (дата обращения 11.02.2020).

2. Баринов Н. А. Цивилистическое учение о потребностях: вопросы теории и практики: монография. М.: Издательская группа «Юрист», 2012. 166 с.

3. Рыженков А. Я. Введение в философию гражданского права: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 184 с.

4. Овруцкий А. В. Социальная онтология потребления: научные представления, модели, общество потребления: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Дону, 2012. 12 с.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

6. Лахно П. Г. Энергетическое право Российской Федерации: Становление и развитие. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2014 480 с.

7. Руденко А. В. Юридическое содержание понятия «товар» // Вестник ОГУ. 2005. №4. С. 69-76.

8. Учебник торгового права / Шершеневич Г. Ф., проф. Моск. ун-та; Вступ. ст.: В. Краснокутский. – 9-е изд. (второе посмерт.). – М.: Моск. Науч. Изд-во, 1919. 389 с.

9. Андреева Л. А., Ершова И. В., История российского предпринимательского (хозяйственного) и коммерческого (торгового) права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 1 (5). С. 23-35.

10. Рыженков А. Я. Товарно-денежные отношения в советском гражданском праве. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 232 с.

11. Фрайман А. С. «Качество» как философская категория // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 9 (264). Экономика. Вып. 37. С. 46-51.

References

1. Online Dahl's Explanatory Dictionary. URL: https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=31831 (access date: 11.02.2020).

2. Barinov, N. A. Civilistic Doctrine of Needs: Theory and Practice. Moscow: Yurist, 2012. 166 p.

3. Ryzhenkov, A. Ya. Introduction to the Philosophy of Civil Law. Moscow: Yurlitinform, 2019. 184 p.

4. Ovrutskiy, A. V. Social Ontology of Consumption: Scientific Concepts, Models, Consumer Society. Rostov-on-Don, 2012. 12 p.

5. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.

6. Lakhno, P. G. Energy Law of the Russian Federation: Formation and Development. Moscow: Moscow University Publishing House, 2014. 480 p.

7. Rudenko, A. V. The Legal Content of the Concept of Goods // Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2005. No. 4. Pp. 69–76.

8. Textbook of Commercial Law / Prof. G. F. Shershenevich; introduction by V. Krasnokutskiy. 9th ed. Moscow: Moskovskoye nauchnoye izdatelstvo, 1919. 389 p.

9. Andreyeva, L. A., Yershova, I. V., History of Russian Entrepreneurial (Economic) and Commercial (Trade) Law // Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2015. No. 1 (5). Pp. 23–35.

10. Ryzhenkov, A. Ya. Commodity-Money Relations in Soviet Civil Law. Saratov: Saratov University Publishing House, 1989. 232 p.

11. Frayman, A. S. Quality as a Philosophical Category // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2012. No. 9 (264). Economy. Vol. 37. Pp. 46–51.

УДК/UDC 343.987,7;343

Международное взаимодействие в борьбе с преступностью в условиях экономических санкций: оперативно-розыскной аспект

Поздняков Александр Николаевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
Академия управления МВД России
г. Москва, Россия
e-mail: sonino51@ mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с реализацией органами внутренних дел задач оперативно-розыскной деятельности в сфере борьбы с преступлениями экономической направленности. Крупные денежные суммы, полученные преступным путем, «отмываются» не только путем легализации внутри страны, но и путем вывода за рубеж. Таким образом, проведение международных оперативно-розыскных мероприятий с целью предотвращения экономических преступлений возможно путем создания эффективного взаимодействия с правоохранительными органами других стран. Автор анализирует локальные и международные нормативно-правовые акты, регулирующие этот институт, формулирует проблемы, связанные с их применением на практике, и предлагает пути их решения. В частности, для повышения эффективности обмена информацией о похищенных и легализованных активах автор предлагает создать общую базу данных и сделать универсальный отечественный информационный веб-портал «Инструменты и ресурсы для расширения знаний о борьбе с коррупцией» одним из блоков общеевропейской информационной базы TRACK.

Ключевые слова: экономическая безопасность, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности.

International Cooperation in the Fight Against Crime in the Context of Economic Sanctions: the Operational Search Aspect

Pozdnyakov Aleksandr Nikolayevich
Candidate of Law, assistant professor of the Department of the Organization of Investigative Activities
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russia
e-mail: sonino51@ mail.ru

Abstract

The article discusses the problematic issues related to the implementation of the tasks of operational search activities by the internal affairs bodies in the field of combating economic crimes. Large sums of money obtained by illegal means are "laundered" not only by legalization of the money within the country, but also by its flowing abroad. Thus, international operational search activities aimed at preventing economic crimes are possible if there is effective interaction with law enforcement agencies of other countries. The author analyzes the local and international regulatory acts governing this institution, formulates the problems associated with their application in practice, and suggests ways to solve these problems. Particularly, in order to increase the efficiency of information exchange on stolen and legalized assets, the author proposes to create a common database and an universal domestic information web portal named Tools and Resources for Enhancing Anti-Corruption Knowledge that will become one of the blocks of the European information base known as TRACK.

Key words: economic security, units of economic security and anti-corruption, information support of operational search activities.

В настоящее время одним из основных источников угроз национальной безопасности России является «сохраняющийся рост преступных посягательств, направленных против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности, а также связанных с коррупцией» [1].

Что касается экономической безопасности, то проблемы существенно осложняются тем, что на современном этапе развития государства и общества (постоянно меняющегося законодательства, стремительно развивающихся технологий, способствующих выводу похищенных в России денежных средств за рубеж с их последующей легализацией) эффективное функционирование мировой правоохранительной системы, направленное на борьбу с экономической преступностью, невозможно на прежнем правовом и организационном уровне.

Указанное в первую очередь связано с тем, что введенные в 2014 году в отношении Российской Федерации экономические санкции существенно осложнили решение вопросов, связанных с информационным обеспечением оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, решающих задачи по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики, установление и возмещение причиняемого ими ущерба.

Основную нагрузку в рамках решения этих проблем - организаторских, координирующих и методических -осуществляет Главное управление экономической безопасности и противодействию коррупции МВД России и его подразделения в регионах.

Из анализа криминогенных процессов в экономической сфере, проводимых указанным Главком, следует, что крупные суммы денежных средств, получаемые от всех видов криминальной деятельности, как экономической, так и общеуголовной, не только «отмываются» путем размещения в легальных отраслях российской экономики, но и выводятся за пределы Российской Федерации с последующей легализацией через различные банковские структуры. Зарубежные активы, как правило, приобретаются банками через офшорные фирмы с помощью посредников и с таким расчетом, чтобы согласно местному законодательству не требовалось при необходимости раскрывать имя их владельцев [2].

Например, доля ущерба, причиненного преступлениями, связанными с финансово-кредитной сферой, в 2019 году составила примерно половину от общей суммы ущерба по всем преступлениям экономической и коррупционной направленности, следствие по которым обязательно,

уголовные дела по которым окончены производством либо приостановлены, что в абсолютном выражении равно почти 61044 071 тыс. рублей. При этом обеспечительные меры приняты на сумму 2799234 тыс. рублей, что составляет 24,2% от суммы причиненного ущерба [3]. Такая статистика ставит деятельность органов внутренних дел, решающих задачи оперативно-розыскной деятельности в рассматриваемой сфере, в число приоритетных.

По данным, полученным при проведении оперативно-розыскных мероприятий, установлено, что в настоящее время наиболее актуальными схемами вывода за границу Российской Федерации денежных средств, в том числе и полученных преступным путем, являются:

— перевод средств по фиктивным внешнеторговым контрактам;
— перевод средств по договорам купли-продажи ценных бумаг;
— предоставление займов или возврат якобы полученных ранее кредитов;
— перевод российскими организациями средств на свои счета и счета других российских организаций, открытых в иностранных банках.

Информация о юридических и физических лицах, причастных к криминальной деятельности такого рода, поступает в оперативные подразделения по экономической безопасности и противодействию коррупции (далее -ЭБиПК) при проведении их сотрудниками оперативно-розыскных мероприятий. Однако без подтверждения наличия у подозреваемых вкладов в зарубежных банках или имущества, приобретенного ими на деньги, полученные преступным путем и «отмытые» через банки, данные, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий, не являются основанием для возбуждения уголовного дела в отношении данной категории лиц и, далее, привлечение их к уголовной ответственности с последующей конфискацией вкладов или незаконно приобретенного имущества отсутствует (см. ст. 89 УПК РФ) [4].

В этой связи перед подразделениями ЭБиПК остро стоят проблемы, связанные с:

— выявлением на территориях иностранных государств активов и денежных средств, полученных преступным путем на территории России;
— максимально полным возмещением ущерба, причиненного преступлениями;
— своевременным установлением лиц, причастных к криминальной деятельности такого рода;
— установлением банковских структур, осуществляющих транзакции и легализацию криминальных активов, выведенных из-под юрисдикции Российской Федерации.

Следует подчеркнуть, что вливание криминальных денежных средств в легальные и нелегальные секторы экономики оказывает негативное влияние на экономику многих стран, и в этой связи мировое сообщество разработало комплекс мер правового характера, направленных на их выявление и конфискацию. Положения многих нормативных актов, разработанных в рамках ООН или Евросоюза, имплементированы в отечественное законодательство и являются для отечественных правоохранительных органов правовой основой для организации работы в этом направлении [5, 6].

В частности, правовую основу транснационального обмена сведениями, составляющими банковскую тайну, при взаимодействии с правоохранительными органами взаимодействующих стран на стадии до возбуждения уголовного дела, в рамках проведения мероприятий проверочного характера в отношении лиц, подозреваемых в незаконном выводе капиталов за границу и их легализации, условно можно разделить на две группы.

К первой группе следует отнести законодательные акты Российской Федерации, определяющие субъекты такого взаимодействия и их компетенцию, а также нормативные правовые акты распорядительного характера, определяющие порядок и тактику международного взаимодействия по рассматриваемому направлению [4, 7–10].

Ко второй группе следует отнести двухсторонние и многосторонние международные нормативные акты.

К многосторонним, например, следует отнести ряд универсальных международных договоров, заключенных в формате Организации Объединенных Наций и в формате Совета Европы, а также многосторонние соглашения, включая соглашения в рамках СНГ. Следует отметить, что МВД России заключены двусторонние соглашения, подписаны протоколы и меморандумы о сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью, включая преступления в сфере экономики, с компетентными органами более 60 государств из более 200. В рамках государств-участников СНГ в г. Астане 10 сентября 2013 года подписана Концепция развития сотрудничества министерств внутренних дел на период до 2020 года [11].

При этом наиболее рабочими и востребованными до 2014 года были неотмененные до настоящего времени двухсторонние договоры, соглашения и меморандумы об обмене информацией на стадии до возбуждения уголовного дела (т. е. в рамках проведения проверочных мероприятий) [12–14].

Цели соглашений такого рода обозначаются в преамбуле указанных документов. Как правило, в качестве основной цели определяется борьба с транснациональной преступной деятельностью и убеждение в том, что сотрудничество в этой области, особенно борьба с такими ее проявлениями, как легализация доходов, полученных преступным путем, и коррупция, а также незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, терроризм и др. и эффективное предотвращение указанных видов преступлений имеют принципиальное значение. В этих соглашениях определены также субъекты взаимодействия с каждой страной, подписавшей такой документ, формы и направления сотрудничества.

Практически во всех соглашениях и меморандумах делается акцент на том, что в исполнении запроса может быть отказано полностью или частично, если запрашиваемый компетентный орган полагает, что удовлетворение запроса может нанести ущерб суверенитету, национальной

безопасности, публичному порядку или другим значимым интересам его государства либо противоречит законодательству или международным обязательствам его государства.

Констатируется, что стороны в соответствии с законодательством своих государств обеспечивают необходимую защиту информации, документов и материалов, передаваемых в рамках настоящего соглашения. При этом запрашивающая сторона использует полученную информацию только в целях, указанных в запросе.

В большинстве соглашений прямо указано, что отсутствие квалификации деяния как уголовно наказуемого в одном из государств сторон не является препятствием для оказания содействия и осуществления сотрудничества, являющегося предметом заключенного соглашения.

В перечисленных документах содержатся практически все необходимые условия, которые необходимы для плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества правоохранительных органов в этом направлении.

Однако важно, что в контексте всех соглашений и меморандумов отсутствуют какие-либо санкции за неисполнение или за ненадлежащие исполнение запросов такого рода, как, собственно, и за их несвоевременное исполнение.

И если в рамках государств-участников Содружества Независимых Государств информационный обмен такого рода после 2014 года не претерпел никаких изменений и продолжает успешно развиваться , то при взаимодействии с иными странами, не входящими в данное содружество, сотрудникам подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, в компетенцию которых входят вопросы такого рода, в своей практической деятельности в последние годы все чаще приходится сталкиваться с проблемой получения документальных и фактических подтверждений обстоятельств деятельности физических лиц-субъектов хозяйственной деятельности, находящихся или функционирующих на территории зарубежных государств, их персональных данных, а также подтверждения наличия имущества или каких-либо активов на

их территории (принадлежащих фигурантам по материалам проверок, осуществляемых сотрудниками указанных подразделений) .

В случаях если с запрашиваемой стороной соглашения или меморандумы об информационном взаимодействии с иностранными правоохранительными органами на стадии до возбуждения уголовного дела отсутствуют, используются положения указанных выше универсальных международных договоров, заключенных на площадке Организации Объединенных Наций.

Участвуя в транснациональном обмене сведениями, составляющими банковскую тайну, в рамках взаимодействия с иностранными правоохранительными органами на стадии до возбуждения уголовного дела правоохранительные органы Российской Федерации решают одну из задач оперативно-розыскной деятельности, указанной в ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в которой говорится об обязанности устанавливать имущество, подлежащее конфискации, а также принимать меры к установлению иного имущества подозреваемого, обвиняемого или иных лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, на которое может быть наложен арест в целях исполнения приговора в части заявленного гражданского иска, взыскания штрафа и других имущественных взысканий.

Установление движимого и недвижимого имущества, денежных вкладов, хранящихся на банковских счетах в других государствах, осуществляется путем направления соответствующих запросов (на бумажном носителе или путем удаленного доступа). В этом случае проверочные мероприятия, связанные с установлением имущества фигурантов и иных лиц, осуществляются только в том случае, если есть достаточные основания полагать, что имущество получено в результате преступных действий и выявляется в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации в рамках возбужденного уголовного дела в случае, если имущество будет обнаружено. При этом следует от-

метить, что, несмотря на обширную практику в этой области, принимаемые в данном направлении усилия, случаи, когда удается обнаружить и арестовать похищенное имущество, не являются распространенными. Причин этому множество, и начиная с 2014 года они находятся в политической плоскости. Указанное влечет за собой не только отсутствие возможности обеспечения ущерба, нанесенного государству, юридическому или физическому лицу, но и взыскание сотрудникам подразделений ЭБиПК, которые не смогли достичь положительной цели при реализации полученной информации.

Во всех случаях информационный обмен на стадии до возбуждения уголовного дела (в рамках оперативно-розыскных мероприятий проверочного характера), включая запрашиваемую информацию о наличии активов фигурантов за рубежом, в рамках международного сотрудничества осуществляется сотрудниками оперативных подразделений ЭБиПК с использованием каналов Интерпола .Но начиная с 2015 года в их адрес стали в массовом порядке поступать отказы в предоставлении запрашиваемой информации, исключение составляют только страны-участники СНГ. В качестве аргумента для отказа выступает предложение о продолжении информационного сотрудничества в рамках возбужденного уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела - компетенция следователя следственного подразделения, при которой лицо, подозреваемое в причастности к преступлению данного типа, ставится в известность и дальнейшие следственные действия, связанные в том числе и с направлением запросов в правоохранительные органы других государств, осуществляется уже в рамках плана следственных действий. При этом основные принципы оперативно-розыскной деятельности, такие как конспиративность и наступательность, перестают работать. Оперативные подразделения лишены какой-либо возможности неотложно принимать меры по «замораживанию» или блокированию банковских счетов на стадии до возбуждения уголовного дела, в то время как правонарушители, располагая информацией о возбуждении в отношении них уголовного дела,

имеют возможность перечислить денежные средства за короткий промежуток времени (до нескольких минут), используя интернет-банкинг и другие аналогичные сервисы.

Факты перевода отдельными иностранными правоохранительными органами информационного взаимодействия с российскими партнерами от стадии до возбуждения уголовного дела и проведения проверочных и установочных мероприятий до взаимодействия на стадии возбужденного уголовного дела на практике лишают сотрудников российских органов внутренних дел возможности успешно решать не только вопросы, поставленные в рамках дел оперативного учета, но и вопросы, связанные со своевременным выявлением и арестом похищенного имущества и денежных средств. Кроме того, информационное взаимодействие в рамках возбужденных уголовных дел переводит его в рамки использования запросов о правовой помощи, что более жестко регулируется положениями международных нормативных актов и внутрироссийским законодательством. Следует отметить, что приведенные в статье проблемы подтверждают сформировавшуюся в рамках международного взаимодействия определенную тенденцию.

Следует также отметить, что в рамках Евросоюза проблемы, связанные с обменом информацией о физических и юридических лицах, подозреваемых в легализации криминальных доходов в странах Западной Европы, не стоят. Вопросы такого рода ими оперативно решаются в рамках общеевропейской информационной веб-базы TRACK и международных межправительственных организаций, которые были созданы государствами для достижения общих целей и решения проблем, представляющих общий интерес, при этом они подчиняются их воле и имеют прикладной характер. Такие организации функционируют на основе соблюдения принципов независимости государств-членов и суверенного равенства, что исключает любую возможность самой организации или одного государства-члена навязывать свою волю другому.

Нормотворческая компетенция международных межправительственных организаций, предусмотренная их учредительными актами,

может быть реализована как внутри самих организаций, посредством чего формируется их собственный внутренний правопорядок, в рамках которого функционируют их органы, так и внеорганизаций путем принятия односторонних актов, адресованных другим субъектам международного права [15].

Кроме того, законодательство государств Евросоюза позволяет работникам специализированных подразделений полиции выполнять роль оперативного сотрудника и следователя одновременно. Это позволяет им возбуждать уголовные дела, полноценно и оперативно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, и процессуально закреплять их в установленном законом порядке [16].

Из проведенного анализа следует, что трансграничный обмен информацией вне рамок уголовного делопроизводства оказывает непосредственное влияние не только на эффективность правоохранительной деятельности, но и опосредованно на экономику стран-участниц, подписавших соответствующие соглашения.

В этой связи правоохранительные органы, реализующие задачи ОРД, вынуждены оперативно реагировать на складывающую оперативную обстановку и своевременно вносить корректировки в действующие нормативные правовые акты и акты распорядительного характера, корректировать формы и методы получения необходимой информации. Также они должны инициировать заключение дополнительных соглашений с теми странами, с которыми они не заключались, но необходимость взаимодействия с которыми очевидна и взаимовыгодна.

Для повышения эффективности обмена информацией о похищенных и легализованных активах необходимо перевести в практическую плоскость вопрос создания общей базы данных (универсальный отечественный информационный веб-портал «Инструменты и ресурсы для расширения знаний о борьбе с коррупцией» как один из блоков общеевропейской информационной базы TRACK). Именно коррупция с точки зрения западных криминологов способствует выводу и легализации похищенных активов.

Следует отметить, что создание необходимых информационных блоков по профилю оперативных главков МВД России, включая ГУЭБиПК, проработка вопросов получения и использования заинтересованными оперативными аппаратами находящейся в них информации в реальные сроки времени в значительной степени позволит повысить эффективность их деятельности по выявлению и пресечению организованной преступности, прежде всего экономической, на территории СНГ.

Необходимо также изучение и использование опыта зарубежных правоохранительных органов в следующих сферах:

— сотрудничество с финансовыми учреждениями и подразделениями финансовой разведки, повышение эффективности финансовых расследований, опыт государств по управлению замороженными, арестованными и конфискованными активами, их использованию и распоряжению ими;
— использование инструментов возврата активов в рамках КПК без привлечения виновных лиц к уголовной ответственности либо до вступления такого приговора в законную силу;
— использование специализированного программного обеспечения для отслеживания хода и результатов исполнения международных запросов об оказании правовой помощи;
— кадровое и структурное обеспечение мероприятий в целях возврата преступных активов путем создания специальной службы, которая занимается розыском, арестом, конфискацией и дальнейшим администрированием вырученных денежных средств и имущества [17].

Сложность обмена международной информацией, наличие в этой работе особой специфики, различие национальных законодательств, большой объем информационного обмена обусловливают необходимость централизации международного взаимодействия в целях координации, методического руководства, контроля сроков и правильности исполнения запросов.

В этой связи необходимо организовать формирование информационного банка по направленным и поступившим запросам, содержание которого должно вестись в электронной и документарной формах. Так как в ответах на запросы из-за рубежа могут содержаться указания на национальные нормы права, в соответствии с которыми были проведены те или иные действия, то эта информация должна поступать в банк данных для дальнейшего использования в случае возникновения аналогичной ситуации.

Обработка запросов должна производиться по нескольким массивам, в рамках которых возможен поиск и фильтрация по нескольким критериям. Среди массивов следует назвать:

— учетный (время получения/отправки, адресаты/инициаторы, регион, направивший/исполняющий запрос);
— содержательный (вид запроса по поиску лиц, фирм, имущества, денежных средств; состав преступлений по УК РФ);
— аналитический (краткие фабулы, вид ОРМ, ссылки на соглашения).

Необходимо отметить, что взаимодействующими сторонами не проявляется должной активности в пополнении банков данных и недостаточно проработан и нормативно урегулирован механизм сбора, накопления и обмена оперативно значимой информации, получаемой из различных источников. В связи с этим приоритетным направлением становится дальнейшее развитие механизмов, ориентированных на налаживание эффективной системы обмена информацией по вопросам противодействия транснациональной экономической преступности.

На наш взгляд, необходимо активизировать деятельность по созданию налаженного механизма использования всех возможных форм взаимодействия внутри всей системы органов внутренних дел.

В частности, целесообразна дальнейшая разработка нормативной базы, регламентирующей не только конкретные вопросы информационного взаимодействия всех субъектов оперативно-розыскной деятельности, заинтересованных в сотрудничестве, но и расширение компетенций

сотрудников специализированных оперативных подразделений путем наделения их правами возбуждения уголовных дел в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений в сфере экономики, что позволит перевести международное информационное взаимодействие на более высокий уровень.

Необходимо расширение рамок взаимодействия путем закрепления в них положений, позволивших бы перейти от проведения единичных мер оперативно-розыскного характера к планомерной совместной деятельности в рассматриваемой правоохранительной области. К таким положениям относятся:

— Проведение совместного анализа оперативной обстановки в сфере борьбы с транснациональными преступными структурами, члены которых подозреваются в легализации денежных средств или имущества, полученного преступным путем при возникновении ситуаций, требующих оперативного решения.
— Принятие конкретных решений о взаимодействии, определение его целей с тем, чтобы каждому уровню управления соответствовали определенные задачи, управленческие решения и способы выполнения намеченных мероприятий.
— Осуществление совместной подготовки и последующее планирование оперативно-розыскных мероприятий или операций по противодействию транснациональным преступным структурам, члены которых подозреваются в легализации денежных средств или имущества, полученного преступным путем.
— Проведение совместных заседаний коллегий, оперативных и консультативных совещаний, совместных оперативных учений и тренировок, научных и практических семинаров, конференций, методических сборов, служебных совещаний и т. п. Предметом рассмотрения указанных мероприятий должны быть разбор, анализ, подведение итогов совместной деятельности, выработка и принятие мер для повышения эффективности взаимодействия.

— Обмен информацией (в том числе аналитической) о состоянии транснациональной организованной преступности, а также о конкретных средствах и методах, применяемых криминальными структурами такого рода, используемых при легализации денежных средств или имущества, полученного преступным путем. Особое внимание следует обращать на такое сотрудничество с государствами, граждане которых в большей степени представлены на территории России.
— Обучение и переподготовка кадров специализированных подразделений по борьбе с транснациональной организованной преступностью, включая возможность обучения или прохождения стажировки в высших специальных образовательных учреждениях стран, граждане которых участвуют в коммерческой деятельности на территории России, а также возможность такого обучения для граждан России, осуществляющих свою деятельность на территории других государств.
— Разработка международной системы мер контроля за коммерческой деятельностью в России транснациональных преступных структур, занимающихся вывозом или переводом денежных средств, в т. ч. полученных преступным путем, за границу, их легализацией и использованием.

В этой связи единственным выходом представляется активизация взаимодействия с Росфинмониторингом, поскольку именно с использованием его возможностей и с увеличением временных параметров возможно получить требуемую информацию, которую в настоящее время проблематично получить более оперативно в рамках сотрудничества по линии Интерпола.

Список литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683// Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (часть II). Ст. 22.

2. Милякина Е. В. Организационные проблемы взаимодействия подразделений ОВД с компетентными органами иностранных государств по вопросам борьбы с налоговыми и иными экономическими преступлениями // Российский следователь. 2006. № 2. С. 50–55.

3. ГИАЦ МВД России: Сводный отчет по России // Сведения о результатах работы подразделений ЭБиПК органов внутренних дел Российской Федерации за январь–декабрь 2019.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

5. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. № 2. 2005. С. 3–33.

6. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (заключена в г. Страсбурге 08.11.1990) // Бюллетень международных договоров.2003. № 3. Март. С. 14–46.

7. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Российская газета. № 160. 18.08.1995.

8. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. Январь. 2017.

9. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении и сбыте имущества, заведомого добытого преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07. 2015 № 32 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. Сентябрь. 2015.

10. Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола: приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 (зарегистрировано в Минюсте РФ 03.11.2006 № 8437) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 47. 20.11.2006.

11. Концепция развития сотрудничества МВД стран СНГ до 2020 утверждена в Астане//Новости Казахстана.URL: https://forbes.kz/news/2013/09/11/newsid_-39877 (дата обращения: 11.04.2020).

12. Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Республики Беларусь

(заключено в г. Москве 30.09.1997) // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России). URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/mvd/documents/m_soglasch (дата обращения:11.04.2020).

13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незаконными финансовыми операциями, а также финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем (заключено в г. Алма-Ате 12.10.1998) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 5. С. 56–60.

14. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Испания о сотрудничестве в области борьбы с преступностью (заключено в г. Москве 17.05.1999) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 9. С. 80–82.

15. Открытие договора Совета Европы, укрепляющего защиту персональных данных для подписания // Совет Европы. URL: https://www.coe.int/ru/web/portal/-/council-of-europe-treaty-bolstering-data-protection-opened-for-signature (дата обращения: 11.04.2020).

16. Колодяжный В. Л. Возбуждение уголовного дела: проблемы теории и практики: монография. Луганск: РИО ЛИВД, 1999. 148 с.

17. Материалы 10-й сессии ООН Группы по обзору хода осуществления Конвенции ООН против коррупции, состоявшейся в период 26 мая по 1 июня 2019 г. в г. Вена (Австрийская Республика) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/COSP/session8/V1909654r.pdf(дата обращения:11.04.2020).

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (Part II). Art. 22.

2. Milyakina E. V. Organizational Problems of Interaction Between Departments of the Internal Affairs Bodies and the Competent Bodies of Foreign States on the Issues of the Fight Against Tax Crimes and Other Economic Crimes // Russian Investigator. 2006. No. 2. Pp. 50–55.

3. The Main Informational and Analytical Center of the Russian MIA: Summary Report on Russia // Information on the Results of the Work of the Departments of Economic Security and Anti-Corruption of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation for January–December 2019.

4. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.

5. Convention against Transnational Organized Crime (adopted in New York on November 15, 2000 by Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) // Bulletin of International Treaties. 2005. No. 2. Pp. 3–33.

6. Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime (concluded in Strasbourg November 8, 1990) // Bulletin of International Treaties. 2003. No 3. Pp. 14–46.

7. On Operational Search Activity: Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ // Rossiyskaya gazeta. No. 160. August 18, 1995.

8. On the Practice of Application of the Legislation Regulating the Specifics of Criminal Liability for Crimes in the Field of Business and Other Economic Activities: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2016 No. 48 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. No. 1.

9. On Judicial Practice in Cases on Legalization (Laundering) of Money or Other Property Obtained by Illegal Means and on Acquisition and Sale of Property Known to Be Obtained by Illegal Means: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 7, 2015 No. 32 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 9.

10. On the Approval of the Instruction on the Organization of Information Support for Cooperation Through Interpol: Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 786, Ministry of Justice of the Russian Federation No. 310, Federal Security Service of the Russian Federation No. 470, Federal Security Service of the Russian Federation No. 454, Federal Customs Service of the Russian Federation No. 333, Federal Customs Service of the Russian Federation No. 971 of October 6, 2006 (registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on November 3, 2006 No. 8437) // Bulletin of Regulatory Acts of Federal Executive Bodies. No. 47. November 20, 2006.

11. The Concept of Development of Cooperation of the Ministry of Internal Affairs of the CIS Countries Until 2020 Was Approved in Astana // Kazakhstan News. URL: https://forbes.kz/news/2013/09/11/newsid_39877 (access date: April 11, 2020).

12. Agreement on Cooperation Between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (concluded in Moscow on September 30, 1997) // The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/mvd/documents/m_soglasch (access date: April 11, 2020).

13. Agreement Between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Kazakhstan on Cooperation and Mutual Assistance in

the Fight Against Illegal Financial Transactions and Financial Transactions Related to the Legalization (Laundering) of Income Obtained by Illegal Means (concluded in Alma-Ata on October 12, 1998) // Bulletin of International Treaties. 2005. No. 5. Pp. 56–60.

14. Agreement Between the Government of the Russian Federation and the Government of the Kingdom of Spain on Cooperation in the Fight Against Crime (concluded in Moscow on May 17, 1999) // Bulletin of International Treaties. 2000. No. 9. Pp. 80–82.

15. Council of Europe Treaty Bolstering Data Protection Opened for Signature // Council of Europe. URL: https://www.coe.int/en/web/portal/-/council-of-europe-treaty-bolstering-data-protection-opened-for-signature (access date: April 11, 2020).

16. Kolodyazhnyy, V. L. Institution of Prosecution: Problems of Theory and Practice. Lugansk: RIO LIVD, 1999. 148 p.

17. Materials of the 10th session of the Implementation Review Group of the United Nations Convention Against Corruption, held from May 26 to June 1, 2019 in Vienna (Republic of Austria) // United Nations. URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/COSP/session8/V1909654r.pdf (access date: April 11, 2020).

УДК/UDC 343.98

Вопросы достоверности методики проведения экспертного эксперимента

Порываева Полина Сергеевна
командир отделения 4 «К» факультета подготовки экспертов-криминалистов и оперативных сотрудников полиции
Волгоградская академия МВД России
г. Волгоград, Россия
e-mail:01081998poli@gmail.com

Прокофьева Елена Васильевна
кандидат физико-математических наук, доцент кафедры криминалистической техники Учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградская академия МВД России
г. Волгоград, Россия
e-mail: olenyonok83@mail.ru
SPIN-код:4000-9812

Аннотация

В данной статье рассматриваются условия проведения экспертного эксперимента и проблема получения достоверной информации для сравнительного исследования, связанные с так называемым субъективным мнением эксперта. Поднимаются вопросы влияния условий проведения эксперимента как на его отдельные этапы, так и на конечные результаты. Рассмотрены факторы, влияющие на эффективность экспертного эксперимента. Проанализированы характерные особенности заключения эксперта в рамках трасологической экспертизы, имеющие весомое доказательственное значение, опирающееся на результаты проведенного экспертного эксперимента как на неопровержимые факты. Представлена оценка результатов экспертного эксперимента в рамках математико-статистического подхода.

Ключевые слова: экспертный эксперимент, трасология, частный признак, математико-статистический подход, вероятностно-статистическая оценка.

Issues of Reliability of the Methods of Conducting an Expert Experiment

Poryvayeva Polina Sergeyevna
commander of the branch 4 "K" of the Faculty of Training Forensic Experts and Operational Police Officers
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Volgograd, Russia
e-mail: 01081998poli@gmail.com

Prokofyeva Yelena Vasilyevna
Candidate of Physical and Mathematical Sciences, assistant professor of the Department of Forensic Technology of the Educational and Scientific Complex of Expert and Forensic Activities
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Volgograd, Russia
e-mail: olenyonok83@mail.ru
SPIN Code: 4000-9812

Abstract

This article discusses the conditions for conducting an expert experiment and the problems of obtaining reliable information for comparative research, related to the so-called subjective expert opinion. The authors raise the questions about the influence of the conditions of the experiment both on its individual stages and on the final results. The authors also consider the factors affecting the effectiveness of the expert experiment and analyse the characteristic features of the expert's conclusion within the framework of the trace examination. These features have a significant evidentiary value based on the results of the expert experiment. An assessment of the results of an expert experiment in the framework of a mathematical and statistical approach is presented.

Key words: expert experiment, trace evidence, particular sign, mathematical and statistical approach, probabilistic and statistical evaluation.

Изучение судебной и следственной практики показывает, что экспертизы проводятся по каждому второму уголовному делу. А по каждому четвертому назначается от трех до семи судебных экспертиз. По

отдельным уголовным делам назначается от 10 до 15 (и более) судебных экспертиз, в том числе не менее двух дополнительных и реже повторные [1]. В процессе судопроизводства заключение эксперта о проведенном исследовании имеет весомое доказательственное значение. К сожалению, встречается такое явление, как экспертная ошибка, которая является следствием «внутреннего убеждения эксперта» и результатом его субъективного мнения. Согласно ст. 307 УК РФ можно дать четкое определение экспертной ошибки [2]. Так, под этим подразумевается умышленное искажение фактов, а также неверная оценка и выводы, не основанные на предоставленных для экспертизы материалах. Помимо этого, подразумевается и добросовестное заблуждение эксперта [3].

В п. 15 Пленума ВС РФ от 19.12.2017 №51 содержится норма, заключающаяся в том, что если заключение эксперта у суда вызывает сомнение или в выводах эксперта содержатся противоречия, а также если при назначении и производстве экспертизы были допущены нарушения, которые повлияли или могли повлиять на содержание выводов эксперта, то суд в соответствии с положениями ч. 2 ст. 207, ч. 3 и 4 ст. 283 УПК РФ по ходатайству сторон или по собственной инициативе назначает повторную экспертизу. При недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств дела судом может быть назначена дополнительная экспертиза [4, 5]. И повторная, и дополнительная экспертизы напрямую зависят от ряда факторов, влияющих на ход проведения экспертизы и формирования заключения по ее результатам, в том числе и от субъективности суждения эксперта по ряду фактов в ходе проведения экспертного эксперимента, что с немалой долей вероятности может привести к возникновению экспертных ошибок.

Е. Р. Россинская выделяет два вида причин экспертных ошибок:

1) объективные: отсутствие разработанной и апробированной методики, несовершенство используемой экспертной методики, применение ошибочно рекомендованных методов, применение неисправного оборудования и др.;

2) субъективные: профессиональная некомпетентность эксперта, неполнота исследования и/или его односторонность; профессиональные упущения эксперта (небрежность, неаккуратность, невнимательность, поверхностное производство исследования).

Также экспертные ошибки могут быть связаны с личными качествами эксперта. Особую опасность, часто приводящую к экспертным ошибкам, для деятельности судебного эксперта, работающего с приборами и сложным оборудованием, представляет состояние психического и эмоционального напряжения, повышенная тревожность, утомление, т. е. психологический фактор [6].

Психологический фактор возникновения экспертной ошибки тесно связан с психологической категорией «внутреннее убеждение эксперта». Р. С. Белкин определяет это понятие как субъективную категорию: «Его содержание составляет уверенность эксперта в правильности и единственной возможности сделанных им выводов. Это своеобразное эмоционально-интеллектуальное состояние эксперта как познающего субъекта, наступающее в итоге всей его деятельности по решению конкретной экспертной задачи» [7].

Л. В. Кудрявцева утверждает: «Внутреннее убеждение эксперта - сложное многогранное понятие, которое выступает как предпосылка, как процесс, как результат познавательной деятельности эксперта. Внутреннее убеждение одновременно является основой для формирования экспертом выводов. Существенную роль в формировании внутреннего убеждения играют такие разные по сущности понятия, как интуиция и правосознание» [8]. Правосознание эксперта составляют его специальные познания, знание процессуальных аспектов производства экспертизы, а также его правовая психология, которая включает в себя психологические качества самого эксперта. Правосознание является субъективной предпосылкой в формировании внутреннего убеждения эксперта. Таким образом, большая часть выводов, как промежуточных, так и окончательных, основываются на внутреннем убеждении эксперта, т. е. на субъективизме.

Мы считаем, что мнение эксперта зачастую бывает субъективно, и представляет собой оценку, определенную точку зрения, не всегда приводящую к истинным, достоверным результатам, в том числе и в формировании выводов по результатам экспертного эксперимента. В наших исследованиях на основе эмпирических данных и математических расчетов мы попытались сформировать мнение (заключение), максимально приближенное к объективному, т. е. являющееся неопровержимым фактом, с которым нельзя поспорить.

Для достижения поставленной цели нам было необходимо решить задачу: на стадии выполнения экспертного эксперимента в рамках математико-статистического подхода сформировать методику объективного выявления группы признаков в трасологических следах, а именно следах орудий взлома. В качестве основополагающих методов, которые были нами применены для реализации поставленной задачи, стали общенаучные методы (математические методы) и специальные методы криминалистических экспертиз (методы судебно-трасологической экспертизы) [9].

В качестве объектов исследования нами были выбраны динамические следы скольжения (трасологические следы) на металлических пластинках (алюминии). Предметом исследования стала следовая картина (индивидуализирующие признаки).

В ходе работы нами были получены две группы пластинок с динамическими следами скольжения - исходная (контрольная) пластинка (1 штука) и экспериментальные пластинки (8 штук), причем следы на исходной (контрольной) пластинке были оставлены одним человеком, а на экспериментальных - другим. Следовоспринимающей поверхностью выступила металлическая пластинка, в качестве следообразующего объекта была выбрана стамеска [10]. В ходе экспертного эксперимента после механического воздействия выбранного орудия на металлическую поверхность были отобраны следы, в которых наиболее полно отобразился выбранный нами комплекс индивидуализирующих признаков (ширина

следа, количество трасс в начале и конце следа, расстояние между трассами, ширина трасс).

Для решения проблемы, обозначенной нами (объективизация в экспертном заключении), из восьми экспериментальных пластинок, основываясь только на математико-статистическом подходе, необходимо было выбрать пластику со следом скольжения, в котором наиболее полно и достоверно отобразился весь комплекс индивидуализирующих признаков в сравнении с исходным (контрольным) следом.

Как правило, на практике на этой стадии экспертного эксперимента эксперт выбирает след, который, как он считает, наиболее пригоден для идентификации, основываясь на своем «внутреннем убеждении», что, по нашему мнению, является сугубо необъективным. В рамках выбранной нами методологии, при совместном использовании методов криминалистики и математического анализа в процессе получения и толкования результатов экспертного эксперимента, максимально объективно была выбрана пластика со следом скольжения, в котором наиболее полно и достоверно отобразился весь комплекс индивидуализирующих признаков.

На первом этапе исследования был выявлен наиболее пригодный для идентификации след по его ширине на основе установления корреляционной зависимости между исходной (контрольной) пластинкой и каждой из экспериментальных. Ширину следа измеряли в семи местах по всей его длине и усредняли значение.

Для установления статистической взаимосвязи по выбранному признаку (ширине следа) между исходной и экспериментальными пластинками, каждой в отдельности, была определена корреляционная зависимость. Корреляционную зависимость определяли между шириной исходной (контрольной) пластинки и шириной каждой из экспериментальных: r1, r2, r3, r4, r5, r6, r7, r8.Расчет коэффициента корреляции производился по формуле:

$$r = \frac{\Sigma(x-x_{cp})(y-y_{cp})}{\sqrt{\Sigma(x-x_{cp})^2\Sigma(y-y_{cp})^2}}$$

где x- значение ширины следа у исходной пластинки; x_{cp}- среднее значение ширины следа; y- значение ширины следа у экспериментальной пластинки; ycp- среднее значение ширины следа у экспериментальной пластинки.

Анализируя полученные результаты, можно увидеть, что наиболее сильную корреляционную зависимость (по ширине следа) с исходным (контрольным) следом имеют экспериментальные пластинки №1 и №6 и среднюю корреляционную зависимость экспериментальная пластинка №5. Отрицательную же зависимость, а следовательно, полное отсутствие связи с исходным следом, имеет экспериментальный след №2 и слабую связь имеют экспериментальные следы №3, №4 и №7,№8. Т. е. пластинку №2 можно исключить из дальнейшего идентификационного исследования.

Для оценки статистической значимости коэффициента корреляции в рамках метода статистической проверки гипотезы был рассчитан t-критерий Стьюдента, который, в свою очередь, дал оценку возможной связи между исходным (контрольным) следом и экспериментальными следами по первому признаку - ширине следа (наша гипотеза). Мы использовали t-статистику Стьюдента, которая оценивает отношение величины линейного коэффициента корреляции (данные взяты по результатам таблицы 1) к его среднему квадратичному отклонению.

Этот коэффициент - t-критерий Стьюдента - был рассчитан по формуле (2):

$$t_{pacc} = \frac{r_{xy}\sqrt{n-2}}{\sqrt{1-r^2}}$$

где r- коэффициент корреляции, рассчитанный для каждого экспериментального следа, n-число степеней свободы (n=2).

Для оценки связи между полученными значениямиt_{pacc} должно проверяться следующее условие: если $t_{pacc}>t_{tabl}$, то существует зависимость между значениями, если $t_{pacc}<t_{tabl}$, то связи между величинами нет, т. е. они независимы. t_{tabl} определяется по таблице распределения Стьюдента при уровне значимости5%, для нашего количества опытов

(N=6) данный коэффициент составил 2,447. Анализируя промежуточные результаты, можно заметить, что при сравнении t_{pacc} и t_{tabl} зависимостью по рассматриваемому признаку (ширине следа) с исходным следом обладают экспериментальные следы №1 и №6.

На основании проведенной статистической проверки определенной нами гипотезы в рамках математико-статистического подхода очевидно, что в экспериментальных пластинках № 1 и № 6 наиболее полно отобразился выбранный нами индивидуализирующий признак.

В результате эмпирического исследования было установлено оптимальное увеличение оптического микроскопа GL-99TI для объективного восприятия глазом человека исследуемого следа. Для этого следовало определить увеличение микроскопа, при котором будет минимальная относительная погрешность измерений, которое составило 0,65х. Использование видимого увеличения больше 0,65х для данной задачи исследования нецелесообразно, так как разрешающая способность объектива не позволяет полностью использовать разрешающую способность глаза.

На следующем этапе исследования в каждой пластинке, удовлетворительной с математической точки зрения для идентификации (№1, №5 и №6), в начале и конце следа был произведен подсчет количества трасс по семь раз при установленном оптимальном увеличении объектива микроскопа для данного исследования (0,65х). Пластинку №8 мы также исключили из рассмотрения, т. к. корреляционная связь с исходным (контрольным) следом достаточно слабая .Были рассчитаны среднеквадратичное отклонение, погрешность однократных измерений, случайная погрешность многократных измерений, относительная погрешность (с учетом того, что -х - полная погрешность) и полная погрешность для каждого измерения.

Анализ данных позволил установить минимальный процент ошибки (8% и 12%) для экспериментальной пластинки №1 относительно исходной в начале и конце следа, также в начале следа для пластинок №5 и №6, что свидетельствует о статической закономерности, проявляющейся в зависимости признаков в указанных и исходной пластинках по выбран-

ному признаку - количеству трасс в следе. В нашем случае под пределом допустимости подразумевается неточность оценивания погрешности в диапазоне 15–20% (такая неточность установлена для технических измерений). Однако говорить об идентификационном соответствии на данном этапе исследования было бы неправильно, поскольку, несмотря на то, что вариативность в признаках, подлежащих оценке, высокая, это не исключает процент ошибки, связанный с неустойчивостью оцениваемого признака (количество трасс в следе).

Далее для достижения поставленной цели нами был использован программный подход в решении поставленной задачи (программа с табличной структурой – MS Excel). Было рассчитано расстояние между трассами в начале следа в исходной пластинке и у экспериментальных пластинок №1, №5 и №6, т. к. именно эти пластинки показали наиболее сильную корреляционную зависимость с исходным (контрольным) следом.

Массив данных получили посредством измерения штангенциркулем ШЦ-1-125-0,01 в поле зрения микроскопа GL-99TI при установленном оптимальном увеличении объектива микроскопа 0,65х. Каждое измерение производилось по семь раз (см. рис.1 (а,б)).

Измерение ширины трасс штангенциркулем ШЦ-1-125-0,01 в поле зрения микроскопа GL-99TI

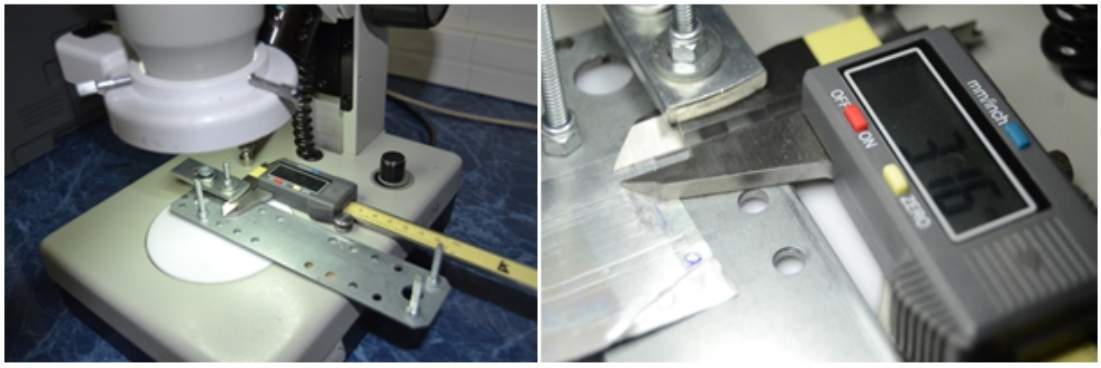

Рисунок 1 (а, б)

По полученным числовым значениям расстояний между трассами в каждой пластинке для каждой из них была проведена статистическая обработка результатов измерений, произведен расчет среднего арифме-

тического (наиболее вероятного значения измеряемой физической величина (расстояния), стандартного отклонения, доверительного интервала и относительной погрешности.

По результатам исследований (расчетов) были построены нормировочные графики, отражающие взаиморасположение трасс на экспериментальных (№ 1, № 5 и № 6) и исходной пластинках.

Говорить о тождественности или ее отсутствии на основании полученных результатов так же, как и в случае определения количества трасс в следе, было бы ошибочно, т. к. признаки, отобразившиеся на пластинке, с течением времени могут изменяться (идентификационный период). Например, в ходе проведения экспертного эксперимента при многократном воздействии следообразующего объекта на следовоспринимающую поверхность появляются новые признаки на обоих, изменяется индивидуальная совокупность признаков. Анализируя вариативность и стохастическую зависимость полученных результатов, можно лишь установить оптимальное месторасположение рассматриваемого признака (расстояние между трассами) для исследований по всей ширине следа, где идентификационная значимость признаков максимальна (между трассами 7 и 9; 10 и 16; 24 и 28 в каждом следе). Именно эти диапазоны трасс можно дифференцировать по размещению (расположению) трасс. Чем более разнообразны по ширине трассы и промежутки между ними, тем больше различных комбинаций может быть, значит, меньше вероятность встретить аналогичную комбинацию и большую идентификационную информацию содержит диапазон. Корреляционную зависимость определяли по полученным результатам расстояний между трассами на установленном оптимальном информативном местоположении в следе. Были рассчитаны коэффициенты корреляции между диапазонами информативных трасс исходной и экспериментальных пластинок.

Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод, что наиболее сильную корреляционную зависимость с исходным (контрольным) следом по определенному признаку имеет экспериментальный след №6 (на двух из трех исследуемых диапазонах в следе) и среднюю кор-

реляционную зависимость экспериментальный след № 5 (на одном из трех исследуемых диапазонах в следе). Отрицательную же зависимость (в трех из четырех исследуемых диапазонах в следе), а следовательно, отсутствие связи с исходным следом, показал экспериментальный след № 1. Т. е. пластинку № 1 на данном этапе исследования можно исключить из дальнейшего рассмотрения.

Для оценки связи между исходным (контрольным) следом и экспериментальными следами (№ 5 и № 6) по исследуемому расстоянию между трассами в следе так же, как и на первом этапе, была использована t-статистика Стьюдента. Коэффициент - t-критерий Стьюдента - был рассчитан по формуле (2) с учетом результатов таблицы 6при числе степеней свободы n=2. Для оценки связи между полученными значениямиt_{pacc}, как и на первом этапе исследования, должно проверяться следующее условие: если $t_{pacc}>t_{tabl}$, то существует зависимость между значениями, если $t_{pacc}<t_{tabl}$, то связи между величинами нет, т. е. они независимы. t_{tabl} определяется по таблице распределения Стьюдента при уровне значимости 5%, для нашего количества опытов (N=3) данный коэффициент составил 12,7. Исходя из полученных результатов, очевидно, что при сравнении t_{pacc} и t_{tabl} зависимостью по рассматриваемому признаку (расстоянию между трассами) с исходным следом обладает экспериментальные следы №6 в диапазоне трасс с 7 по 9, следовательно, пластинку №5 можно исключить в из дальнейшего рассмотрения.

На заключительном этапе исследования эмпирически было установлено оптимальное увеличение объектива микроскопа GL-99 TI для исследования ширины трасс - 4,5х в зоне с наибольшей идентификационной значимостью признаков (между трассами 7 и 9; 10 и 16; 24 и 28 в каждом следе) в исходной пластинке и в экспериментальной пластинке №6.

Определение величины (ширины трасс) исследуемых пластинок (исходной и пластинки № 6) поочередно на установленном оптимальном месторасположении для исследований с высокой идентификационной значимостью признаков выполнялось с помощью окулярного микро-

метра, представляющего из себя стеклянную пластинку с нанесенными на нее масштабными шкалами. Окулярный микрометр устанавливается в плоскости промежуточного изображения, полученного от объектива. В окуляр наблюдалось изображение шкалы, совмещенное с изображением микроскопируемого объекта (ширины трасс) в исследуемых пластинках. Измерения производились по три раза. По результатам исследования были построены графики зависимости, отражающие изменение ширины трасс в исходной и экспериментальных пластинках.

Проанализировав графики, отражающие изменения ширины в диапазоне трасс в исходном и в экспериментальном следе № 6, мы выявили, что зависимость между шириной диапазонов трасс в исходной пластинке и экспериментальной пластинке № 6 ниже средней, очень слабая или ее вообще нет. Это прежде всего связано с условиями образования следа в экспериментальных условиях (в рамках экспертного эксперимента). Практически невозможно воссоздать идеальные условия, позволяющие образовать след, в котором трассы были бы примерно равны по ширине с исследуемым. На это влияет ряд факторов, таких как свойства подложки, прилагаемая мускульная сила на следообразующий объект, фронтальный и встречный углы и т. д. Если фронтальный угол приблизительно возможно установить в рамках проведения экспертного эксперимента, то остальные факторы не подлежат оценке. Следует отметить, что при проведении идентификации орудия взлома такой признак, как ширина трасс, не играет существенной роли. Важное значение имеют наличие трасс, их расположение и взаиморасположение.

Основным способом повышения объективности любого процесса исследования, как известно, является применение математических методов на определенных этапах исследования. В данной работе была предпринята попытка разрешения проблемы объективного получения образцов для сравнительного исследования в рамках экспертного эксперимента, минуя или максимально скомпенсировав так называемое субъективное мнение эксперта. Были проанализированы характерные (общие)и частные особенности при проведении экспертного эксперимента в рам-

ках трасологической экспертизы с точки зрения методов криминалистики и математического анализа. Исследование было выстроено последовательно в восемь этапов и позволило дать оценку его результатов в рамках математико-статистического подхода и вероятностно-статистической оценки частных признаков исследуемых нами объектов (динамические следы скольжения на металлических пластинках). Математические методы позволили нам определить наиболее информативные признаки и дифференцировать их, на основании чего был отобран наиболее пригодный для идентификации след.

Основываясь на математико-статистическом подходе в рамках экспертного эксперимента была выбрана пластинка со следом скольжения, в котором наиболее полно и достоверно отобразился весь комплекс индивидуализирующих признаков в сравнении с исходным (контрольным) следом. В рамках выбранной нами методологии, сочетании совместного использования методов криминалистики и математического анализа, в процессе получения и толкования результатов экспертного эксперимента максимально объективно была выбрана пластинка№6 со следом скольжения, в котором наиболее полно и достоверно отобразился весь комплекс индивидуализирующих признаков.

Если посчитать вероятность выбора установленной нами пластинки по совокупности всех рассматриваемых математических методов и оценок, то она достаточно маленькая - всего 12,5%. Т. е. вероятность эксперта в рамках экспертного эксперимента выбрать именно эту пластинку, наиболее информативную не с субъективной, а с математически обоснованной, объективной точки зрения, очень мала.

Исходя из систематизации данных и анализа результатов всех определенных нами этапов исследования, мы описали конкретные организационно-тактические условия проведения экспертного эксперимента и дали оценку его результатов в рамках математико-статистического подхода и вероятностно-статистической оценки частных признаков исследуемых объектов. Также нами было выявлено и дано обоснование необходимости совместного использования методов крими-

налистики и математического анализа в процессе получения и толкования результатов экспертного эксперимента в рамках трасологической экспертизы.

Список литературы

1. Центр экспертиз при Институте судебных экспертиз и криминалистики. URL: https://www.ceur.ru (дата обращения: 29.04.2020).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Ошибки при проведении экспертизы // ProSud24.ru. URL: http://prosud24.ru/sudebnaja-jekspertiza-tipichnye-oshibki/ (дата обращения: 29.04.2020).

4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 г. Москва «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; 2019. № 14. Ст. 1459.

6. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. М.: Проспект, 2012. С. 523.

7. Белкин Р. С. Криминалистика: учебник для вузов. М.: НОРМА, 2001. С. 990.

8. Кудрявцева Л. В. Внутреннее убеждение эксперта и его роль в процессе экспертного исследования // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: Межвузовский сборник научных трудов. Уфа: РИО БашГУ, 2003. 236 с.

9. Кантор И. В. Трасология и трасологическая экспертиза: учебник. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. С. 376.

10. Стамески плоские и полукруглые. Технические условия: ГОСТ 1184-80. Изд. офиц.: переизд. (март 1994 г.) с изм. № 1, 2, 3, утвержд. в июне и в нояб. 1986 г., февр. 1989 г. (ИУС 9-86, 2-87, 5-89). Взамен: ГОСТ 1184-69: введ. 01.01.1982. URL: http://docs.cntd.ru/document/gost-1184-80 (дата обращения: 29.04.2020).

References

1. Centre for Expertise at the Institute of Forensic Science and Forensics. URL: https://www.ceur.ru (access date: April 29, 2020).

2. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // The Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Article 2954.

3. Errors During the Expert Examination // ProSud24.ru. URL: http://prosud24.ru/sudebnaja-jekspertiza-tipichnye-oshibki/ (access date: April 29, 2020).

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2017 No. 51, Moscow, On the Practice of Applying the Law When Considering Criminal Cases in a Court of First Appearance (a General Procedure for Legal Proceedings) // Consultant Plus.

5. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ // The Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part 1). Art. 4921; 2019. No 14. Art. 1459.

6. Rossinskaya, Ye. R. Court Expertise: Common Errors. Moscow: Prospekt, 2012. P. 523.

7. Belkin, R. S. Criminalistics: A Textbook. Moscow: NORMA, 2001. P. 990.

8. Kudryavtseva, L. V. The Inner Belief of an Expert and Its Role in the Process of Expert Research // Topical Problems of the Criminal Process in Modern Russia. Ufa: Bashkir State University, 2003. 236 p.

9. Kantor, I. V. Trace Evidence and Trace Examination: A Textbook. Moscow: IMTs GUK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. P. 376.

10. Woodworking Chisels and Gouges. Specifications: GOST 1184-80. URL: http://docs.cntd.ru/document/gost-1184-80 (access date: April 29, 2020).

УДК/UDC 343

Природа юридической ответственности за использование допинга в спорте

Хить Яна Александровна
слушательница факультета подготовки специалистов по программам высшего образования
Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: yana.khit@yandex.ru

Тащиян Аршак Андраникович
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры физической подготовки
Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: tashciyan.azniv@mail.ru
SPIN-код: 9165-0091

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению уголовной ответственности за использование субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. Авторами рассмотрены родовой, видовой и непосредственный объекты данного правонарушения, дана подробная характеристика предмета, рассмотрены деяния, входящие в состав объективной стороны, изучены субъективная сторона, а также перечень лиц, которые входят в субъектный состав преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Сформулированы существующие проблемы в уголовном законодательстве и предложены возможные пути их решения. В статье уделено внимание и международным аспектам, что свидетельствует о транснациональном характере вопросов применения субстанций и (или) методов, запрещенных в спорте, в том числе рассмотрена дисциплинарная ответственность, предусмотренная Всемирным антидопинговым кодексом 2003 г.

Ключевые слова: уголовная ответственность, допинг, запрещенные субстанции и (или) методы, антидопинговая политика, совершенствование уголовного законодательства.

The Nature of Legal Liability for the Use of Doping in Sport

Khit Yana Aleksandrovna
student of the Faculty of Training Specialists in Higher Education Programs
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: yana.khit@yandex.ru

Tashchiyan Arshak Andranikovich
Candidate of Law, senior lecturer of the Department of Physical Training
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: tashciyan.azniv@mail.ru
SPIN Code: 9165-0091

Abstract

This article touches upon the criminal liability for the use of the substances and (or) methods prohibited for use in sports. The authors consider the generic, specific, and direct objects of this misdeed, give a detailed description of the subject, considers the acts that are part of the objective side, examines the subjective side and the list of the persons who are part of the subject of crimes provided for in Articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors highlight the existing problems in criminal legislation and suggest the possible ways to improve it in this area. Attention is also paid to international aspects, which indicates the transnational nature of the issues of the use of substances and (or) methods prohibited in sports, including the disciplinary responsibility provided for by the World Anti-Doping Code of 2003.

Key words: criminal liability, doping, prohibited substances and (or) methods, anti-doping policy, improvement of criminal legislation.

Проблема применения запрещенных для использования в спорте субстанций (допинга) с каждым годом приобретает все большую акту-

альность. Антидопинговые организации всего мира занимаются ужесточением контроля над данной сферой, в том числе и путем расширения перечня препаратов и субстанций, применение которых спортсменам запрещено. Ведется учет лиц, в отношении которых установлен факт принятия допинга (проведенные В. В. Сараевым исследования показали, что общее число лиц, употребляющих допинг, составляет 15,5 млн человек в мире, при этом 37% тех, кто использует допинг, являются профессиональными спортсменами [1]), они привлекаются к дисциплинарной ответственности вплоть до дисквалификации, однако данные меры не приводят к искоренению проблемы. Дело в том, что зачастую сам спортсмен выступает не исполнителем, а жертвой противоправных деяний, в то время фактически участвующими в обороте допинга являются иные лица. Примерами могу служить дела в отношении тренера Тайсона Гэя Джона Драммонда [2], а также бывшего директора антидопинговой лаборатории Г. Родченкова [3].

Законодатель, приходя к такому же выводу, решил проблему радикально: дополнил в 2016 г. уголовное законодательство двумя статьями: ст. 230.1 УК РФ (предусматривающей уголовную ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте) и ст. 230.2 УК РФ (направленной на закрепление уголовной ответственности за использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте) [4].

Подробней рассмотрим состав введенных статей.

Родовым объектом данных преступлений выступают общественные отношения против общественной безопасности и общественного порядка.

Видовой объект - общественные отношения, регулирующие охрану здоровья населения, поддержание и сохранение общественной нравственности.

Основным непосредственным объектом рассматриваемых преступлений являются общественные отношения, направленные на обеспечение здоровья людей в спортивной сфере.

Объективную сторону преступлений, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 230.1 УК РФ, составляет склонение спортсмена тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Для объективной стороны противоправных деяний, образующих состав преступления, предусмотренный ст. 230.2 УК РФ, характерно использование в отношении спортсмена независимо от его согласия тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

Следует уделить внимание и тому факту, что для исключения разногласий в понимании того, какие действия должны быть отнесены к «склонению», законодателем в прим. 1 к ст. 230.1 УК РФ дается четкое понимания тех действий, которые подпадают под данную категорию.

Предметом преступлений данной области следует считать субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте. Перечень таких субстанций и методов закреплен постановлением Правительства Российской Федерации от 28.03.2017 № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» [5]. Данный перечень предусматривает три позиции запрещенных субстанций:

1) анаболические агенты (S1) (содержит 87 позиций);
2) пептидные гормоны, факторы роста и миметики (S2) (содержит 23 позиции);
3) гормоны и модуляторы метаболизма (S4) (содержит 10 позиций).

К запрещенным методам согласно перечню относятся:

1) манипуляции с кровью и ее компонентами (M1),
2) химические и физические манипуляции (M2),
3) генный и клеточный допинг (M3).

Однако перечисленные в рассматриваемом постановлении запрещенные субстанции и методы не являются исчерпывающим перечнем. Более широкий список содержится в приказе Минспорта России от 21.11.2019 № 964 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» [6]. Рассматриваемый перечень имеет более сложную структуру. Он предусматривает три раздела: «субстанции и методы, запрещенные все время (как в соревновательный, так и во внесоревновательный период)», «субстанции и методы, запрещенные в соревновательный период» и «субстанции, запрещенные в отдельных видах спорта», каждый из который включает свой перечень запрещенный субстанций. Так, первый раздел включает в себя неодобренные субстанции (S0), анаболические агенты (S1), пептидные гормоны, факторы роста, подобные субстанции и миметики (S2), бета-2-агонисты (S3), гормоны и модуляторы метаболизма (S4), диуретики и маскирующие агенты (S5) и «запрещенные методы» (манипуляции с кровью и ее компонентами (M1), химические и физические манипуляции (M2), генный и клеточный допинг (M3)).

Второй раздел закрепляет «запрещенные субстанции» (стимуляторы (S6), наркотики (S7), каннабиноиды (S8), глюкокортикоиды (S9)).

Заключительный раздел посвящен бета-блокаторам (P1), которые запрещены для таких видов спорта, как автоспорт (FIA), бильярдный спорт (WCBS), дартс (WDR), гольф (IGR), лыжный спорт/сноуборд (FIS), подводное плавание (CMAS), стрельба (ISSF, IPC), в том числе из лука (WA).

Такое значительное различие между содержанием перечней порождает некоторые проблемы. Так, после скандала, связанного с установлением факта употребления российскими спортсменами мельдония, который содержался во втором перечне, но отсутствовал во втором, привел к тому, что теоретически было совершено противоправное деяние, практически же лиц, причастных к его совершению, было невозможно привлечь к уголовной ответственности. В последующем первый перечень был дополнен данной позицией, но все-таки для успешной реализации проти-

водействия преступности необходимо предупреждать преступность, а не бороться с последствиями. Все это наводит на мысль о необходимости проведения определенной работы по данному направлению.

Обязательным при рассмотрении состава преступлений данной категории является наличие специального потерпевшего - спортсмена, под которым, согласно п. 22 ст. 2 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», понимается «физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях» [7]. Из определения следует, что для определения лица как спортсмена необходимы два условия:

— занятие им одним либо несколькими видами спорта;
— участие в спортивных соревнованиях (причем их уровень не имеет значения).

Субъект преступлений, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, - специальный. Им могут быть:

— тренер,
— специалист по спортивной медицине,
— иной специалист в области физической культуры и спорта.

Определения данных категорий лиц даются в Федеральном законе от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», Приказе Минспорттуризма России от 16.04.2012 № 347 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации» [8] и Приказе Минздравсоцразвития России от 23.07.2010 № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» в разделе «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» [9].

Относительно субъективной стороны отметим, что данные противоправные деяния должны характеризоваться прямым умыслом, а мотив и цель их совершения на квалификацию не влияют.

После дачи общей характеристики составу преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за использование субстанций и (или) методов, использование которых запрещено в спорте, акцентируем внимание на некоторых их элементах, вызывающих наибольшие споры.

Первым из них рассмотрим предмет противоправных деяний данной сферы. Его содержание было подробно описано ранее, поэтому не станем повторятся, а остановимся на том, что вызывает разногласия.

Использование в спорте запрещенных субстанций и методов имеет богатую историю. Их появление обусловлено, с одной стороны, обеспечением зрелищности соревнований, с другой - постоянным улучшением результатов. С развитием экономических отношений, вовлечением спорта в эти отношении, ростом призового фонда при победе в соревнованиях появился еще один «стимул» - финансовое обогащение. В то же время предел человеческих возможностей ограничен. В настоящее время достичь результатов, достаточных для уровня кандидата в мастера спорта, затруднительно, а достижение уровня мастера спорта практически невозможно, не говоря уже о постановке рекордов [10]. При таких высоких требованиях спортсмен вынужден постоянно находиться на пределе своих возможностей, что может привести к неблагоприятным для него последствиям. Вместе с тем раз существуют запрещенные, следовательно, есть и разрешенные субстанции и методы. Отсюда возникает тема для размышлений: в чем принципиальная разница между этими категориями. Например, есть вещества, которые оказывают практически идентичное воздействие на организм, но относятся к разным категориям:

— пищеварительные ферменты и тестостерон, которые способствуют анаболическим процессам;

— аскорбиновая кислота, которая в больших количествах может привести к серьезным нарушениям, и метандростеналон, который в первую очередь является лекарственным средством [11].

Вместе с тем в ходе тренировок спортсмен не успевает восстанавливаться, находясь в состоянии переутомления. А развитие политики постоянного ужесточения со стороны WADA может привести к тому, что под запретом могут оказаться все витамины и те препараты, которые оказывают содействие в восстановлении после нагрузки [12]. Может показаться, что к такому положению и нужно стремиться, освободив спорт от влияния различного рода препаратов. Но позиция медицины однозначна: при высокой нагрузке человеку необходимы витамины для помощи организму [13, 14].

Для решения данной проблемы нам видится целесообразным изменить подход к отнесению субстанции и (или) метода к запрещенным, сделав акцент на том, к каким нарушениям в организме приводит использование данного препарата или метода в организме спортсмена.

Следующим элементом, вызывающим споры, является субъект преступления.

Так, в трудах ученых данной области можно встретить положения, касающиеся включения в перечень субъектов также самих спортсменов. Мы же считаем, что такая позиция не является обоснованной, т. к. если говорить о профессиональных спортсменах, то дисциплинарная ответственность для них влечет в некоторых аспектах более серьезные последствия. В ст. 10 Всемирного антидопингового кодекса 2003 г. предусмотрены следующие виды санкций за нарушение антидопингового законодательства:

— аннулирование результатов во время спортивного события;
— дисквалификация за наличие либо использование допинга (на срок от двух лет);
— дисквалификация в случае отказа от предоставления допинг-проб и попытки фальсификации в любой составляющей допинг-контроля;

— дисквалификация за нарушение состояния доступности спортсмена для взятия у него проб во время внесоревновательного периода;
— финансовые санкции за нарушение антидопинговых правил, пределы которых устанавливаются антидопинговыми организациями.

Применение же запрещенных средств и методов любителем не подпадает под положения антидопингового законодательства, да и не содержит общественной опасности, достаточной для привлечения к ответственности [15].

Заключительным элементом, на который мы бы хотели обратить внимание, является объективная сторона. Нами в начале статьи был приведен пример привлечения к ответственности лица, который распространял субстанции, запрещенные к использованию в спорте. При этом в действующем законодательстве нельзя найти состав, предусматривающий уголовную ответственность за данное деяние, что можно считать несовершенством уголовного законодательства в данной области.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что для совершенствования действующего уголовного законодательства в сфере спорта необходимо:

1. Пересмотреть перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, акцентировав внимание на тех нарушениях, к которым они могут привести, а также оптимизировать содержание перечней, которые закрепляют общий список таких субстанций и (или) методов и тех, за применение которых устанавливается уголовная ответственность.
2. Рассмотреть вопрос об установлении уголовной ответственности за распространение допинга.

Список литературы

1. Сараев В. В. О необходимости уголовно-правовой охраны оборота допинга // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 4. С. 26–29.

2. Экс-тренер Гэя дисквалифицирован на 8 лет за торговлю стероидами // Спортивная газета «Спорт-экспресс». URL: http://www.sport-express.ru/doping/news/757424 (дата обращения: 06.04.2020).

3. СК выявил, что Родченков незаконно приобретал и распространял допинг среди спортсменов // Государственное информационное агентство ТАСС. URL: http://tass.ru/sport/3428503 (дата обращения: 06.04.2020).

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил): Федеральный закон Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 392-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 48 (ч. I). Ст. 6732.

5. Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 339 (ред. от 29.04.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 14. Ст. 2074.

6. Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: Приказ Минспорта России от 21 ноября 2019 г. № 964 // Официальный интернет-портал правовой информации «Право». URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.04.2020).

7. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242.

8. Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации: приказ Минспорттуризма России от 16 апреля 2012 г. № 347 (Зарегистрировано в Минюсте России 04.05.2012 № 24063) // Российская газета. 16.05.2012.

9. Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения»: приказ Минздравсоцразвития России от 23 июля 2010 г. № 541н (ред. от 09.04.2018) (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2010 № 18247) // Российская газета. 27.09.2010.

10. Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л., Кузьмин Ю. С и др. Ценностные ориентиры современного спорта // Теория и практика физической культуры. 2018. № 4. С. 93–95.

11. Башмакова О. П., Доника А. Д. Токсикологические аспекты применения допинга // Успехи современного естествознания. 2014. № 6. С. 85–86.

12. Карина О. В., Киселева М. А., Шустова Н. Е. Представления молодых спортсменов о допинге: системный анализ // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 4. С. 28–35.

13. Аникина А. В., Аникин В. И. Допинг в спорте как исследовательская проблема: обзор российских публикаций // Педагогико-психологические и медико-биологичекие проблемы физической культуры и спорта. 2018. № 4. С. 48–54.

14. Брусникина О. А., Песков А. Н. Практика применения допинга в профессиональном спорте и последствия для здоровья спортсменов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 31 (268). С. 41–54.

15. Тащиян А. А., Смоляков Е. В., Оразбаева А. Г. Проблемы договорного регулирования профессиональных спортивных отношений // Здоровый образ жизни человека - национальная проблема современного общества: Электронный сборник материалов VII национальной научно-практической конференции студентов и преподавателей. Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2018. С. 178–181.

References

1. Sarayev, V. V. On the Need for Criminal Legal Protection of Doping Turnover // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia. 2008. No. 4. Pp. 26–29.

2. Tyson Gay's Ex-Coach Disqualified for 8 Years for Selling Steroids // Sport-Ekspess. URL: http://www.sport-express.ru/doping/news/757424 (access date: April 6, 2020).

3. The Investigative Commitee Found that Rodchenkov Illegally Acquired and Distributed Doping Among Athletes // TASS. URL: http://tass.ru/sport/3428503 (access date: April 6, 2020).

4. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in Terms of Increasing Responsibility for Violations of the Anti-Doping Rules): Federal Law No. 392-FZ of November 22, 2016 // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 48 (Part I). Art. 6732.

5. Approval of the List of Substances and (or) Methods Prohibited for Use in Sport for the Purposes of Articles 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of March 28, 2017 No. 339 (as amended on April 29, 2019) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 14. Art. 2074.

6. On Approval of the List of Substances and (or) Methods Prohibited for Use in Sports: Order of the Ministry of Sports of Russia of November 21, 2019 No. 964 // The

Official Web Portal of Legal Information. URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: April 6, 2020).

7. On Physical Culture and Sport in the Russian Federation: Federal Law of December 04, 2007 No. 329-FZ (as amended on August 2, 2019) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 50. Art. 6242.

8. On Approval of the List of Other Specialists in the Field of Physical Education and Sports in the Russian Federation and the List of Specialists in the Field of Physical Education and Sports Included in the Sports Teams of the Russian Federation: Order of the Ministry of Sports of Russia of April 16, 2012 No. 347 (Registered in the Ministry of Justice Russia on May 4, 2012 No. 24063) // Rossiyskaya gazeta. 2012. May 16.

9. On Approval of the Unified Qualification Guide for the Positions of Managers, Specialists, and Employees, Section: Qualification Characteristics of the Positions of Healthcare Workers: Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia of July 23, 2010 No. 541n (as amended on April 9, 2018) (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 08.25 .2010 No. 18247) // Rossiyskaya gazeta. 2010. September 27.

10. Markushina, N. Yu., Tserpitskaya, O. L., Kuzmin, Yu. S. et al. Values-Based Reference Points for Modern Sports // Theory and Practice of Physical Culture. 2018. No. 4. Pp. 93–95.

11. Bashmakova, O. P., Donika, A. D. Toxicological Aspects of the Use of Doping // Advances in Current Natural Sciences. 2014. No. 6 Pp. 85–86.

12. Karina, O. V., Kiseleva, M. A., Shustova, N. E. Young Sportsmen's Ideas About Doping: System Analysis // Bulletin of the Moscow Region State University. 2013. No. 4. Pp. 28–35.

13. Anikina, A. V., Anikin, V. I. Doping in Sport as a Research Topic (Russian Contributions Review) // Pedagogical-Psychological and Medico-Biological Problems of Physical Culture and Sports. 2018. No. 4. Pp. 48–54.

14. Brusnikina, O. A., Peskovm A. N. The Practice of Doping in Professional Sports and the Consequences for the Health of Athletes / / National Interests: Priorities and Security. 2014. No. 31 (268). Pp. 41–54.

15. Tashchiyan, A. A., Smolyakov, Ye. V., Orazbayeva, A. G. Problems of Contractual Regulation of Professional Sports Relations // Healthy Lifestyle as a National Problem of the Modern Society. Nevinnomyssk: Nevinnomyssk State Humanitarian Technical Institute, 2018. Pp. 178–181.

УДК/UDC 346.26

Правовое регулирование рекламной деятельности за рубежом

Трифонова Кристинэ Васаковна
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, доцент кафедры гражданского права
Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» г. Симферополь, Россия
e-mail: kri-kazaryan@yandex.ru

Шумилина Анастасия Борисовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право»
Донской государственный технический университет
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»
Ростовский государственный университет путей сообщения
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: nashum82@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности правового регулирования рекламной деятельности в иностранных государствах. Авторы в статье рассматривают базовые категории современных механизмов правового регулирования рекламной деятельности в Евросоюзе. На примере французского и английского права авторы приходят к выводу, что национальные основы современных механизмов правового регулирования рекламной деятельности в Европе не обязательно транспонируют нормы ЕС в силу наличия в ряде европейских стран сложившихся традиций успешного регулирования, в том числе и в рекламной сфере.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, реклама, иностранные государства, национальное право, международное частное право, предпринимательское право.

Legal Regulation of Advertising Activities Abroad

Trifonova Kristine Vasakovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law, assistant professor of the Department of Civil Law
Crimean Branch of the Russian State University of Justice
Simferopol, Russia
e-mail: kri-kazaryan@yandex.ru

Shumilina Anastasiya Borisovna
Candidate of Law, assistant professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law
Don State Technical University
assistant professor of the Department of Civil Law and Process
Rostov State Transport University
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: nashum82@mail.ru

Abstract

The article examines the features of legal regulation of advertising activities in foreign countries. The authors consider the basic categories of modern mechanisms of legal regulation of advertising activities in the European Union. Using the example of French and English law, the authors conclude that the national foundations of modern mechanisms for legal regulation of advertising activities in Europe do not necessarily transpose the EU rules because of the prevailing traditions of successful regulation in a number of European countries, including the advertising field.

Key words: business, advertising, foreign states, national law, international private law, business law.

Рассматривая актуальные особенности правового регулирования рекламной деятельности за рубежом, целесообразно указать на особенности европейского права как наиболее систематизированной самостоятельной правовой системы, близкой к российскому праву по своим основным характеристикам [1].

В праве Евросоюза (ЕС), равно как и в национальном праве европейских стран, нет специального законодательного акта, посвященного регулированию рекламы как специального вида информации. Анализ основного правового ресурса ЕС - системы доступа к законодательству Европейского Союза EUR-Lex показывает наличиемножества нормативных правовых актов Евросоюза и стран его участниц, в которых обозначены правовые нормы о рекламе, рекламной деятельности (англ. «advertising», «advertising activity»):

— общее число правовых актов Евросоюза и стран его участниц с нормами о рекламе составляет 14576 документов;
— количество законодательных актов, регулирующих те или иные вопросы, связанные с рекламной деятельностью в странах ЕС, составляет 10 553 документа;
— перечень актов прецедентного права в сфере оборота рекламы составляет 3023 документа [2].

При этом базовые директивы ЕС и постановления Европарламента, Совета ЕС формируют нормы о регулировании европейской рекламы главным образом в контексте угрозы возможных правонарушений и мер их предотвращения, связанных с рекламой конкретного вида, определенного продукта. В числе таких директив стоит указать:

1) Директиву 2006/114/ЕС от 12 декабря 2006 г., касающуюся рекламы, вводящей в заблуждение, и сравнительной рекламы (далее -Директива 2006/114/ЕС) [3];
2) Директиву 2003/33/ЕС от 26 мая 2003 г. о сближении законов, положений и административных положений государств-членов ЕС, касающихся рекламы и спонсорства табачных изделий [4];
3) Директиву 2005/29/ЕС от 11 мая 2005 г. о недобросовестной коммерческой практике на внутреннем рынке [5];
4) Директиву 2010/13/ЕС от 10 марта 2010 г. о согласовании некоторых положений, установленных законом, постановлением или административным решением в государствах-членах в отношении предоставления аудиовизуальных медиауслуг [6];

5) Директиву 2001/83/ЕС от 6 ноября 2001 г. о кодексе ЕС, касающегося лекарственных средств для использования человеком [7];
6) Директиву 2016/943/ЕС от 8 июня 2016 г. о защите нераскрытых ноу-хау и деловой информации (коммерческой тайны) от их незаконного приобретения, использования и раскрытия [8];
7) Постановление ЕС 2016/679 от 27 апреля 2016 г. по защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных [9] и т. д.

В частности, положения статей 1–4 Директивы 2006/114/ЕС о правовых механизмах оборота рекламы, вводящей в заблуждение, и сравнительной рекламы устанавливают:

1. Цель этой директивы - защита трейдеров от вводящей в заблуждение рекламы и ее несправедливых последствий, а также определение условий, при которых допускается сравнительная реклама.
2. Терминологический аппарат регулируемой сферы отношений:
    1) Установление рекламы как информационного представления в любой форме в связи с торговлей, с бизнесом, с ремеслом или с профессией в целях содействия поставкам товаров или услуг, включая сферу недвижимого имущества, прав и обязанностей.
    2) Определение рекламы, вводящей в заблуждение, как рекламы, которая каким-либо образом обманывает или может обмануть лиц, которым она адресована или которые ее восприняли, и которая в силу своей обманчивой природы может повлиять на их экономическое поведение или которая по этим причинам наносит вред, может нанести вред конкуренту.
    3) Сравнительная реклама - любая реклама, которая явно или косвенно идентифицирует конкурента или товары (услуги), предлагаемые конкурентом и т. д.

3. Правовой механизм определения того, вводит ли реклама в заблуждение, с учетом информации, которую она содержит:
    1) Характеристики товаров или услуг, таких как их доступность, характер, исполнение, состав, способ и дата изготовления, пригодность для назначения, использования, количество, спецификация, географическое или коммерческое происхождение, результаты, которые следует ожидать от их использования, или результаты и материальные особенности испытаний или проверок, проведенных на товаре или с помощью услуги.
    2) Цена или способ расчета цены, а также условия, на которых предоставляются товары или услуги.
    3) Характер, атрибуты и права рекламодателя, такие как его личность и активы, его квалификация и право собственности на промышленные, коммерческие или интеллектуальные права собственности или его награды и отличия.
4. Правовой механизм определения сравнительной рекламы - исполнения следующих условий:
    1) Реклама не вводит в заблуждение по смыслу статей 2 (b), 3 и 8 (1) настоящей директивы или статей 6 и 7 Директивы 2005/29/ЕС о недобросовестной коммерческой практике на внутреннем рынке.
    2) Реклама сравнивает товары или услуги, отвечающие тем же потребностям или предназначенные для той же цели.
    3) Реклама объективно сравнивает один или несколько существенных, релевантных, поддающихся проверке и репрезентативных признаков этих товаров и услуг, которые могут включать цену.
    4) Реклама не дискредитирует и не очерняет торговые марки, торговые наименования, другие отличительные знаки, товары, услуги, действия или обстоятельства конкурента и т. д.

Таким образом, на примере Директивы 2006/114/ЕС и с учетом содержания других директив ЕС, обозначенных ранее, можно сделать вывод об основных целях современных механизмов правового регулирования рекламной деятельности в Евросоюзе, направленных на защиту трейдеров, потребителей и прочих участников рыночных отношений, реализация прав, интересов которых зависит прямо или косвенно от содержания распространяемой рекламы.

В качестве примера национального права стран Европы, которое в основном транспонирует (но не обязательно в полном объеме) положения права Евросоюза, стоит привести множество законов, прочих нормативных правовых актов, которые детализируют положения Директивы 2006/114/ЕС о правовых механизмах оборота рекламы, вводящей в заблуждение, и сравнительной рекламы.

Например, в Германии Закон против недобросовестной конкуренции 03.07.2004 (Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb, UWG) [10] направлен на реализацию:

- Директивы 2006/114/ЕС о вводящей в заблуждение и сравнительной рекламе;
- Директивы 2005/29/ЕС о недобросовестной коммерческой практике предприятий по отношению к потребителям на внутреннем рынке;
- связанных Директив 97/7/ЕС, 98/27/ЕС, 2002/65/ЕС о защите потребителей по договорам, заключаемым дистанционным способом, о дистанционном маркетинге потребительских финансовых услуг;
- связанных Директив 2002/58/ЕС и 2009/136/ЕС в части, касающейся обработки персональных данных и защиты конфиденциальности в секторе электронных коммуникаций;
- Директивы 98/34/ЕС об информационных стандартах, технических регламентах и правилах оказания услуг в информационном обществе.

По данному поводу И. В. Ермакова логично отмечает [11], что легальное немецкое определение рекламы присутствует в понятии сравнительной рекламой, которое соответствует Директиве 2006/114/ЕС и согласно ч. 1 параграф 6 Закона ФРГ о противодействии недобросовестной конкуренции (UWG) понимается любой информацией:

— распространенной любым образом, любым способом с целью оказания влияния на потребителя и продвижения сбыта того или иного товара;
— содержащей прямое или косвенное упоминание конкурента либо предлагаемых им товаров или услуг.

Схожая реализация базовых норм (транспонирование) директив ЕС проводится в большинстве стран-участниц с учетом особенностей развития национального права в сфере рекламы. В частности, согласно данным системы доступа к законодательству Европейского Союза EUR-Lex положения Директивы 2006/114/ЕС не транспонированы в Бельгии, Дании, Эстонии, Греции, Франции, Италии, Люксембурге, Нидерландах, Словении, Финляндии [2].

Значит, можно сделать вывод, что союзная основа современных механизмов правового регулирования рекламной деятельности в Евросоюзе реализуется (транспонируется) с учетом особенностей развития национального права в сфере рекламы и может не применяться в некоторых странах ЕС (Бельгии, Дании, Эстонии, Греции, Франции, Италии и пр.).

По данному поводу стоит отметить, что по данным Ассоциации агентств Франции по коммуникациям нормативная база в области рекламы развивается по двум основным направлениям [12].

Во-первых, регулируются правовые механизмы защиты от рекламы в авторском праве, праве на товарные знаки в сфере действий недобросовестных конкурентов в рамках кодифицированных норм:

— нормы Книги I Кодекса интеллектуальной собственности (далее - Кодекса ИС) [13] определяют общие правовые механизмы защиты от рекламы в авторском праве,

— положения Статьи L 132-31 Кодекса ИС регулируют основы договора заказа на рекламу,
— требования Книги VII Кодекса ИС устанавливают основы собственности относительно товарных знаков.

Во-вторых, регулируются механизмы формирования распространения рекламы (рекламной деятельности) в рамках самодисциплины, самоорганизации субъектов рекламного рынка и соответствующих 25 отраслевых законов [14]:

— нормами о прозрачности и выгоде от рекламы 2 главы Закона от 29.01.1993 о предупреждении коррупции и обеспечению прозрачности экономической жизни и публичных процедур, так называемого закона елочки («LOI Sapin») [15], которые определяют: общее правило покупки рекламного места или оказания услуги с целью редактирования или распространения печатных рекламы через посредника как для рекламодателя, так и для его контрагента (в рамках письменного договора); запрет для агента на получение другой оплаты, не предусмотренной договором; запрет для провайдера, который предоставляет услуги консалтинга в медиа-сфере или поддержки рекламного пространства, на получение другого вознаграждения или выгоды от продавца, места (не обозначенного договором) и т. д.;
— положениями Закона № 2016-1771 от 20 декабря 2016 г. [16] установлены требования по удалению рекламы в молодежных программах общественного телевидения;
— нормами Закона № 97-987 от 28 октября 1997 г. [17] внесены существенные изменения в гражданский кодекс в соответствии с положениями Гаагской конвенции о праве, применимой к организации рекламы путем применения иностранного закона и т. д.

В Англии действуют два общих закона, реализующих национальные традиции и соответствующие лишь в некоторой мере указанным выше директивам ЕС:

1. Закон об азартных играх (лицензирование и реклама) 2014 г. [18] определяет:
    1) Механизмы лицензирования дистанционных азартных игр.
    2) Механизмы регулирования рекламной деятельности в игорном бизнесе относительно рекламы азартных игр через удаленную связь в Великобритании, по рекламе нелицензионных дистанционных азартных игр в Северной Ирландии и т. д.;
    3) Правовые механизмы правонарушений, связанных с рекламой нелицензированных дистанционных азартных игр:
        1) Лицо, рекламирующее нелицензированные удаленные азартные игры, совершает преступление.
        2) Запрет в предыдущем подразделе применяется ко всему, что касается рекламы, которая осуществляется полностью или частично в Северной Ирландии.
    4) Лицо, виновное в совершении преступления в сфере рекламы, подлежит суммарному осуждению с учетом санкций: лишение свободы на срок, не превышающий 6 месяцев, штрафа, не превышающего пятого уровня по стандартной шкале.
2. Закон о рекламе и пропаганде табака 2002 г. [19] устанавливает:
    1) Понятие «реклама табака» как рекламы в целях продвижения табачного продукта, состоящего полностью или частично из табака и предназначенного для выгорания, вдыхания, всасывания или жевания.
    2) Механизмы запрета табачной рекламы:
        1) Лицо, которое в ходе коммерческой деятельности публикует в Соединенном Королевстве рекламу табака или приводит к ее опубликованию, является виновным в совершении преступления.

2) Лицо, которое в ходе коммерческой деятельности печатает, разрабатывает или распространяет в Соединенном Королевстве табачную рекламу, которая публикуется в Соединенном Королевстве, или приводит к тому, что такая табачная реклама печатается, разрабатывается или распространяется, является виновным в совершении преступления и т. д.

Таким образом, на примере французского и английского права можно говорить, что национальные основы современных механизмов правового регулирования рекламной деятельности в Европе не обязательно транспонируют союзные нормы ЕС в силу наличия в ряде европейских стран сложившихся традиций успешного регулирования, в том числе и в рекламной сфере.

Указанный вывод подтверждается содержанием немецкого законодательства, которое развивается и путем реализации союзного законодательства, и в направлении совершенствования национального права. В частности, содержание UWG составляют 4 главы с 20 параграфами и одним приложением:

1. Глава 1 (параграф 1–7) определяет общие положения относительно:
   1) Цели закона в защите конкурентов, потребителей и других участников рынка от недобросовестных деловых действий, а также интересов общества в подлинной конкуренции.
   2) Определений понятий:
      1) «Деловая деятельность»- любое поведение лица в пользу собственного или чужого предприятия до, при и после заключения сделки, объективно связанное с продвижением пункта продажи или приобретения товаров, услуг или с заключением, выполнением договора о товарах или услугах (товаром также считаются земельные участки, услуги, права и обязательства).

2) «Участники рынка» - наряду с конкурентами и потребителями все лица, которые являются поставщиками или потребителями товаров или услуг.
3) «Сообщения» - любая информация, передаваемая или передаваемая между конечным числом участников посредством общедоступной электронной связи; не включает в себя информацию, которая может быть передана общественности через электронную коммуникационную сеть, если такая информация не может быть связана с идентифицируемым участником или пользователем, получающим ее.
4) «Предпринимательской заботы» - это стандарт компетентности и внимательности, который по разумным причинам соблюдается предпринимателем добросовестно в своей сфере деятельности по отношению к потребителям с учетом приличных рыночных показателей и т. д.

3) Правового механизма запрета недобросовестных деловых действий, который включает условия недопустимости недобросовестных деловых действий:
   1) Деловые действия, направленные на потребителей, являются нечестными, если они не соответствуют предпринимательской внимательности и подходят для существенного влияния на экономическое поведение потребителя.
   2) При оценке деловых действий по отношению к потребителям следует обратиться к среднему потребителю или, если бизнес-действие обращается к определенной группе потребителей, к среднему члену этой группы.
   3) Деловые действия, которые для предпринимателя предсказуемо влияют на экономическое поведение только однозначно идентифицируемой группы потре-

бителей, которые являются особенно уязвимыми из-за умственных или физических недостатков, возраста или доверчивости в отношении этих деловых действий или этих основных товаров или услуг, должны быть оценены с точки зрения среднего члена этой группы.

4) Признаков агрессивных деловых действий, если в конкретном случае, с учетом всех обстоятельств, они могут существенно повлиять на свободу выбора потребителя или другого участника рынка путем приставания, принуждения, включая применение физической силы;
5) Признаков, вводящих в заблуждение деловых действий;
6) Признаков сравнительной рекламы;
7) Правового механизма необоснованных домогательств и т. д.

2. Глава 2 (параграф 8–11) регламентирует формальное содержание правовых последствий нарушения UWG (признаки виновного устранения и бездействия, механизм возмещение ущерба, условия создания прибыли, установления срока давности).
3. Глава 3 (параграф 12–15) детализирует процедурные правила применения UWG (применения норм, разрешения публикации, снижения стоимости спора, предметной юрисдикции, местной юрисдикции и пр.).
4. Глава 4 (параграф 16–20) устанавливает правовые механизмы штрафов за нарушение UWG, в том числе:
    1) Условия уголовной ответственности за противоправную рекламную деятельность:
        1) Тот, кто с намерением вызвать появление особенно благоприятного предложения, в публичных объявлениях или в сообщениях, предназначенных для большого круга лиц, вводит в заблуждение ложными сведениями, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или штрафом.

2) Тот, кто делает это в бизнесе, обещая, что потребители будут получать специальные преимущества от самого организатора или от третьего лица и называет другие преимущества для соответствующей рекламы других клиентов, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или штрафом.

2) Механизмы ответственности за нарушение коммерческой тайны:

1) Лицо, работающее в компании, сообщающее коммерческую тайну, ставшую доступной в рамках трудовых отношений, кому-либо в целях конкуренции, в целях собственной выгоды, в пользу третьей стороны или с намерением причинить вред владельцу компании, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом.

2) Также наказывается тот, кто использует коммерческую тайну в целях конкуренции, в целях собственной выгоды, в пользу третьей стороны или с намерением нанести ущерб владельцу компании и т. д.

Помимо UWG немецкую рекламную деятельность регулируют нормы различных федеральных законов, например:

1. Закон о защите товарных знаков и других характеристик от 25.10.1994 (Markengesetz-MarkenG) в нормах параграф 14 определяет механизмы защиты исключительного права владельца товарного знака, судебного иска, иска по возмещению ущерба:

1) Приобретение товарного знака в соответствии с параграф 4 предоставляет владельцу товарного знака исключительное право.

2) Третьим лицам запрещено без согласия владельца торговой марки в деловых отношениях в отношении товаров или услуг: использовать знак, идентичный товарному знаку, для товаров или услуг, идентичных тем, для которых она

пользуется защитой; использовать знак, если знак идентичен или похож на товарный знак и используется для товаров или услуг, которые идентичны или схожи с товарным знаком, и для аудитории существует вероятность путаницы, которая включает в себя риск того, что знак будет мысленно связан с товарным знаком, и т. д.

3) Установлены специальные запреты: применения знака на товаре или их оформлении, упаковке; под знаком предлагать или предоставлять услуги; под знаком ввести или реализовать товар; использовать знак в коммерческих документах или в рекламе; использовать знак в сравнительной рекламе согласно требований Директивы 2006/114/ЕС и т. д.

2. Закон о рекламе лекарственных средств от 11.07.1965 (Heilmittelwerbegesetz-HWG) [20], регулирующий особенности рекламной деятельности в фармацевтической области, включающих среди прочего конкретизированные требования к ответственности за нарушение этого закона.

С учетом вышеизложенного можно резюмировать, что современные механизмы правового регулирования рекламной деятельности в европейских странах отличаются возможным соответствием множеству директив ЕС и постановлений Европарламента, Совета ЕС, приоритетным регулированием механизмов защиты субъектов, связанных с рекламой, обязательным развитием собственных правовых традиций и внесением в национальное законодательство о рекламе детализированных конструкций ответственности за нарушение соответствующего закона.

Список литературы

1. Бирюков М. М. Современное развитие Европейского Союза: международно-правовой подход: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2004. 45 с.

2. Система доступа к законодательству Европейского Союза (EUR-Lex). URL: https://eur-lex.europa.eu/ (дата обращения: 02.02.2020).

3. Directive 2006/114/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 concerning misleading and comparative advertising. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32006L0114 (дата обращения: 02.02.2020).

4. Directive 2003/33/EC of the European Parliament and of the Council of 26 May 2003 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States relating to the advertising and sponsorship of tobacco products. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32003L0033 (дата обращения: 02.02.2020).

5. Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC No 2006/2004. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32005L0029 (дата обращения: 02.02.2020).

6. Directive 2010/13/EU of the European Parliament and of the Council of 10 March 2010 on the coordination of certain provisions laid down by law, regulation or administrative action in Member States concerning the provision of audiovisual media services. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32010L0013 (дата обращения: 02.02.2020).

7. Directive 2001/83/EC of the European Parliament and of the Council of 6 November 2001 on the Community code relating to medicinal products for human use. URL: https://www.ema.europa.eu/en/documents/regulatory-procedural-guideline/directive-2001/83/ec-european-parliament-council-6-november-2001-community-code-relating-medicinal-products-human-use_en.pdf (дата обращения: 02.02.2020).

8. Directive (EU) 2016/943 of 8 June 2016 on the protection of undisclosed know-how and business information (trade secrets) against their unlawful acquisition, use and disclosure. URL https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32016L0943 (дата обращения: 02.02.2020).

9. Regulation (EU) 2016/679 of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (дата обращения: 02.02.2020).

10. Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG) 03.07.2004 (in der Fassung vom 17. Februar 2016). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/uwg_2004/BJNR141400004.html (дата обращения: 02.02.2020).

11. Ермакова И. В. Сравнительная реклама в ФРГ: понятие и виды // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2014. № 6. С. 59–63.

12. Le cadre réglementaire concernant le secteur publicitaire s'articule (AACC). URL: http://www.aacc.fr/chiffres-et-documents-cles/juridique/cadre-r-eacute-glementaire-concernant-le-secteur-publicitaire/cadre-r-eacute-glementaire-concernant-le-secteur-publicitaire (дата обращения: 02.02.2020).

13. Code de la propriété intellectuelle (version consolidée au 23 décembre 2018). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006069414 (дата обращения: 02.02.2020).

14. Le site Légifrance, service public de la diffusion du droit par l'internet. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/rechTexte.do?reprise=true&page=1 (дата обращения: 02.02.2020).

15. LOI no 93-122 du 29 janvier 1993 relative à la prévention de la corruption et à la transparence de la vie économique et des procédures publiques. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000711604 (дата обращения: 02.02.2020).

16. LOI no 2016-1771 du 20 décembre 2016 relative à la suppression de la publicité commerciale dans les programmes jeunesse de la télévision publique. MCCX1526288L. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2016/12/20/MCCX1526288L/jo/texte (дата обращения: 02.02.2020).

17. LOI no 97-987 du 28 octobre 1997 modifiant le code civil pour l'adapter aux stipulations de la convention de La Haye sur la loi applicable aux régimes matrimoniaux et organiser la publicité du changement de régime matrimonial obtenu par application d'une loi étrangère. JUSX9600177L. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000752171&fastPos=4&fastReqId=614367555&categorieLien=id&oldAction=rechTexte (дата обращения: 02.02.2020).

18. Gambling (Licensing and Advertising) Act 2014. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/17/introduction (дата обращения: 02.02.2020 года).

19. Tobacco Advertising and Promotion Act 2002. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/36/introduction (дата обращения: 02.02.2020).

20. Gesetz über den Schutz von Marken und sonstigen Kennzeichen 25.10.1994 (Markengesetz - MarkenG). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/markeng/BJNR308210994.html (дата обращения: 02.02.2020).

References

1. Biryukov, M. M. The Modern Development of the European Union: International Legal Approach. Moscow, 2004. 45 p.

2. Access to European Union law (EUR-Lex). URL: https://eur-lex.europa.eu/ (access date: February 2, 2020).

3. Directive 2006/114/EC of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 concerning misleading and comparative advertising. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32006L0114 (access date: February 2, 2020).

4. Directive 2003/33/EC of the European Parliament and of the Council of 26 May 2003 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States relating to the advertising and sponsorship of tobacco products. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32003L0033 (access date: February 2, 2020).

5. Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC No 2006/2004. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32005L0029 (access date: February 2, 2020).

6. Directive 2010/13/EU of the European Parliament and of the Council of 10 March 2010 on the coordination of certain provisions laid down by law, regulation or administrative action in Member States concerning the provision of audiovisual media services. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32010L0013 (access date: February 2, 2020).

7. Directive 2001/83/EC of the European Parliament and of the Council of 6 November 2001 on the Community code relating to medicinal products for human use. URL: https://www.ema.europa.eu/en/documents/regulatory-procedural-guideline/directive-2001/83/ec-european-parliament-council-6-november-2001-community-code-relating-medicinal-products-human-use_en.pdf (access date: February 2, 2020).

8. Directive (EU) 2016/943 of 8 June 2016 on the protection of undisclosed know-how and business information (trade secrets) against their unlawful acquisition, use and disclosure. URL https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32016L0943 (access date: February 2, 2020).

9. Regulation (EU) 2016/679 of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (access date: February 2, 2020).

10. Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG) 03.07.2004 (in der Fassung vom 17. Februar 2016). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/uwg_-2004/BJNR141400004.html (access date: February 2, 2020).

11. Ermakova, I. V. Comparative Advertising in Germany: Notion and Types // Intellectual Property. Industrial Property. 2014. No. 6. Pp. 59–63.

12. Le cadre réglementaire concernant le secteur publicitaire s'articule (AACC). URL: http://www.aacc.fr/chiffres-et-documents-cles/juridique/cadre-r-eacute-glementaire-concernant-le-secteur-publicitaire/cadre-r-eacute-glementaire-concernant-le-secteur-publicitaire (access date: February 2, 2020).

13. Code de la propriété intellectuelle (version consolidée au 23 décembre 2018). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006069414 (access date: February 2, 2020).

14. Le site Légifrance, service public de la diffusion du droit par l'internet. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/rechTexte.do?reprise=true&page=1 (access date: February 2, 2020).

15. LOI no 93-122 du 29 janvier 1993 relative à la prévention de la corruption et à la transparence de la vie économique et des procédures publiques. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000711604 (access date: February 2, 2020).

16. LOI no 2016-1771 du 20 décembre 2016 relative à la suppression de la publicité commerciale dans les programmes jeunesse de la télévision publique. MCCX1526288L. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/eli/loi/2016/12/20/MCCX1526288L/jo/texte (access date: February 2, 2020).

17. LOI no 97-987 du 28 octobre 1997 modifiant le code civil pour l'adapter aux stipulations de la convention de La Haye sur la loi applicable aux régimes matrimoniaux et organiser la publicité du changement de régime matrimonial obtenu par application d'une loi étrangère. JUSX9600177L. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000752171&fastPos=4&fastReqId=614367555&categorieLien=id&oldAction=rechTexte (access date: February 2, 2020).

18. Gambling (Licensing and Advertising) Act 2014. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/17/introduction (access date: February 2, 2020 года).

19. Tobacco Advertising and Promotion Act 2002. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/36/introduction (access date: February 2, 2020).

20. Gesetz über den Schutz von Marken und sonstigen Kennzeichen 25.10.1994 (Markengesetz - MarkenG). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/markeng/BJNR308210994.html (access date: February 2, 2020).

УДК/UDC 343.9

Некоторые актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности

Яковец Евгений Николаевич
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации
ведущий научный сотрудник
Войсковая часть 2462
г. Москва, Россия
e-mail: koshka997@mail.ru
SPIN-код: 8190-5220

Аннотация

В данной статье рассматриваются проблемы оперативно-розыскной деятельности, которые остаются либо вовсе не исследованными, либо нуждаются в дальнейшей проработке. Необходимость их изучения предопределяется изменениями, происходящими в социально-экономической жизни общества, структуре и динамике преступности, российском законодательстве, а также современным состоянием теории этой деятельности и многими другими факторами. Особое внимание уделяется методологическим проблемам оперативно-розыскной деятельности (язык теории, методы познания) и сущности некоторых средств последней (оперативно-розыскной учет, служебные собаки), а также проблемам соотнесения оперативно-розыскных мер и оперативно-розыскных мероприятий. Исследуются вопросы соответствия названий оперативно-розыскных мероприятий и их содержания, варианты гласного содействия граждан при осуществлении ОРД. Анализируются проблемы оперативно-розыскной тактики по противодействию компьютерным преступлениям и рассматриваются организационные меры в ходе обеспечения информационной безопасности субъектов оперативно-розыскной деятельности, а также ее организация в особых условиях.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, методологические проблемы, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскные меры, гласное содействие граждан, киберпреступления, организационные меры.

Some Topical Theoretical and Practical Problems of Operational Search Activities

Yakovets Yevgeniy Nikolayevich
Doctor of Law, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
leading researcher
Military Unit 2462
Moscow, Russia
e-mail: koshka997@mail.ru
SPIN Code: 8190-5220

Abstract

This article discusses the problems of operational search activities that remain either not investigated at all, or need further study. The need to study these problems is determined by changes in the socio-economic life of society, in the structure and dynamics of crime, in the Russian legislation, as well as by the current state of the theory of this activity and many other factors. Special attention is paid to the following issues: methodological problems of operational search activity (language of theory, methods of cognition); the essence of some of the latter (investigative accounting, service dogs); problems of correlating the operational search measures and investigative activities; the compliance of names of investigative activities and their content; the options open to the assistance of citizens in the implementation of operational search activities; problems of operational search tactics to combat computer crime; organizational measures in the course of ensuring information security of subjects of operational search activities; organization of operational search activities under special conditions.

Key words: operational search activities, methodological problems, operational search measures, public participation of citizens, cybercrime, organizational measures.

Несмотря на значительное количество научных трудов, посвященных различным вопросам теории и практики оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) - на данный момент по проблемам ОРД защищено более 85 докторских диссертаций, подготовлено около 550 монографий и свыше 200 других научных и учебно-методических работ [1] - многие ее проблемы остаются либо вовсе не исследованными, либо нуж-

даются в дальнейшей разработке. Необходимость их изучения предопределяется изменениями, произошедшими за последние годы в социально-экономической жизни общества, структуре преступности, действующем законодательстве, регламентирующем ОРД, и др. В свое время весьма подробный анализ указанных проблем был осуществлен профессорами В. М. Атмажитовым и В. Г. Бобровым[2; 3, с. 107–129].Однако время идет очень быстро, и появляются новые проблемы.

По мысли указанных ученых, одно из первых мест среди данных теоретических проблем занимают вопросы методологии ОРД, к которым относятся положения, связанные с объектом, предметом, языком, принципами и методами познания этой теории. Как и прежде, доминирующее место среди них занимает вопрос о языке теории ОРД, о терминологии, используемой в нормативных правовых актах, в юридической (в т. ч. специальной) литературе и диссертационных исследованиях. Можно констатировать, что в последние годы идет «засорение» научного языка в рассматриваемой сфере, неоправданно используется много новых, ничем не обоснованных терминов, без раскрытия их содержания, без какой-либо увязки с общепринятой терминологией и т. д. Примеров тому немало. В качестве иллюстрации приведем лишь некоторые из них.

За последние несколько лет на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания РФ вынесен ряд законопроектов (проекты Федеральных законов № 369627-6 от 25 октября 2013 г., № 411826-6 от 18 декабря 2013 г., № 621149-6 от 13 октября 2014 г., № 793813-6 от 15 мая 2015 г. и др.), содержащих весьма неопределенное толкование термина «близкие лица» коррупционера и (или) наркодилера. Оно вызывает неоднозначную реакцию среди юристов из-за возможных нарушений конституционного принципа презумпции невиновности, которые могут последовать в случае их принятия. Все эти законопроекты предполагают внесение в ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно розыскной деятельности» (далее -ФЗ об ОРД) дополнений, которые предусматривают наделение органов, осуществляющих ОРД, полномочиями по сбору данных о законности происхождения денег,

ценностей, иного имущества и доходов от них у близких родственников осужденного коррупционера или крупного наркодилера, лиц, состоящих с ним в родстве (свойстве), и иных лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги ему в силу сложившихся отношений при наличии достаточных оснований полагать, что они получены им в результате совершения тяжких или особо тяжких преступлений коррупционной или наркотической направленности и (или) являются доходом от такого имущества.

Как известно, для организации оперативной проверки близких связей лица, подозреваемого в преступной деятельности, необходимы достаточные основания, регламентированные ст. 7 ФЗ об ОРД, из которых следует, что оперативно-розыскные мероприятия (далее - ОРМ) в отношении неопределенного круга лиц, к каковым относятся лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги в силу сложившихся отношений лицу, совершившему то или иное преступление, без достаточных оснований проводиться не могут. Для того чтобы провести подобные ОРМ, требуется наличие данных, позволяющих в случае их подтверждения ввести этих лиц в круг возможных соучастников преступной деятельности того или иного фигуранта [4].

Среди ученых возникают разногласия не только по поводу употребления тех или иных сомнительных терминов, но и в связи с правописанием ключевого словосочетания, используемого в профессиональном сыске, - «оперативно-розыскная (оперативно-разыскная) деятельность».

Разночтения, связанные с употреблением букв «о» или «а» в словосочетании «оперативно-розыскной» («оперативно-разыскной») ставят в тупик не только законодательную, но и правоприменительную практику, затрагивающую весьма чувствительную сферу правоохранительной деятельности, где неоднозначные формулировки базовых терминов могут привести к нарушению конституционных прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни. Словосочетания с использованием буквы «о» при написании указанного и производных от него терминов помимо ФЗ об ОРД содержатся в таких ныне действующих законо-

дательных актах, как Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, Законы РФ: от 01.04.1993 № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации»,от 21.07.1993 № 5485-I «О государственной тайне»; Федеральные законы РФ: от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», от 10.01.1996 № 5-ФЗ «О внешней разведке», от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» и др.

Словосочетания с использованием буквы «а» в указанном и производных от него терминах фигурируют в Уголовном кодексе РФ (ч. 4 ст. 303), в ряде Федеральных законов: от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (пп. 10 и 18 ст. 12; пп. 7 и 10 ст. 13), от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ст. 18), от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 10.1), от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 14), от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (ст. 15.2), от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам (ст. 7), от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ст. 62), от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 254, 273, 390) и др.

Кроме того, на сегодняшний день имеется не менее 20 подзаконных нормативных правовых актов Президента РФ и свыше 30 - Правительства РФ, а также более десятка только открытых ведомственных актов, в которых использовано словосочетание «оперативно-разыскная деятельность».

Причем дело иногда доходит до курьезов: в рамках одного и того же законодательного акта рассматриваемый термин используется с различным правописанием. В качестве примера можно рассмотреть Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Фе-

деральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Ст. 3 и 13 этого Закона предусмотрено внесение дополнений, содержащих термины «оперативно-розыскные мероприятия» и «оперативно-розыскная деятельность», соответственно в Федеральные законы «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О связи». Одновременно ст. 15 этого же Закона предусмотрено внесение дополнений, содержащих термин «оперативно-разыскная деятельность», в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Из заключения Института государства и права Российской академии наук следует, что первичная легализация рассматриваемого понятия в соответствующем написании в ФЗ об ОРД превратило его в термин - единственно правильное и подлежащее использованию в данной области профессионального знания значение понятия, делая его тем самым однозначным. Таким образом, законодатель использовал свое естественное право выбрать одну из допустимых норм правописания соответствующего словосочетания и легализовать ее. Тот факт, что в дальнейшем в некоторых своих актах он отошел от этого правописания, говорит лишь об одном – о снижении качества лингвистической экспертизы в ходе принятия федеральных законов, но никак не об изменении норм русского языка [5].

В разрешении данной правовой коллизии целесообразно согласиться с позицией профессоров В. М. Атмажитова, В. Г. Боброва, Е. С. Дубоносова, С. В. Максимова, М. А. Самелюка и других ученых, высказывающихся за восстановление единого правописания словосочетания «оперативно-розыскная деятельность» и производных от него терминов в нормативных правовых актах всех уровней путем приведения федеральных законов, в которых они используются, в соответствие с нормами Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной

деятельности». Только эта мера позволит упорядочить процесс правотворчества в рассматриваемой сфере общественных отношений [6].

Важное место среди проблем методологии теории ОРД занимают вопросы, связанные с методами познания, используемыми данной наукой (не следует их путать с методами ОРД). В научной литературе им уделяется определенное внимание, однако в ней сущность этих методов трактуется произвольно и неоднозначно. Все это предопределяет необходимость остановиться на их рассмотрении подробнее.

Обоснование научного знания, приведение его в стройную, единую систему всегда были одним из важнейших факторов развития науки [7]. Эти проблемы решает методология - философское учение о научном методе познания и преобразования действительности. Она предполагает использование не только философских, но и конкретных научных методов познания.

Профессор И. Д. Андреев полагал, что отдельной науки о методологии не существует [8, с. 231]. Конкретные методы научного познания изучаются конкретными науками на основе общей методологии, а их место в системе методов познания определяется философией [9].

Таким образом, являясь наукой о наиболее общих законах развития объективной действительности и ее познания, философия рассматривается в качестве диалектической логики, а также в качестве теории познания и метода познания [10], выполняющих функции методологической базы научных исследований в различных областях знаний. Она представляет собой единую научную диалектико-материалистическую методологию как «систему общих принципов подхода к изучению окружающего мира и как учение об общих методах познания, которая своеобразно, специфически применяется и преломляется в каждой конкретной науке».

Соединение материализма и диалектики в единое, целостное учение позволило выработать метод диалектического материализма, который наиболее последовательно характеризует познавательную сущность и предназначение теории ОРД, а также максимально полно определя-

ет содержание ее методологии. Рассматривая методы познания теории ОРД, целесообразно представить следующую их классификацию:

- всеобщий диалектический метод;
- формально-логические методы - анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, аналогия;
- общенаучные методы - наблюдение, сравнение, измерение, моделирование, эксперимент, описание;
- частнонаучные методы - методы различных наук, используемые в теории ОРД (социологические (анкетирование, опрос), метод исторической аналогии, математические (интерполяция, экстраполяция), статистические методы), и методы собственно теории ОРД (нормативные, поисковые) [11].

Еще одну проблемную область теории ОРД составляют вопросы, связанные с определением сущности и содержания оперативно-розыскных средств. Профессор А. Ю. Шумилов рассматривал их в довольно широком контексте. К таковым он причислял оперативно-технические, специальные технические, транспортные и иные средства, документы оперативного прикрытия, информационные системы, различные вещества, вооружение, помещения, животных и т. д. [12, с. 159].

На фоне достаточно основательной проработки теоретических и прикладных основ применения в ОРД прочих средств в гораздо меньшей степени исследован оперативно-розыскной учет и его использование в решении оперативно-тактических и стратегических задач. Проблемы, связанные с организацией надлежащего информационного обеспечения ОРД в целом и созданием его функционального ядра (оперативно-розыскного учета в частности), по-прежнему весьма актуальны. К ним относятся:

- оптимизация оперативно-розыскной регистрации;
- реализация научных принципов формирования оперативно-розыскного учета и создание на его основе интегрированного банка данных оперативно-розыскного назначения;

— организация информационного взаимодействия оперативно-розыскных подразделений правоохранительных органов;
— внедрение в практику передовых информационных и компьютерных технологий;
— совершенствование системы информационной безопасности в сфере аналитической работы;
— совершенствование законодательной и ведомственной нормативно-правовой базы информационно-аналитической работы оперативно-розыскных органов и др.[13, 14 (гл. I), 15].

В недостаточной мере исследованы и проблемы применения в ОРД такого ее эффективного средства, как служебные собаки. В опубликованных по данной проблематике работах рассматриваются, как правило, вопросы их традиционного применения в органах внутренних дел (преследование преступников по горячим следам; выявление предметов, способных явиться вещественными доказательствами; зашифровка оперативно-розыскных мероприятий и источников оперативно-розыскной информации и т. д.). Между тем в последние годы накоплен значительный опыт использования служебных собак в сфере деятельности иных органов, уполномоченных на осуществление ОРД.

В ФТС России служебные собаки используются по таким перспективным направлениям, как поиск табака и табачной продукции, бумажных денежных средств, объектов CITES, взрывчатых веществ, оружия, боеприпасов. Большое внимание в таможенных органах уделяется участию специалистов-кинологов в оперативно-розыскных мероприятиях и совместных операциях с иными правоохранительными органами [16].

По-своему уникальным является Кинологический центр Пограничной службы ФСБ России. Еще в далеком 1894 г. был выпущен циркуляр «О заведении на постах собак для службы пограничного надзора». В нем говорилось, что собаки облегчат обнаружение контрабандистов и их следов, а также будут содействовать задержанию лиц, «с тайными целями пробирающихся через границу». Для пограничных застав готовят розыскных собак, предназначенных для поиска и задержания наруши-

телей государственной границы. Пограничные кинологи воспитывают в них качества не только искусных охотников, но и смелых следопытов. Для пограничных пунктов пропуска необходимы животные и по другим направлениям дрессировки. Это специальные поисковые собаки, натренированные на обнаружение наркотиков, взрывчатки, оружия и боеприпасов в транспорте и багаже людей, пересекающих границу нашей страны [17].

Кинологический опыт правоохранительных органов и спецслужб подлежит глубокому и всестороннему изучению в целях разработки научно обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование такой практики. Дополнительного обсуждения требуют также вопросы применения служебных собак в процессе раскрытия и расследования преступлений с учетом зарубежного опыта.

Рассматривая вопросы, связанные с оперативно-розыскными мероприятиями, следует подчеркнуть, что они не исчерпывают всего содержания ОРД, не отражают весь механизм осуществления данной деятельности, хотя и составляют ее сердцевину. Поэтому особого внимания заслуживает вопрос о соотнесении этого понятия с понятием оперативно-розыскных мер. Попытки определить содержание последних были предприняты еще профессорами В. А. Лукашовым, Ю. С. Блиновым и другими учеными. Однако эта задача до сих пор не решена. По мнению В. М. Атмажитова, термин «оперативно-розыскные меры» включает в себя совокупность действий, направленных на достижение определенных целей, связанных с осуществлением оперативно-розыскной деятельности. Они могут носить характер организационно-управленческих, организационно-тактических, оперативно-тактических мер, быть связаны с осуществлением ОРМ, применением оперативно-розыскных методов и средств. Таким образом, понятие «оперативно-розыскные меры» является более емким, а «оперативно-розыскные мероприятия»- это лишь определенная их часть [3, с. 123].

А. Ю. Шумилов вместо термина «оперативно-розыскная мера» использовал близкое по содержанию понятие оперативно-розыскного по-

ступка. В его понимании оперативно-розыскной поступок - это основанный на правовых источниках ОРД общественно полезный правомерный интеллектуально-волевой поведенческий акт непосредственного субъекта ОРД (как системного единства принятия решения и совершения для его реализации определенного действия), обусловленный необходимостью решения задачи ОРД (ее задач) и достижения предусмотренных в ФЗ об ОРД целей. Другими словами, оперативно-розыскной поступок - это ОРМ или иная совокупность решений и действий оперативника (агента и т. п.), обусловленная необходимостью решения оперативно-розыскных задач [12, с. 194]

Как видим, приведенные выше термины различны по своему написанию, хотя сущность их практически одинакова. Причем оперативно-розыскные мероприятия оказываются более узким понятием в обоих случаях. Поэтому, по мнению специалистов, присутствие в практике ОРД помимо ОРМ оперативно-розыскных мер (оперативно-розыскных поступков) должно получить соответствующее закрепление в оперативно-розыскном законодательстве.

Касаясь проблематики оперативно-розыскных мероприятий, следует также отметить, что названия некоторых из них нуждаются в уточнении. Основанием для этого является то обстоятельство, что круг устанавливаемых или изучаемых в ходе их проведения объектов намного шире, чем тот, который определен законодателем. Так, «сбор образцов для сравнительного исследования» формально предполагает использование последних только для идентификационных исследований, поскольку сравнение - это метод установления тождества объектов. Тем не менее хорошо известно, что помимо идентификации в криминалистической и оперативно-розыскной практике широко используются и диагностические методы исследования, для которых также необходимо получение соответствующих образцов.

Перечень объектов ОРМ, включающий «отождествление личности» и «исследование предметов и документов»,на практике является более широким. В качестве объектов ОРМ, например, могут рассматри-

ваться физические и юридические лица, предметы, транспортные средства, трупы, документы, денежные знаки, особо ценные дикие животные и водные биоресурсы, объекты интеллектуальной деятельности, вещества, сооружения, участки местности и др. [14, с. 68–69 и 73–75.]

Рассматривая проблемы содействия граждан при осуществлении ОРД, автор данной статьи считает необходимым акцентировать внимание на необходимости более основательного изучения опыта гласного содействия, применявшегося на ранних этапах развития профессионального сыска.

В конце XIX – начале XX вв. у сыщиков имелось намного больше возможностей для получения легальной оперативной информации, чем у современных полицейских и представителей иных сыскных профессий. В те далекие времена сыщиками, как сама собой разумеющаяся, использовалась помощь извозчиков и дворников. Активное содействие сыскной полиции оказывали также трактирщики, швейцары, работники гостиниц, лавочники, железнодорожники и др. Действенную и своевременную помощь получали сыщики и от наружной полиции в лице частных приставов, околоточных надзирателей, городовых и т. д. В городе несложно было найти по приметам или имени ту или иную «даму легкого поведения», поскольку все они состояли на учете в ближайшей к месту их обитания полицейской части, где регулярно проходили медицинское освидетельствование и получали разрешение на работу [18].

Почему бы российским правоохранителям не «взять под свое крыло» работников ЖКХ и современных «извозчиков» - таксистов, трудовая деятельность которых основывается на лицензировании их деятельности и поддается эффективному контролю с применением отлаженных геоинформационных технологий? Что препятствует постановке на соответствующий учет современных «жриц любви»? Не будем сейчас говорить о легализации их профессиональной деятельности, однако с учетом того, что практически все дома терпимости, работающие под видом массажных салонов, саун, организаций, предоставляющих эскорт-услуги, и т. п., практически не скрывают фактической направленности своей деятельно-

сти и активно рекламируют себя через СМИ и Интернет, целесообразно брать их на заметку и работать с ними как с легальными источниками оперативной информации [19].

Весьма актуальными для теории ОРД являются проблемы совершенствования оперативно-розыскной тактики. На сегодняшний день одним из наиболее важных направлений в этом плане является разработка теоретических положений и научно обоснованных рекомендаций, касающихся противодействия компьютерным преступлениям (киберпреступлениям) — разновидности информационных преступлений. Наибольшую актуальность представляет противодействие органов, осуществляющих ОРД, следующим видам компьютерных преступлений, причиняющих наиболее существенный вред охраняемым общественным отношениям:

— распространение через Интернет материалов экстремистского характера, подпадающее под признаки ст. 282 УК РФ (организация экстремистского сообщества) ист. 282 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации);
— сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, квалифицируемый по признакам ст. 228, ч. 2, п. «б» УК РФ (незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества);
— мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159УК РФ);
— распространение или оборот с помощью сети Интернет порнографических материалов, подпадающее под признаки п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ (незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов), п. «г» ч. 2 ст. 242 УК

РФ (изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних), а также п. «г» ч. 2 ст. 242 УК РФ (использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов);

— уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ), с учетом использования электронных терминалов.

Известны и другие виды киберпреступлений, представляющих высокую общественную опасность, включая организацию через Интернет заказных убийств и склонение к самоубийству [20].

Силовые структуры западных стран, осознавая масштабы киберугроз, активно прорабатывают меры противодействия им. На этом фоне наша правоохранительная система в своих ответных действиях на технологизацию преступного мира явно запаздывает [21]. Чтобы это запаздывание не оказалось фатальным, необходима коренная перестройка всей системы подготовки кадров правоохранительных структур и их привлечения на службу в интересах борьбы с киберпреступностью. По существу, в ближайшее десятилетие все обычные силовые структуры должны стать одновременно и киберспецслужбами, использующими новейшие достижения в работе с «большими данными», по сбору иной представляющей интерес информации и ее анализу [22].

Немаловажное значение имеет проработка проблем организации ОРД, одним из элементов которой является обеспечение информационной безопасности ее субъектов. По своей внутренней форме правоотношения, связанные с обеспечением информационной безопасности в сфере ОРД, образуют своеобразную взаимосвязь правомочий и юридических обязанностей субъектов ОРД. Они весьма разнородны и противоречивы по своей сути. Именно порядок установления таких прав и обязанностей составляет один из основных элементов метода правового регулирования в рассматриваемой сфере деятельности. Он же определяет и основные сферы деятельности, связанной с обеспечением информационной

безопасности субъектов ОРД. Если известное научное определение информационной безопасности [23] адаптировать к специфике деятельности оперативных подразделений органов, уполномоченных на осуществление ОРД, то ее содержание можно представить в виде совокупности следующих трех основных элементов:

1) состояния информационной среды, обеспечивающего удовлетворение потребностей оперативных подразделений в необходимой информации;
2) безопасности информации и телекоммуникаций, находящихся в распоряжении оперативных подразделений;
3) защищенности штатных сотрудников оперативных подразделений и их конфидентов от негативных информационно-психологических воздействий.

Данные вопросы требуют проведения дополнительных исследований с участием не только специалистов в области правоведения, информационных технологий, психологии и других наук, но и практических работников оперативных подразделений [24].

Следует назвать еще одно актуальное направление совершенствования управленческих основ ОРД -ее организацию в особых условиях. В данной связи целесообразно рассмотреть опыт активизации ОРД в период противодействия всемирной эпидемии COVID-19, вспышка которой произошла в первом квартале 2020 г. Как известно, в создавшихся условиях наряду с существенным изменением общественных отношений основательно видоизменилась и сама преступность, в том числе организованная. Это потребовало перестройки всей системы профессионального сыска. В. С. Овчинский выделяет пять основных областей активизации преступности в период пандемии COVID–19: киберпреступность, мошенничество, распространение контрафактных товаров, проявления организованной преступности, активизация экстремистской и террористической деятельности.

Европолом в этой связи наряду с прочими предлагаются следующие меры, которые крайне важно адаптировать к российской специфике:

— Тщательное отслеживание воздействия вируса «второго порядка» (преступности) на безопасность, особенно там, где преступные организации стремятся извлечь прибыль, пользуясь бедственным положением населения.
— Выявление ОПГ, распространяющих сферу своего влияния на здравоохранение, торговлю лекарствами и медицинской техникой. Публичное противодействие попыткам создания преступными группами в условиях пандемии новых рынков, связанных с торговлей поддельными лекарствами. Пресечение рекламы запрещенных к распространению продуктов дикой природы.
— Активный мониторинг оперативными подразделениями поступающей информации с целью перехода «от реактивной к проактивной борьбе» с криминалом и терроризмом. Организация действий на опережение криминальных событий, распознание малейших угроз национальной безопасности и активное реагирование на них. Не следует забывать о стремлении злоумышленников перенести свою деятельность из оффлайна в онлайн с максимальной адаптацией к создавшейся ситуации традиционных преступных схем, а также внедрением их в законопослушный бизнес. Для обуздания криминальных устремлений различной направленности - использование в максимальной степени блокировки перемещения представителей ОПГ, а также формирований экстремистско-террористического толка через государственные границы [25].

В заключении данной статьи следует отметить следующее. В работе определены и кратко рассмотрены далеко не все актуальные направления дальнейшего развития теории ОРД. В этой сфере имеются и другие серьезные проблемы. Их решение должно учитываться при проведении научных исследований и в нормотворческой деятельности.

В силу того, что данная публикация является открытой, вполне закономерно, что в ней не рассматриваются вопросы, затрагивающие государственную тайну, и не приводятся ссылки на научные труды, имеющие

ограниченный доступ. Кроме того, не все положения, сформулированные в данной статье, безапелляционны. Некоторые из них носят дискуссионный характер и требуют дополнительной проработки.

Список литературы

1. Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография / В 3 т. Т. I: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. М.: Издательский дом Шумиловой И. И., 2013. С. 393–446.

2. Атмажитов В. М., Бобров В. Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. 2001. С. 7–31.

3. Атмажитов В. М. О направлениях развития теории оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов / под общ. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2017.

4. Ковалев Н. Д., Яковец Е. Н. Кто такие «близкие лица» коррупционера и наркодилера? // Оперативник (Сыщик). 2017. № 2 (51). С. 68–72.

5. Заключение Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт государства и права РАН (ИГП РАН)» по вопросу об обоснованности использования в законодательстве и иных нормативных правовых актах двух норм правописания термина «оперативно-розыскной» и связанных с ним проблемах нормотворчества (в связи с обращением Депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Н. Д. Ковалева). Исх. № 14202/2113.1 от 11.08.2017.

6. Ковалев Н. Д., Яковец Е. Н. Коллизии норм оперативно-розыскного права и способы их разрешения в процессе правотворчества // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 46-52.

7. Философия и методология науки: В 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 10.

8. Андреев И. Д. Теория как форма организации научного знания. М.: Издательство «Наука», 1979, с. 231.

9. Философия: Учебное пособие для высших учебных заведений. Ростов н/Д, 2001. С. 25.

10. Грядовой Д. И. Философия: Структурный курс основ философии: Учебное пособие. М., 2001. С. 101.

11. Яковец Е. Н. Проблемы аналитической работы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. М.: Издательский дом Шумиловой И. И. 2005. С. 31–48.

12. Основы оперативно-разыскной деятельности: учебник в 2 т. Т. 1: Общая часть / С. П. Жданов, О. Г. Карпович, Е. С. Недосекова и др.; предисл.: В. Б. Мантусова; под ред. Шумилова А. Ю.Люберцы: РИО Российской таможенной академии, 2020.

13. Яковец Е. Н. Основы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. М.: МосУ МВД России, издательство «Щит-М», 2009. С. 98–145.

14. Денисов В. В., Горошко И. В., Яковец Е. Н. и др.Организация информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2017.

15. Яковец Е. Н. Основы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности таможенных органов: монография. Люберцы: Издательство Российской таможенной академии, 2019. С. 60–114.

16. Центральная таможня (Кинологический центр ФТС России). URL: http://kinolog.customs.ru/about/history (дата обращения: 01.04.2020).

17. В погранслужбе ФСБ служебных собак считают незаменимыми в охране границы // РИА «Новости». URL: https:// ria.ru/20180527/1521491190.html (дата обращения: 01.04.2020).

18. Сорок лет среди грабителей и убийц: записки первого начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции И. Д. Путилина // Портал «Родон». URL: http://www.rodon.org/pid/slsgib.htm (дата обращения: 26.03.2020).

19. Яковец Е. Н. Как в современных условиях повысить эффективность профессионального сыска? // История государства и права. № 16. 2017. С. 14–18.

20. Яковец Е. Н. Оперативно-разыскные меры полиции по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 127–131.

21. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: хрестоматия / сост. В. С. Овчинский. М.: Норма, 2017. 528 с.

22. Овчинский В. С. Преступность: футурологический взгляд // Газета «Завтра». URL: https://izborsk-club.ru/8813 (дата обращения: 14.03.2020).

23. Алексенцев А. И. Информационная безопасность // Безопасность информационных технологий. 1999. № 1. С. 16–20.

24. Журавленко Н. И., Яковец Е. Н. Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности оперативных подразделений органов внутренних дел: учебно-практическое пособие. Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2018. 68 с.

25. Овчинский В. С. Преступность COVID-19: Как меняется криминал в период пандемии // Газета «Завтра». URL: http://zavtra.ru/blogs/prestupnost_covid_19 (дата обращения: 31.03.2020).

References

1. Shumilov, A. Yu. Operational Search Science in the Russian Federation / In 3 volumes. Vol. 1: Operational Search Activities and Formation of Operational Search Science. Moscow: I. Shumilova's Publishing House, 2013. Pp. 393–446.

2. Atmazhitov, V. M., Bobrov, V. G. On the Main Directions of Further Development of the Theory of Operational Search Activities of the Internal Affairs Bodies // Topical Theoretical and Practical Issues of Operational Search Activities: The Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2001. Pp. 7–31.

3. Atmazhitov, V. M. On the Directions of Development of the Theory of Operational Search Activities // Topical Issues of the Theory of Operational Search Activities / K. K. Goryainov, V. S. Ovchinskiy (general editors). Moscow: INFRA-M, 2017.

4. Kovalev, N. D., Yakovets, E. N. Who Are "Close Persons" to a Corrupt and a Drug Dealer? // Field Investigator (Sleuth). 2017. No. 2 (51). Pp. 68–72.

5. Resolution of the Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences on the Issue of Justification for the Use of Two Spelling Standards for the Term "Operational Search" in the Legislation and Other Normative Legal Acts and Related Problems of Rulemaking (on appeal by the Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation N. D. Kovalev). Issue No. 14202/2113.1 of August 11, 2017.

6. Kovalev, N. D., Yakovets, E. N. The Conflict of Norms of Operational-Investigative Law and the Means of Resolving Them in Lawmaking // The Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (46). Pp. 46–52.

7. Philosophy and Methodology of Science: In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 1994. P. 10.

8. Andreyev, I. D. Theory as a Form of Organization of Scientific Knowledge. Moscow: Nauka, 1979. P. 231.

9. Philosophy: A Textbook for Higher Education. Rostov-on-Don, 2001. P. 25.

10. Gryadovoy, D. I. Philosophy: A Structural Course of the Fundamentals of Philosophy: A Textbook. Moscow, 2001. P. 101.

11. Yakovets, Ye. N. Problems of Analytical Work in the Operational Search Activities of the Internal Affairs Bodies. Moscow: I. Shumilova's Publishing House, 2005. Pp. 31–48.

12. The Basics of Operational Search Activities: A Textbook: In 2 volumes. Vol. 1 / S. P. Zhdanov, O. G. Karpovich, Ye. S. Nedosekova et al.; edited by Shumilov A. Yu. Lyubertsy: Russian Customs Academy, 2020.

13. Yakovets, Ye. N. The Basics of Information and Analytical Support of Operational Search Activities: A Textbook. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Shchit-M, 2009. Pp. 98–145.

14. Denisov, V. V., Goroshko, I. V., Yakovets, Ye. N. et al. Organization of Information and Analytical Support for Operational Search Activities of the Internal Affairs Bodies: A Textbook. Moscow: The Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017.

15. Yakovets, Ye. N. The Basics of Information and Analytical Support for Operational Search Activities of Customs Authorities. Lyubertsy: Russian Customs Academy, 2019. Pp. 60–114.

16. Central Customs (Dog Training Center of the Federal Customs Service of Russia). URL: http://kinolog.customs.ru/about/history (access date: April 1, 2020).

17. The Border Service of the Federal Security Service Considers Service Dogs Indispensable in Border Protection // RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20180527/1521491190.html (access date: April 1, 2020).

18. Forty Years Among Robbers and Killers: Notes of I. D. Putilin, First Chief of the St. Petersburg Detective Police // Rodon. URL: http://www.rodon.org/pid/slsgib.htm (access date: March 26, 2020).

19. Yakovets, Ye. N. How to Increase the Effectiveness of a Professional Investigation in Modern Conditions? // History of State and Law. No. 16. 2017. Pp. 14–18.

20. Yakovets, E. N. Police Detection and Search Operations Aimed at Protecting Information Security of the Russian Federation // The Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3 (43). Pp. 127–131.

21. The Basics of the Fight Against Cybercrime and Cyber Terrorism / compiled by V. S. Ovchinskiy. Moscow: Norma, 2017. 528 p.

22. Ovchinskiy, V. S. Criminality: a Futurological View // Zavtra. URL: https://izborsk-club.ru/8813 (access date: March 14, 2020).

23. Aleksentsev, A. I. Information Security // IT Security. 1999. No. 1. Pp. 16–20.

24. Zhuravlenko N. I., Yakovets Ye. N. Organizational and Legal Support of Information Security of the Operational Units of the Internal Affairs Bodies: A Workbook.

Simferopol: Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 68 p.

25. Ovchinskiy, V. S. COVID-19 Criminality: How Crime Changes in the Pandemic Period // Zavtra. URL: http://zavtra.ru/blogs/prestupnost_covid_19 (access date: March 31, 2020).